

Красавица Леночка и другие психопаты

Жил-был человек по имени Джонни, во многом не похожий на других. Он был далеко не идеален, обладая непростым характером и многими странностями. Но у него была также широкая, открытая душа и очень доброе сердце. Несмотря на свой весьма уединённый образ жизни, Джонни любил людей и постоянно стремился помогать тем, кто в этом нуждается. С радостью делился он с другими своими знаниями, стремясь передать окружающим ощущение, что, несмотря на всё зло царящее вокруг, мир прекрасен и удивителен, надо лишь научиться видеть, понимать, ценить и беречь эту красоту. Осознавая, как трудно порой приходится людям, иногда безропотно раздавал нуждающимся то небольшое, чем обладал сам.

Видимо, так уж устроен мир, что время от времени этот человек притягивал к себе тех, кто был едва ли не полной его противоположностью. Несмотря на неотразимое обаяние, эти люди лишены многих черт личности, делающих человека человеком в высоком смысле слова. Так, они ведут паразитический образ жизни, манипулируя другими, используя их и не считаясь с их интересами. Эти люди также не способны жалеть и сострадать, беспощадны, патологически лживы, безответственны, импульсивны, эгоцентричны и наделены манией величия. Кроме того, даже незначительные фрустрации провоцируют у них сильную агрессию по отношению к окружающим, в первую очередь близким.

Наблюдая, как Джонни взаимодействует с этими людьми, кто-то втайне жалел его. Другие же просто отмечали про себя, что наша жизнь это джунгли, по которым кто-то идёт как турист, а кто-то – как завтрак туриста.

И вот однажды Джонни встретил очень необычную девушку. Поначалу знакомство с милой блондинкой не вызывало у него никаких особых иллюзий: с виду вроде девушка как девушка. Однако чем дальше, тем больше обнаруживалось её отличие от других. Джонни привык к тому, что если разговор с девушкой не гложет сразу, практически не начавшись, то всё равно он быстро приходит к чему-то наподобие вопроса о том, почему девушка должна встретиться именно с ним и в чём он видит свои преимущества перед его многочисленными конкурентами. Считая такую постановку вопроса убийственной для своего романтического видения отношений и не находя ответа, который бы понравился девушке, Джонни замолчал... до тех пор, пока примерно такой же разговор не повторялся... уже с другой женщиной.

Леночка же отвечала на его вопросы, рассказывала о себе, о своей жизни, задавала вопросы ему. А через какое-то время сама предложила встретиться. А ещё, за некоторое время до их первой встречи, она написала ему: знаешь, вот мы с тобой практически не знакомы, а мне уже хочется поделиться чем-то с тобой, рассказать кое-что личное. Как ты думаешь, стоит? И когда Джонни ответил утвердительно, Леночка рассказала ему о том, что её бросил мужчина, которого она любила. Говорила о том, как она не может «отпустить» того мужчину и постоянно названивает ему. И о том, что она чего только ни делала, чтобы его вернуть: слушала советы подруг, даже к гадалке ходила, но ничто ей не помогло.

При первой встрече Леночка просто очаровала нашего героя. Конечно, на улицах столичного города нетрудно встретить красивую девушку. Или, как минимум, правильно отштукатуренную, которая может сойти за красивую. Но чтобы она вот так сидела напротив, улыбалась тебе и говорила: да-да, я тебя внимательно слушаю...

Здесь следует оговориться, что девичья красота для Джонни заключалась не только и не столько в правильных чертах лица и стройности фигуры, но также в том, что это именно тот человек, с чьим сердцем его сердце сможет биться в такт. Они откроют друг другу свои души, он возьмёт её за руку, и они пойдут вместе по жизненному пути, который отныне для них станет общим.

И это после того, как практически неизменно, за редкими исключениями, каждый раз, при первой встрече женщины давали ему понять: ты мне не нравишься. И либо сразу разворачивались и уходили, либо отбывали номер до конца, то словно не замечая его, то (что также случалось время от времени) вымещая на нём свои фрустрации по поводу ещё одной неудачной попытки встретить Очаровательного Принца или что-нибудь в этом роде.

Определённо, было в этой девушке что-то такое, что вскружило ему голову и породило в нём иллюзию, что, возможно, несмотря на грустный прошлый опыт у каждого из них, они со временем будут значить очень много друг для друга.

Однако при расставании Джонни не решился спросить у Леночки, может ли он надеяться увидеть её снова. И, не получив от неё весточки в течение нескольких дней, обречённо решил про себя: «ну естественно. Что и требовалось доказать». Однако на всякий случай написал ей по почте, на что она ему ответила: у тебя же есть мой номер мобильного телефона, так что ты всегда можешь мне написать или позвонить.

После этого они виделись где-то раз в полтора месяца, ходили в месте в кино или просто сидели в кафе. Время от времени Леночка также писала ему письма по электронной почте, в которых делилась своими переживаниями или спрашивала, как лучше поступить той или иной её знакомой или подруге в ситуации личного характера. Однако он понимал, что у неё своя жизнь: она никак не может забыть того мужчину, а также пытается найти ему адекватную замену. И, как бы трудно ни далось ему это решение, он настроился никогда больше ей не писать.

И вдруг, когда Джонни уже смирился с ситуацией, неожиданно, в свой день рождения он получил от Леночки смс-ку. Нет-нет, конечно же она не помнила про его день рождения, да он и не питал на сей счёт никаких иллюзий. А написала она примерно следующее: как ты? Мне нужно тебе кое-что рассказать. Пиши, звони, не пропадай. И когда он ей ответил, мол, да, пожалуйста, я жду твою историю, она написала: мне придётся очень многое рассказать тебе, фактически полжизни. Что-то тебе понравится, а что-то нет. Но мне действительно нужен твой совет. И не только...

Как Джонни и предполагал, Леночка начала с краткого упоминания своего первого молодого человека. Того самого, с которым они встречались четыре года, а потом расстались «с улыбками на лицах». Познакомились они в интернете. По словам Леночки, тот молодой человек ей сразу не очень понравился, и она не хотела с ним никаких отношений. Однако молодой человек за ней «красиво ухаживал», возил её по заграницам и прочее, в результате чего добился её благосклонности. Затем она рассказала, что со временем поняла, что «у неё ничего нет к этому человеку», однако вроде как они привыкли друг к другу и никто не хотел до поры до времени разрывать отношения. Хотя в рассказе Леночки на первый взгляд не было ничего из ряда вон выходящего, некоторые вещи всё же серьёзно насторожили нашего героя. В частности, его насторожило в её рассказе относительное обилие критики в адрес того молодого человека.

- Леночка говорила, что когда они познакомились, он был «обычным дворовым мальчиком», только что закончившим институт и работавшим на непонятно какой работе, неинтересным в общении и не способным заинтересовать её своим разговором.

- Леночка говорила также о том, как её бесило, что его родители, особенно мама, были для него авторитетами. Также её раздражало то, что со временем он всё больше, тайком от неё (очевидно, она ему запрещала), стал общаться со своими друзьями.

Джонни довольно быстро, даже не прося её уточнять и рассказывать более подробно, сумел разгадать смысл такого её поведения: ей нужно было разорвать сеть социальной поддержки, в которую он был погружён (родители, друзья), с тем чтобы:

- с одной стороны, сделать его как можно более зависимым эмоционально от себя;

- с другой стороны, воспрепятствовать тому, чтобы они открыли ему, ослеплённому ею, глаза на неё и на их отношения.

Также, на основе рассказа Леночки о её первом молодом человеке, у Джонни сформировалось неприятное впечатление о том, как Леночка раздувала свою якобы позитивную роль в жизни того парня. Она, в частности, ставила себе в заслугу то, что когда он стал встречаться с ней, он стал лучше одеваться, купил сначала одну машину, а потом другую, в целом стал значительно более представительным. По её словам, даже общаться с ним стало интереснее. (Ещё бы, он же стал более представительным,- цинично усмехался про себя Джонни.)

В качестве причин, поведших к её разочарованию в этом молодом человеке, она назвала несколько причин. С одной стороны, чисто житейские, например, что Леночка боялась его большой собаки. И не хотела также ездить с ним на его дачу, которая, по её словам, на самом деле представляла собой неблагоустроенный сарай. С другой стороны, она также упоминала навевавшую скуку рутинность их встреч, проходивших, по её словам, по неизменной схеме кино-кафе-дом.

«Собака меня не любила, поэтому я не очень часто могла приезжать к нему домой. Я была очень капризной. Он поначалу, как я уже сказала, первые год 2 или 2,5 года *терпел* молча. А потом пошли ссоры. И еще с каждым днем я все больше понимала, что не хочу за него замуж и не хочу от него детей. Не от этого человека. Но была сильная привычка, да и человек вроде бы был родной, неплохой. Но, видно, не судьба. Хотя сейчас скажу, что все мои придирки и капризы - это все ерунда. Если бы я любила, то такого бы не было. Поэтому, наверное, и рассталась с ним легко, не было чувств. Я даже не заплакала, как будто все эти 4 года были как во сне. Никаких особых эмоций. Но он хороший, добрый и очень заслуживает счастья. Чего я очень ему желаю и надеюсь, что это у него сейчас есть».

Джонни не мог не обратить внимания, что даже в своих капризах Леночка умудрилась обвинить того молодого человека. Мол, это всё потому, что я его не любила. Типа, сам виноват, что не сумел в ней пробудить чувства. Было совершенно очевидно, откуда взялась её «сильная привычка»: прежде чем окончательно расстаться с тем молодым человеком, ей нужно было сначала найти другого, который о ней «позаботится». Если бы она рассталась с ним до того, она автоматически потеряла бы все «подарки» и прочие материальные блага, которые она всё же умудрялась получать в ходе практически несуществующих отношений с ним. По её словам, хотя он неоднократно делал ей предложение, она сначала откладывала свадьбу под тем предлогом, что не хочет жить под одной крышей с его родителями, а затем поняла, что просто не хочет выходить замуж за этого человека, рожать от него детей и всё такое. Насчёт семьи и детей всё также было совершенно логично, ибо они нужны таким, как она, в качестве легальных инструментов контроля крупной добычи (мужчины), с которой они просто не в состоянии иначе справиться.

Также Джонни был поражён тем, что Леночка поставила себе в заслугу даже то, что после расставания с ней тот молодой человек «быстро нашёл себе женщину». Более того, в её рассказе об этом слышались нотки якобы заботы о том, чтобы он легко пережил расставание с ней. («У моего бывшего появилась женщина - чему я была безумно рада, что человек не страдает долго из-за меня».) На самом деле более вероятным представлялось следующее. Когда после нескольких месяцев отношений её послал её «бывший», она решила позвонить своему первому молодому человеку. С тем, чтобы не то чтобы

встречаться снова, а чтобы поплакаться, надавить на жалость, и под это дело попытаться снова получать от него материальную помощь в виде если не наличных денег, то подарков, шмоток и т.д. Однако тот молодой человек к тому времени либо действительно уже нашёл себе женщину, либо просто не хотел больше иметь дело с Леночкой, поняв, наконец, зачем он на самом деле ей был нужен всю дорогу.

А ещё, если бы не мрачное осознание того, насколько всё-таки гнилыми сплошь и рядом бывают отношения мужчины и женщины, Джонни бы рассмешила Леночкина пафосная формулировка о том, что её первый молодой человек «заслуживает счастья» и чтобы у него всё было хорошо. Здесь явно просматривалась какая-то нездоровая мания величия, вследствие которой она, словно языческий божок, решала, кто достоин счастья и благополучия, а кто нет.

Леночка познакомилась со своим бывшим (со свойственной ей скрытностью, она никогда не называла его имени, поэтому этот человек всегда фигурировал в её рассказах как «бывший») в силу того обстоятельства, что в течение некоторого времени они работали в одной фирме. Эта компания, торговавшая по всей Москве пирожками, называлась «Великий Жрец» или что-то в этом роде. «Знаешь, это может показаться странным, ну или простым совпадением, но он заметил меня намного раньше, чем я его. Ты уже знаешь, что я познакомилась с ним на работе у нас. Так вот, возможно я тебе рассказывала это и раньше, я уже не помню. Он у нас работал не в первый раз. Т.е. он пришел однажды, проработал месяцев 8 и ушел, а потом через 2 года снова к нам пришел. Так вот, я же там тоже уже работала, когда он работал в первый раз. Но тогда я на него даже внимания никакого не обратила. Да, я знала, что вот у нас он работает, и что? Дядька какой-то, блин, да ещё и с бородой. Как дед мороз долбаный! И что одно я запомнила – это я помню, как он от нас уходил, т.е. увольнялся. Он очень долго тогда "общался" с нашим директором. Учил жизни директора, что он, мол, не так строит свой бизнес, и что если так и дело и дальше пойдет, то все на хер развалится. Это он говорил человеку, который бизнес этот держит уже не один десяток лет и который был старше его на сколько. Брр... Ну и дурак,- подумала я тогда, когда видела, как он прошел мимо меня и как-то странно посмотрел. Однако мне потом рассказали. Что уже тогда, то бишь несколько лет назад, он мной интересовался. Во как. Там его друг один работал у нас. Так вот, он у него еще и спрашивал про меня. Ну а тот ему и сказал, ты че совсем офонарел, сколько ей лет и сколько тебе? И у неё бойфренд, который возит её по заграницам, так что тебе, брат, здесь ничего не светит. Но, как мне сказали, он на этом потом не успокоился, а узнавал, где я живу, с кем встречаюсь, как давно, как зовут и т.д. Но на этом узнавании все дело и затихло. Я тогда крепко стояла на ногах, и он не представлял для меня никакого интереса. До следующей встречи, через некоторое время». После такого Леночкиного рассказа Джонни не давала покоя мысль о серьёзной аномалии её эмоционального мира. Его поразили её слова о том, что тогда у неё было хорошо с первым молодым человеком, и потому её бывший не представлял для неё тогда угрозы. Это выглядело так, словно тот олицетворял некоего хищного зверя, охотившегося на неё и стремившегося сбить её с ног («я тогда крепко стояла на ногах, и он не представлял для меня никакого интереса»). Джонни был просто шокирован такой формулировкой из уст той, которая говорила, что она по-прежнему любит этого человека и хочет быть с ним, несмотря ни на что. Кроме того, Джонни не мог не обратить внимания, как Леночка не раз нарочито подчёркивала, что её бывший первый обратил на неё внимание и увлёкся ею, словно это доставляло ей торжество от осознания того, что в какой-то момент она располагала властью в их взаимоотношениях. Кроме того, в её словах, в её рассуждениях явно просматривалась какая-то неувязка, выдающая, с одной стороны, её ложь, а с другой – какие-то серьёзные неполадки с её личностью, с её внутренним миром. В голове у Джонни промелькнула мысль о том, что от таких людей, как она, нужно держаться подальше. Однако вскоре он также поймал себя на ощущении, что Леночкина история, её поведение, она сама, вообще всё, что связано с ней, интриговали его всё больше и больше.

Леночка дальше рассказывала о том, как все четыре года в компании «Великий Жрец» ей было ужасно скучно на работе. В этом плане переезд офиса внёс некоторое оживление в рутинную жизнь организации. В период переезда у неё на работе появился новый сотрудник. Вначале Леночка не испытала особого восторга по поводу нового сотрудника: «старше меня, бородатый как грёбаный дед мороз».

Свой рассказ о том, как покорила её бывший, Леночка начала примерно так: «Однажды пришла я на работу. Мне было как всегда скучно, и от нечего делать я стала строить глазки новому сотруднику. Потом, когда он вышел из комнаты, я вышла следом за ним, и он неожиданно мне сказал: «если бы у меня сейчас были чистые руки, я бы взял тебя на ручки». Так, это уже интересно,- подумала она. Мысленно хмыкнув на Леночкину «романтическую версию», Джонни, тем не менее, сумел сформулировать догадку относительно того, чем на самом деле её так очаровал этот мужчина. Когда он только пришёл к ним на работу и стал проявлять к ней недвусмысленные знаки внимания, она, имевшая как сотрудник отдела кадров доступ к личным делам сотрудников, посмотрела, где он живёт! «Скажи, у тебя есть мечта? А у меня есть. И она материальна». После чего Леночка принялась рассказывать, как она мечтает перебраться из однокомнатной квартирки на юго-западе Москвы, где она проживает со своей мамой, в уютную просторную квартиру где-нибудь в районе Чистых прудов. Так для Джонни прояснилась «цена вопроса» применительно к Леночкиным чувствам к тому мужчине.

Когда Джонни читал про Леночкины мечты относительно квартиры в центре, ему почему-то явственно вспоминалась одна история, которая происходила ещё до его знакомства с Леночкой, как раз тогда, когда она встречалась с бывшим. Джонни тогда на том самом сайте (у сайта было какое-то нерусское название: то ли meeting, то ли petting), где он впоследствии познакомился с Леночкой, переписывался с

одной милой с виду девушкой. Так уж сложилось, что время от времени разные девушки делились с ним своими переживаниями, наблюдениями, мыслями. Хотя распространённой была точка зрения, что девушка не будет так откровенничать с нормальным, полноценным мужчиной, а только с таким, как Джонни, относительно которого она знала, что он всегда ей будет только «другом», сам Джонни не видел в этом ничего зазорного. Напротив, где-то в глубине души он считал честью для себя, что девушки доверяют ему и старался быть внимательным слушателем. А если его просили, то и высказывал свои соображения. И вот однажды на том самом сайте девушка по имени Елена примерно возраста Леночки рассказала ей о том, что пропал её мужчина, возрастом примерно как Леночкин бывший. (Конечно, тогда это была точно не та Леночка и мужчина её точно не Леночкин бывший, но аналогия сама по себе примечательна!) Джонни принялся её успокаивать: да ладно, что с ним случится, куда он денется и всё такое. Однако девушка не унималась: «Не надо меня успокаивать. Вы (она называла его на «Вы») ничего о нём не знаете. Он не совсем адекватный. Иногда даже ведёт себя как совсем не адекватный человек. Поэтому я переживаю, что, возможно, с ним что-то случилось». Джонни был тронут тем, что есть, оказываются, такие милые девушки, у которых явно есть выбор, которые встречаются с неадекватными людьми. Однако она сама вдруг резко испортила ему настроение своим заявлением, которое словно выглядело оправданием того, что она встречается с неадекватным человеком. Она вдруг начала говорить: «да, он неадекватный, но зато у него квартира на Пречистенке. Вот Вы, может, и замечательный человек, но Вы никогда не сможете купить квартиру в центре Москвы. Это совершенно другой мир, другое качество жизни, от которого Вас отделяет пропасть». Конечно же, его бесило, когда кто-то ему говорил: «у тебя никогда не будет того-то». Поэтому он ничего больше не стал писать тогда той девушке. Тем более что вскоре она удалилась с сайта. «Небось нашёлся обратно её неадекватный», - злобно-цинично подумал тогда Джонни.

Примерно в тот же период, т.е. осенью 2009, ему довелось столкнуться с ещё более тяжёлым случаем. На том же самом сайте он познакомился с девушкой по имени Катерина. Он не увидел в Катерине ничего особенного, но надо же было ему хоть с кем-то познакомиться, верно? Видимо, в силу её ординарности Катерине он не приглянулся, но зато она почему-то загорелась идеей познакомить его со своей подругой по имени Любовь. Для этого, по замыслу Катерины, ему нужно было зарегистрироваться в контакте и написать там этой Любви. Конечно, после того как он узнал немного о подруге, он уже был уверен заранее, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Тем не менее, будучи в значительной мере человеком уступчивым, он подумал, что проще ему зарегистрироваться в контакте, чем объяснять Катерине, что он не хочет идти на поводу заморочек её подруги. Дело в том, что Катерина не раз предупреждала его: ни за что, никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминайте, что мы с Вами встретились на сайте знакомств. Она убеждена, что там сидят только ущербные люди. Когда, списавшись с Любовью в контакте, он всё же набрался решимости и позвонил, она произвела на него впечатление человека чудовищно одинокого, несмотря на бурную активность на её странице в контакте и за её пределами. Она принялась подробно рассказывать ему про свою работу, где она занимается организацией праздников и мероприятий. Потом принялась рассказывать о женщине, которая её просто извела, убивая своей неадекватностью. «И ведь живёт в приличном районе. Я понимаю, жила бы она в Чертаново...». На этом месте Джонни, который уже не мог спокойно слушать, перебил её: «и что здесь такого? Я вот родился и вырос в Чертаново». Видимо, не желая портить разговор, Любовь принялась пояснять что, конечно же, человек не волен выбирать, в каком районе ему родиться, равно как и в какой семье. Но что достойный человек всегда будет стремиться ввысь, будет активно работать день и ночь, добиваться того чтобы раз и навсегда выбраться из смрадного болота... «Смрадное болото – это твой куриный мозг», - подумал Джонни, и поспешил завершить этот разговор, который нравился ему всё меньше и меньше. Он больше никогда не отвечал на звонки и смс Катерины, кипевшей сказать ему, как она, несмотря на первое впечатление, всё же считала его приличным человеком, и как он её подставил перед подругой. И хотя ему говорили, что сделать это практически невозможно, он спокойно и без сожалений удалился из контакта и одноклассников. Тем более что общаться ему там было не с кем и не о чем, ведь в отличие от этих людей ему было нечем похвастаться. По их меркам, он ничего стоящего в своей жизни не достиг и не добился. Самым же странным в истории с Катериной ему представлялось следующее. Как минимум пару раз, многие месяцы, а то и более года спустя после его ухода из контакта, он получал по электронной почте уведомление, что Катерина хочет с ним подружиться. Перейдя по ссылке, он каждый раз убеждался, что это та самая Катерина. Видимо, она время от времени меняла свою страницу в контакте или заводила новые. Джонни мог понять, по крайней мере, теоретически, как это здорово, когда у тебя есть настоящие друзья, которые помогут в трудную минуту и всё такое. Но зачем этой Катерине нужно было присутствие на её странице в контакте его виртуального тупа, этого он так и не понял.

Если же говорить о месте жительства, то, конечно же, ему очень нравились на фотках, которые показывала ему Леночка, аккуратные домики в районе Чистых прудов. Он понимал, как безобразно на их фоне смотрятся штампованные красно-белые железобетонные фаллические символы, тычущие своим срамом в небо в любом спальном районе. Он вспоминал как однажды, когда он оказался в районе 10 вечера в районе платформы «Бирюлёво-Пассажирская» у него возникло ощущение, что эту местность населяют в основном гопники, алкоголики и южане. Тогда Джонни пережил момент озарения или инсайта, в котором ему открылась великая мудрость, заключённая в надписи на заборе: «если хочешь жить хреново – приезжай к нам, в Бирюлёво». Он также надолго запомнил как однажды, когда он ехал на лёгком метро по Южному

Бутово, был поражён тем, что некоторые люди, живущие там, не видят в свои окна практически ничего, кроме чужих окон и стен.

Тем не менее, Джонни не считал, что в элитных районах более качественно живут более качественные люди. И дело даже не в том, что если, скажем, в Бирюлёво или Южном Бутово дадут в морду и отнимут мобильник, то в центре скорее сразу пристрелят как лишнего свидетеля. Для Джонни качество жизни измерялось не местом проживания, а тем смыслом и содержанием, которым человек наполнял свою жизнь.

Конечно же, Джонни понимал, что Леночку её бывший привлекал отнюдь не только территориальным расположением его жилплощади. Так, говоря языком физики, можно было сказать, что динамика её жизни и взаимоотношений с людьми описывалась принципом наименьшего действия. Соответственно, в процессе переезда их офиса, когда на ленивую Леночку свалилось непривычное и потому уж слишком некомфортное количество работы, и её бывший делал за неё значительную часть её работы, она поняла, что он мужик деятельный и готовый о ней заботиться, т.е. опять-таки то, что ей нужно.

Другим немаловажным моментом, связанным с её бывшим было то, что ей было хорошо с ним в постели. По её словам, с первым молодым человеком ей не нравилось заниматься сексом, и она старалась делать это как можно реже. Этот же, по её словам, делал нечто такое, от чего она просто сходила с ума. Очевидно, Леночкин бывший, более искушённый в борьбе за женские сердца и прочие части женского организма, прекрасно понимал, что если он не постарается сделать женщине приятно, весьма вероятно, что эта женщина будет делать приятно другому мужчине.

Таким образом, её «бывший», по крайней мере, на тот момент, был для неё «то, что надо». И когда он, по её словам, говорил ей, что она будет хорошей мамой и женой и познакомил её со своими родителями, она была (опять-таки, с её слов) на седьмом небе от счастья. Она постоянно говорила ему, что любит его. Но была ли это подлинная любовь? Вот некоторые факты:

- Леночка рассказывала, что когда они только познакомились, её бывший был «тень, а не человек». Однако когда стал встречаться с ней, он стал похож на человека. «Вот видишь иногда человека – он как тень и ничего больше, тень и всё. А потом бах – и уже не такой: через несколько встреч переделался, переобулся, побрился, в конце концов, да и взгляд стал другой. Одним словом человек, а не тень». Джонни настаивала такая формулировка, т.к. он считал, что если действительно любишь человека, то, конечно, можно говорить о том, что какая-то одежда, стрижка или борода ему не идёт, однако говорить при этом что он «тень, а не человек», - это уже слишком.

- В ответ на первое же письмо с рассказом про её бывшего, Джонни спросил у Леночки, что за человек этот мужчина. Она ответила, что не ставила перед собой задачи это выяснить. А в ответ на недоуменный вопрос со стороны Джонни пояснила, что она сразу поняла, что ей нужен этот мужчина, и всё тут, а уж какой он там человек, её особо не интересовало. Неужели тебе не было интересно разобраться, что за человек тот, кого ты любишь? - недоумевал Джонни. Не было такой цели, - без тени сомнения отвечала Леночка.

При таком раскладе было не удивительно, что, со слов Леночки, сам тот мужчина со временем в ответ на её признания в любви сначала стал ворчать что это «не та любовь», а потом и вовсе стал отвечать вопросом: «а ты уверена?» Леночка жаловалась, что в итоге её бывший заявил ей, что она любит не его, а свою потребность в нём.

Однако наиболее драматический поворот в отношениях Леночки и её бывшего был связан с другой женщиной, сыгравшей роковую роль в жизни этого мужчины. По словам Леночки, он любил ту женщину, которую также звали Елена, с юных лет, прожил с этой Еленой шесть лет, после чего она оставила его, уйдя к более состоятельному мужчине. Опять-таки, со слов Леночки, это было для него серьёзным потрясением. Однако он не сдался, не опустил руки, а решил, во что бы то ни стало, вернуть ту Елену, которую он считал любовью всей своей жизни. Однако время шло, у него долго не было женщины (по крайней мере, по словам Леночки, он ей так говорил), а тут ему подвернулась Леночка. Когда они с Леночкой только познакомились, он рассказал ей в общих чертах про свою роковую женщину, не сообщая, однако, подробностей, и по его настоянию, тема эта между ними была запретной. «Перед тем, как разорвать свои отношения с моим первым молодым человеком, я сказала, что не хочу быть третьей между ним (бывшим) и его любовью, и что если к ней есть еще какие-то чувства, то не буду я ничего начинать. Мне было сказано, что все в прошлом. Что он понял: она его не любит. Что время идет, надо жить дальше. И он хочет жить дальше.

По словам Леночки, общая динамика её отношений с бывшим была такова, что первые 1-2 месяца он относился к ней хорошо, но потом стал обращаться с ней всё хуже и хуже. Впоследствии, в результате долгих расспросов со стороны Джонни она сказала что вероятно, развитие событий в неблагоприятную для неё сторону началось в полную силу в ноябре, когда её бывший ездил помогать той Елене по хозяйству. Однако Леночка, по её словам, не придавала тогда его поездке особого значения.

Развязка в отношениях наступила в первые дни нового года. «Мы отмечали вместе + его друзья. 3-4 дня мы были на даче. На сам Новый год я заметила что-то странное. Он очень долго писал кому-то смс, минут двадцать, наверное, и не слышал никого и ничего что ему говорили, как будто он был не здесь. Я не стала лезть. Потом еще один бзик. На следующий день он мне сказал, что ему пару часов нужно побыть одному, и что бы я к нему не подходила. Я расстроилась, но ничего поделать не могла. Потом все нормально, через пару часов он сам ко мне подошел, и остаток праздников до 4 числа провели хорошо. Затем поехали домой. 5 января он исчез на 2 дня. Не брал телефон. Друзьям я не звонила. Потом появился и сказал, что был

занят, что все в порядке. Я высказал свое фи: что за фигня исчезать куда-то неизвестно куда? На самом деле я очень перенервничала и за это время обзванивала больницы и морги. Я спросила, в чем дело и как мы будем дальше, т.к. это меня не устраивает. Он сказал, что ему нужно подумать 2 дня, а потом встретиться и поговорить».

Через два дня встретились. Он долго не мог начать разговор, а потом сказал банально: я тебя не люблю (поверь, мне этот факт на тот момент был так безразличен). Дальше хуже: я люблю другую (мои мысли: но и люби, блин; наверное, в душе я ещё раньше понимала, что он любит её, любит, но старалась об этом не думать). Но потом меня добило: мы с ней встретились и решили быть вместе. Она сказала, что тогда, примерно 4-5 лет назад, сделала большую ошибку, что всё это поняла и хочет быть со мной. Он раньше иногда говорил, что не сможет её простить. Я спросила, а как же то, что ты говорил, ведь она тебя бросила, ушла к другому мужчине. Он ответил: простить не смогу, но принять обратно - да. И снова: ты хорошая, я не хочу тебя терять, мы всё равно будем на связи, но я люблю её и буду с ней. Она моя мечта. Что скрывать, каково мне было. Я плакала, да я и до сих пор плачу, он тоже иногда. Я часто раньше думала, насколько человек может притворяться, насколько врать и лгать, чтобы так реагировать. Я видела, что в тот момент ему тоже было тяжело. Решалось многое в его жизни. На этом наши отношения, ну или наше общение, не закончилось. Хотя друзьям он всем официально объявил, что со мной расстался. Я не могла его отпустить. Реально не могла. А он не сжигал мосты. Я ему звонила - он брал трубку. Хотя сам уже никогда не звонил. Я просила его о встрече - он соглашался. Говорил, что сможет со мной встретиться несколько раз, пока я не найду себе кого-нибудь. Забегая вперед, так и не нашла. Я знала, что он был с ней. Я ничего не спрашивала. Хотя... Однажды ближе к концу января я спросила: а каково тебе встречаться сразу с двумя женщинами. Он сказал: «я думаю, что имею на это полное право». Он меня не любил. Я любила его, он любил её, но не доверял ей и боялся потерять и остаться один. Я знала, понимала, но не могла это закончить. Сама не могла. А он не делал этого. Мы ещё тогда работали вместе. В один из дней я услышала следующее: его руководитель говорил, что ему нужно дать зарплату раньше, т.к. его девушка беременна, и скоро у них свадьба. Без комментариев. Это был конец света. Хотя чего я ждала?! Я ему звонила - он не брал, несколько дней. Затем ответил, сказал, что свадьба скоро будет, но она не беременна, он сказал это специально. Затем мы снова встретились. Он сказал, что не может разрываться между двумя, что он с ней. На следующий день я попала в больницу. Нервный срыв отразился в первую очередь на желудке. Мне было все равно, я не хотела просыпаться утром, не ела ничего, не пила. На 3-е сутки пришла в себя, на 4-е он приехал ко мне туда, на 5-е меня выписали, еще в не очень хорошем состоянии. На тот момент была одна дома. Я позвонила, попросила приехать, просто так. Мне было страшно. Он сказал, что приедет - не приехал. Исчез на неделю. Приехал потом. Сказал: «ты думаешь, мне легко? Я должен выбрать между вами, и как мне быть, кого мне выбрать, я на этой неделе ни с кем не встречался».

После завершения основной части Леночкиного рассказа у Джонни сложилась следующая картина: расставшись с «дворовым мальчиком», который её уже не устраивал, и которым она уже фактически просто пользовалась, Леночка замахнулась на более крупную добычу. Однако как сама добыча, так и её соперница, очевидно, оказались сильнее её, и Леночка фактически осталась у разбитого корыта.

Какая же роль отводилась самому Джонни в этой истории? Было понятно, что в сложившихся обстоятельствах он был ей нужен лишь как что-то вроде бесплатной гадалки. Мужик с ней был достаточно долго, чтобы сделать для себя определённые выводы. Ясно, что его отношение к ней ухудшалось вовсе не потому, что у него снова забрезжила реальная перспектива восстановить отношения с той Еленой. Но чем же эта Леночка могла произвести на него сильно негативное впечатление? Из того, что бросалось ему в глаза в том немногом, что он знал о ней, это:

- Тотальная, патологическая ложь. Было очевидно, что Леночка врала отнюдь не только для того, чтобы манипулировать впечатлением, которое она производит на других людей, но иногда также просто, без серьёзного повода, словно ей нравился сам процесс. И хотя она уверяла Джонни, что всегда была откровенна со своим бывшим, это утверждение, вероятно, тоже было неправдой (впоследствии Джонни узнал от неё же серьёзные подтверждения этому). Леночка даже умудрялась врать ему, рассказывая историю своих отношений с бывшим. В частности, скрыв и продолжая отрицать, когда он у неё явно спросил, что она встречалась со своим бывшим в июне, на её день рождения. Впоследствии он получил от неё же явное подтверждение этому. Неужели она не могла понять, что, как говорят пиндосы, «garbage in, garbage out», т.е. задав неверную входящую информацию, ты можешь рассчитывать получить практически только заведомо неверный ответ?! Неужели, даже зная это, она всё равно не могла не сдержаться и не соврать? (Джонни исходил из того, что если человек обращается к тебе за помощью и рассказывает свою историю, то объективно в его интересах быть с тобой искренним и говорить тебе правду и только правду.)

- С ложью, очевидно, был связан, однако полностью не сводился к ней ещё один зловещий признак, что с Леночкиной личностью что-то серьёзно не так. «На мой мобильный телефон периодически поступали смс о том, что я скоро женюсь, я её люблю и т.д. и т.п. с других номеров. Он говорил, что то не его рук дело». Это мог быть кто угодно, например, с бывшей работы - там было много доброжелателей. Джонни знал, что этот её рассказ не мог быть полностью выдумкой, т.к. знал, что примерно в то время, о котором шла речь, она меняла номер телефона (они уже тогда переписывались посредством смс, и она сообщала ему свой «временный» номер). Что же такого могла натворить эта очаровательная девушка, чтобы мотивировать столько людей активно ей гадить? Конечно же, не зная подробностей ситуации на прежней её работе,

трудно было сказать что-то определённое. Однако представлялось весьма вероятным, что причиной такого отношения со стороны коллег было её паразитическое стремление посредством лжи и манипуляций повесить на других выполнение той или иной работы, входящей в её обязанности. Можно было предположить также, что она сеяла сплетни и плела интриги, сталкивая людей лбами и т.д.

- Как интуитивно, смутно чувствовал Джонни (он знал, что для того, чтобы по-настоящему разобраться в этом, ему нужно было общаться и наблюдать Леночку в реальной жизни, что в сложившейся ситуации представлялось проблематичным), самым негативным фактором была некая фундаментальная ущербность её эмоционального мира. А также неспособность чувствовать и сопереживать эмоциональные состояния других людей. Его сильно корбило, например, что жизнь её умирающей бабушки значила для неё меньше, чем встреча с любовником. «Ой, если бабушка, скажем, сегодня или завтра умрёт, то ей похороны придутся на мой день рождения. Не хотелось бы!» (Фактически это означало, что она не встретится со своим любовником, не получит от него подарки и всё такое.) Разумеется, размышления, приведённые в скобках, не были озвучены ею, однако в данной ситуации её мотивация была достаточно прозрачной. С другой стороны, ему было мучительно жалко Леночку, когда он читал её рассказы примерно такого плана:

«Конец апреля или начало мая... Знаешь, мне сейчас вспоминается наша с ним встреча, т.е. последний раз, когда я его видела. (Как уже отмечалось, это была ложь. Как на тот момент уже догадывался, а впоследствии узнал достоверно Джонни, Леночка встречалась, с довольно бурными последствиями, со своим бывшим во второй половине июня, на свой день рождения.) У нас на работе намечался корпоратив, это было в центре. Я знала об этом за недели 2 или 3. И вот как-то я до него дозвонилась! Точнее, он мне перезвонил, и я быстро впендюрила ему (Джонни был удивлён таким употреблением слова «впендюрить», на которое он привык смотреть как на синоним ещё более просторечного слова «впердолить». Ну да ладно,- подумал он.), извини за выражение, что вот у нас будет корпоратив, он закончиться поздно ночью (это было правдой (Джонни находил просто очаровательным Леночкино пояснение, что «это было правдой». Тем самым она словно завуалированно сознавалось в том, что очень многое из того, что она говорила даже своему бывшему, не было правдой.), он закончился в час ночи), и что если он может, то было бы отлично встретить меня. Он сказал, что ничего не обещает, но учтет это. Потом я позвонила за день. Он не брал. Потом <позвонила> вечером в тот же день, когда было это мероприятие. Он взял. Сказал, что скорее всего сможет заехать. Я в смс написала ему адрес, где все это было. Он приехал, как и сказал, забрал меня и отвез домой. Он выглядел совсем по-другому. Очень сильно изменился. Намного лучше, чем даже когда начал встречаться со мной. Минус лет 10 однозначно. Т.е. для нее, естественно, он преобразился намного больше, чем в свое время для меня, но я не про это. Знаешь, он так странно себя вел. Сейчас попробую объяснить. Минут 10 он смотрел на меня, не произнося буквально ни слова. Я не знаю, что он там искал в моих глазах и что увидел в них. Потом ожил. Говорил немного о чем-то, ну так, ни о чем серьезном. Отмечу несколько факторов, которые мне бросились в глаза. А может даже и один факт. Он держал меня за руку. А, поверь мне, это очень странно. После того, как мы официально перестали встречаться, и виделись уже так, я не знаю, как кто и как себя назвать... как любовники или как блин (Джонни так и хотелось подставить вместо слова «блин»: «как клиент с проституткой»). Потому что было совершенно очевидно, что её бывший приезжал к ней потрахаться не с пустыми руками, а с кучей подарков.), ну не важно. Я обычно могла взять его за руку, а с его стороны не было никакой реакции, т.е. это было обычное состояние. Или так: я возьму его за руку, а он уберет руку, я возьму, а он уберет. А здесь всё было наоборот. Он держал меня за руку сам и не убирал, а наоборот, сжимал крепче. Прости за подробность, что я сейчас напишу. Но еще он меня целовал. Это тоже странно. Потому что когда мы встречались раньше, ну он не любил это делать. Обычно это мог быть секс и все. Без поцелуев, наверное, чисто механическое действие с его стороны. А здесь целовал. Это очень меня удивило на самом деле, но на этом мое удивление и закончилось, так как потом снова все повторилось, звонки без ответа и т.д., т.е. всё то, что есть сейчас. Вот».

Джонни понимал, что, каковы бы ни были важнейшие причины того, что Леночкин бывший относился к ней всё хуже и хуже, эти причины были связаны в основном не с другой Еленой, а с самой Леночкой. Конечно, он по-прежнему был рад переспать с ней время от времени, если цена вопроса не была слишком высока (а с ним она не была слишком высока, потому что именно с ним сам процесс ей тоже нравился). Но наверняка он уже давно осознал, что она в любом случае не та женщина, с которой он хотел бы встретить старость и растить детей. И такое восприятие только усугублялось её назойливыми звонками, заставлявшими его время от времени добавлять её в чёрный список на телефоне. А когда она поймёт, наконец, что у того мужика нет и не предвидится на неё долгосрочных глобальных планов, то, чтобы сорвать на ком-то свои фрустрации, она, несомненно, обвинит Джонни как некомпетентную гадалку. А зачем ему это нужно? Ему нужно пытаться как-то устроить свою личную жизнь, а не быть статистом в Леночкиных разборках с её любовником. Какова здесь её возможная роль? Свечку подержать? Спасибо, не интересно! Примерно с такими мыслями в голове он писал Леночке письмо, которое он пометил в заголовке как последнее, и в котором он написал примерно следующее:

Джонни начал с того, что поблагодарил Леночку за то, что она доверила ему свою историю. Искренне признавшись ей, что она ему очень интересна, он, тем не менее, написал, что не видит смысла для неё в его дальнейших письмах, т.к. не видит возможности вернуть ей, словно по мановению волшебной палочки, интересующего её мужчину.

Однако, отправив Леночке это письмо, Джонни вдруг испытал щемящее чувство ужаса от того, что его общение с ней может прекратиться навсегда. Конечно же, она очень нравилась ему как девушка, однако дело здесь было не только и не столько в этом. Он знал, что мог найти на сайтах знакомств сотни, тысячи девушек, которые приглянулись бы ему чисто внешне. Да, подавляющее большинство из них не захотели бы даже встретиться с ним, однако это само по себе не было бы для него особой проблемой. Он знал, что в интернете ещё море таких девушек. Леночка же была особенной, а для него уникальной. Он не мог до конца понять, почему эта заведомо чужая и, вероятно, во многом чуждая его установкам женщина приобрела для него такое значение, но сейчас, отправив ей прощальное письмо, он чувствовал это особенно остро.

Джонни также остро чувствовал разительный контраст с очередной нормальной женщиной, с которой он виделся всего неделю назад и имени которой он уже не помнил. Да и зачем оно ему, если он её уж точно больше не увидит, да и не испытывает к тому ни малейшего желания.

На встречу эта женщина прибыла немного позже условленного времени, объяснив это тем, что ехала от своего дома, который в 10 мин пешком от места встречи, по Ленинградскому шоссе более получаса на автомобиле. Надо полагать, просто дойти пешком в тот погожий августовский день ей не позволила религия, т.е. статус. Впрочем, надо отдать должное этой, несомненно, порядочной женщине, зарабатывающей себе на жизнь своим трудом. Она не погнушалась предложить пойти в предприятие общественного питания с забавным животноводческим названием «бее-бее» или что-то вроде этого. Однако на этом приятные воспоминания о встрече с той женщиной практически заканчивались. Как только они сели за стол, она достала здоровенную папку, которая смотрелась в чём-то как меню, а в чём-то как уголовное дело. В этой папке у неё содержались досье на каждого из мужчин в её жизни. С подробным перечислением где, когда и как познакомились, чем он её привлёк, какие у него были плюсы и какие недостатки. Затем указывалось, какие у них были разногласия, когда и почему расстались. Время от времени заглядывая в свою массивную папку, она рассказала о том, какими параметрами должен обладать успешный претендент на её руку и сердце. После того как Джонни рассказал вкратце о себе и ответил на интересовавшие её вопросы, она принялась рассказывать ему о том, чего ему не хватает для того, чтобы стать достойным человеком. Достойным её и вообще просто, по её понятиям, достойным. Если бы подобную историю ему рассказал бы кто-то со стороны, он, скорее всего, нашёл бы её просто забавной. Тогда, однако, ему почему-то было не до смеха. Особенно неприятными показались ему её уничижительные комментарии относительно его внешности. Он молча ел, глядя на эту женщину, которая почему-то напоминала ему кобылицу. Даже больше, чем многим её напоминает известная телеведущая Ксения Лошак. И думал: какого чёрта? С телеведущей было в целом понятно: такая семья, такая среда и т.д. и т.п. Но женщина, сидевшая напротив, закончила в своё время факультет прикладной математики самолётостроительного института, работала программистом и, казалось бы, имела все шансы поумнеть. Впрочем, самолёты нынче строят так, что в безопасности не мог чувствовать себя даже президент Польши, который разбился за несколько месяцев до этого. Да и программисты нынче не те. Если в советское время рассчитывали траектории космолётов, используя мудрёные вычислительные методы, то сейчас деятельность в основном сводится к написанию веб-скриптов, по сути, без алгоритма. В результате чего плодятся тупые сайты, продающие неизвестно что и гадающие по всему инету своей рекламой. Время сейчас такое, что тут поделаешь, - обречённо думал Джонни. С этой мыслью он выслушал прощальные извинения той женщины, и больше о ней особо не вспоминал. Разве что иногда, в разговорах со знакомыми, он вспоминал эту женщину, её папку наподобие меню, а также своё ощущение, что вот тебя, т.е., тебя, я точно не хочу!

Ответ Леночки на прощальное письмо Джонни был также озаглавлен «не хочу» или что-то в этом роде. Она начала с того, что поблагодарила его за внимание к её ситуации, а также за то время, что он уделил ей. Признавая, что ей хочется всего и сразу, она писала о том, что понимает, что это не всегда так получается и что ей для начала хотелось бы разобраться в ситуации, в которой она оказалась и что в этом ей нужна помощь Джонни. В любом случае она очень не хотела бы прекращать общение с ним, и, в частности, чтобы это письмо его было последним.

Минут через 15 после этого письма Леночка отправила ему ещё одно, озаглавленное «и снова не хочу». В нём, ухватившись за признание Джонни в том, что она очень интересна ему, она спрашивала: зачем прекращать общение с человеком, который тебе интересен? Почему нельзя отбросить какие-то правила, условности, и просто делать то, чего тебе хочется в данный момент?

Джонни не был уверен, что на Леночку как-то подействовал его пессимистичный прогноз относительно её перспектив с тем мужчиной, однако на следующей за его «прощальным» письмом неделе она снова зарегистрировалась на сайте знакомств. Джонни, который теперь почему-то чувствовал обострённый интерес и потребность в общении с Леночкой, был несколько опечален этой новостью. Он даже в какой-то момент подумал, что теперь инициированная ей дискуссия по поводу ситуации вокруг её бывшего мужа, заглохнет совсем. А с ней и все контакты между ними. Однако тут Леночка преподнесла ему новый сюрприз.

Неожиданно Джонни получил от неё письмо, озаглавленное «спаси меня» или что-то в этом роде. В этом письме Леночка поведала ему следующее:

«- Знаю, я поступила не очень хорошо, и я на самом деле не знаю, зачем я так поступила, но факт остается фактом и мне нужен твой совет. У меня была симка (пустая), и с нее я решила написать бывшему молодому человеку. Текст был примерно такой: "Вы мне очень понравились, хочу познакомиться с Вами поближе..."»

Ответ был примерно такой: «кто? откуда мой номер? кто дал и как зовут?» Я написала, что с моей стороны было бы неправильно выдавать человека, который дал мне номер. В ответ была тишина. Затем я написала, что сама очень рискую, что сейчас придет мой муж и мне нужно будет отключить этот номер, и если он хочет более тесного общения, то может писать сюда, я с радостью. В ответ на это мне был прислан адрес электронной почты с просьбой прислать ему фото. Как-то так. Что ты думаешь по этому поводу?

- Помнишь, я тебе писала про девочку-сплетницу? Так вот, у неё молодой человек – друг моего бывшего. Я, естественно, тоже его видела пару раз, но не более. Так вот, пару месяцев назад эта девочка была очень опечалена отсутствием у меня личной жизни. А у её молодого человека на работе оказался еще один одинокий друг. Так вот они решили меня с ним познакомить. Мол, типа, не пропадать же 2-м хорошим людям по отдельности. Мне эта идея не очень понравилась, но мне сказали, мол, типа, да ладно тебе, не понравитесь друг другу – просто будете знакомы. Мы списались с этим парнем в одноклассниках. Встретились. Я ему понравилась. Он предложил встретиться еще раз – встретились, созванивались каждый день по несколько раз и т.д. и т.п. А потом началось резкое непонимание друг друга. А точнее, мое, ну и его как следствие (хотя мне эта девочка сказала, что он рассчитывал на серьезные отношения со мной.) Но мы реально друг друга не понимали. Это меня бесило. Очень. Я же очень эмоциональная. Встретились мы 4 раза, и было решено больше не общаться. (Очевидно, здесь безличная формулировка «было решено» должна была скрыть то весьма неприятное для Леночки обстоятельство, что инициатива прекратить контакты исходила от парня, а не самой Леночки.) Естественно, между нами ничего не было. Так, сидели в кафе, болтали. Расстались не очень хорошо – можно сказать, поссорились. Я ей всё сказала, что ничего не получилось и т.д. Вроде тему замяли. Так как он и молодой человек этой девочки работают вместе, то этот парень спрашивал про меня: Кто я? Чем занимаюсь? С кем встречаюсь и т.д. Вот ему было сказано, что, мол (т.е. тот мальчик ничего не знает точно), вроде я рассталась с кем-то около года назад. Он не сказал, что я встречалась с его другом (т.е. со своим бывшим). Таким образом, никто ничего не знал. А этому мальчику я при встрече сказала, что рассталась с бывшим где-то в апреле. И, конечно же, не стала говорить, что его коллега по работе все прекрасно знал. Но предпочёл деликатно промолчать. Вот. Но так как я с ним всего встретила 4 раза, то никто из нас 4-х не придавал этому большого значения. Это, типа, всё. Да, кстати, тот парень тоже моему бывшему не говорил, соответственно, что он хотел меня познакомить с его другом, а то как бы это выглядело? Что его друг, знакомит его бывшую девушку, совсем не зная её, с ещё одним другом. Вроде всё. Но не всё. Вчера эта девочка позвонила. Пригласила на свой день рождения. В начале октября. Сказала, что мне там быть обязательно и т.д. Я, конечно, согласилась. Всё-таки знакомая и может дать хоть какую-то информацию, если она у нее появится. Но через пару минут она мне выдает, что на дне рождения будет еще мой бывший. А ещё, что будет тот мальчик, с которым они меня познакомили. И что она со своим молодым человеком подумала и решила: так как они друг про друга ничего не знают, то выкручиваться нужно мне самой. И я должна решить, как. Вот такая фигня получается. Мне нужно решить, как себя вести, проиграть возможные варианты. А так как это будет день рождения, и если там все выпьют, развяжется язык, народу там будет не очень много и эти двое обязательно познакомятся, то получается как-то не очень хорошо. Как быть?»

Когда Джонни попросил Леночку рассказать поподробнее про парня, с которым её познакомили, она написала ему следующее:

«Значит, так. С виду очень приятный, интересный молодой человек (еврей, если это играет какую-то роль). Очень много интересов, которые занимают все свободное от работы время. Очень много друзей. Общительный. Быстро идет на контакт. Не эмоциональный. Продумывает решения и шаги. Старается произвести наиболее приятное впечатление. Ценит мнение своих друзей и своей семьи. Высоко оценивает свое материальное положение, хотя по факту его нет. Хвастается постоянно, ну лично со мной. Например, своим гардеробом. Мол, вот у меня костюмы по 2-3 тыс. долларов и т.д. Мне это не понравилось. Ищет свою девушку, долго ищет, много их было, но так и не нашел. Слишком завышенные требования. Находясь рядом с ним, чувствуешь себя не в своей тарелке. Каждый раз думаешь, что сказать. Неуютно, короче. Считает себя очень умным. Через неделю после нашего знакомства описал мой психологический портрет, из 50 пунктов, совпало лишь 5 примерно, точно не помню. Отношения развивает по шаблону. Нет спонтанности. Кино, кафе, цветы. Всегда говорил о том, что вот вне зависимости от отношений и ситуации нужно женщину всегда провожать до дома. Я рядом с ним чувствовала себя всегда очень странно. Чисто интуитивно это было, как будто ты находишься в окружении врагов, и каждый шаг может стать последним. А поссорились мы так. Встретились, пошли в кафе, а в выходные собирались ехать к его другу на дачу. Я очень просила увезти меня из Москвы. Сидим, разговариваем, все нормально. Он говорит, что в субботу поедем. Я говорю: хорошо. Он: я очень дорожу мнением свои друзей, и мне не безразлично, что они о тебе подумают. Так,- думаю я. Уже интереснее. Ладно. Он говорит, что нужно будет соблюдать определенные рамки поведения. Типа не пить, не курить, матом не ругаться, и вообще вести себя прилично. Мне это не понравилось. Я говорю: так мы едем отдыхать, или что? Может, мне еще дресс-код соблюсти? Он говорит: необязательно. Мне не понравились эти рамки. Я говорю: тогда я не поеду. Он говорит: хорошо. Звонит другу и говорит: мы не поедем. Я в шоке. Это была шутка. Я ему говорю: ты что, это шутка, я же так хотела поехать. Он: так не шутят. Я говорю: позвони и скажи, что поедем. Он: не буду. Мы вышли из кафе. Он говорит: я пошутил, я не звонил другу, едем. Я говорю: я не люблю такие шутки. Дошли до метро. Я ему: метро налево, мне направо. Он говорит: если я сейчас уйду в метро, то мы больше не встретимся. Я

развернулась и ушла. Иду домой одна. Темно, страшно (это я относительно провожать). Слышу – за мной шаги. Звоню ему. Думаю, блин, может, вернется, а то страшно. Он раз сбросил, другой. Я пишу: у меня проблемы, помощи. Шаги ближе. Голос из за спины: девушка, дайте телефон позвонить. Поворачивается лицом, смотрит в глаза. Не знаю, что он там увидел. Говорит: ладно, вижу у вас и так проблем куча, не буду отбирать телефон. Я дошла домой – от него пришла смс. Проблема во мне, а не у тебя. А у тебя их точно больше не будет – мы не будем общаться. Это всё».

В ответ на просьбу рассказать как можно подробнее про парня той "девочки" и про неё саму, Леночка поведала следующее.

«Это пара. Они живут вместе 2 года гражданским браком. Собираются вскоре пожениться. Любят друг друга. Её парень – один из лучших друзей моего бывшего. Так я с ними и познакомилась. Вместе ездили отдыхать на дачу к бывшему. Что <можно сказать> о мальчике: весёлый, добрый, увлекается фото. Лёгк на подъём. Осторожен в словах и выражениях. Познакомился с моим бывшим на работе. Вместе работали какое-то время, потом продолжили общаться. Год жил в штатах. Проходил курсы НЛП. О нем все. Девочка: милая, веселая, много чего рассказывает. С виду кажется такой глупышкой. На самом деле – нет. Примерно моя ровесница. Переживает горе других людей. До поры до времени. Пока ей это не надоест. Любит давать советы. Уверена, что много знает в жизни. О бывшем всегда говорила хорошо. То, что я тебе писала, мол, хочет семью, детей и т.д. После знакомства мы с ней не особо общались. Потом после расставания с молодым человеком встретились, обсудили. Потом еще раз встретились. Общий язык нашли. Если есть еще вопросы о них – спроси. Мне пока более в голову ничего не приходит.»

Джонни сразу понял, что историю с гопником, смотревшим ей в глаза, Леночка придумала. Это было сделано с тем, чтобы хоть как-то очернить парня, который, очевидно, сделал для себя не очень лестные выводы относительно неё, и не пожелал с ней больше общаться. Но главное, по его ощущениям, заключалось даже не в этом. Оно состояло в том, что Леночка, рассказывая про события, которые, видимо, имели место в действительности, старалась подать эту историю так, чтобы произвести нужное впечатление.

На самом деле совершенно очевидно, что вначале она очень активно заинтересовалась тем парнем. В противном случае они бы не созванивались по несколько раз в день, а Леночка нашла бы способ держать его во втором эшелоне на тот случай, если ей понадобится им как-то воспользоваться, как она поступила в своё время с Джонни, и, очевидно, со многими другими. Видимо, вначале ей удалось очаровать того парня, и он стал смотреть на неё уже как на свою девушку. Он хвастался перед ней дороговизной своих нарядов, что, вероятно, было для неё хорошим признаком того, что теперь осталось только его организовать продемонстрировать ей свою состоятельность и щедрость значительными тратами на неё. И разводить его на деньги, разводить...

Но всё оказалось не так просто. Пожалуй, основной фактор, который стоял на пути у Леночки в деле окуливания этого мальчика, состоял в следующем. В противоположность самому Джонни с его практически полной социальной изоляцией, для которого единственной альтернативой было «Леночка или никто» (На уровне логики Джонни прекрасно понимал, что для него на самом деле не было вопроса: «Леночка или никто», так как он знал, что однозначный ответ на этот вопрос на самом деле будет «никто и никогда»). Однако эмоционально такой ответ был для него слишком болезненным, и, всё больше привязываясь к ней, он просто не мог найти в себе силы посмотреть в пустые глаза реальности. Очевидно, это понимала и Леночка, постоянно словно дразнившая его тем, что, возможно, у него будет шанс, но делала это с тем, чтобы манипулировать им, дабы использовать его ради чисто практической выгоды.), у этого мальчика был выбор. Кроме того, у него было много друзей, которые если что могли его образумить и удержать от неверных шагов, даже если бы он сильно увлёкся Леночкой. Имея выбор, он мог устанавливать некоторые базовые правила поведения, выполнения которых он ожидал от потенциальной партнёрши.

Однако Леночка категорически не хотела лезть в позолоченную клетку (именно позолоченную – на золотую у мальчика пока не было средств и неизвестно было, будут ли) элементарных социальных норм: не злоупотреблять алкоголем, не ругаться матом и т.д. И дело было не только или не столько в том, что она не хотела постоянно сдерживать импульсивное стремление выпить или выругаться. Ведь если она могла долгое время не ругаться в разговорах с Джонни, что ей мешало сдерживаться в разговорах с мальчиком, который как добыча представлял для неё значительно более высокую ценность? (Джонни понимал, что слово «добыча» применительно к тому мальчику приходило ему на ум не случайно. Уже тогда из диалогов с Леночкой всё больше вырисовывалось, что она по своей природе хищница, для которой отношения с противоположным полом представляют собой поединок.) Всё дело было в балансе власти: в случае с Джонни это был *её* выбор, имевший под собой конкретную манипулятивную цель; в случае с мальчиком это было бы её подчинение *его* правилам.

Джонни также обратил внимание на следующий момент. Когда он поинтересовался у Леночки, почему это может стать такой проблемой, если её бывший и тот парень познакомятся, она сказала примерно следующее. Мол, а вдруг бывший хочет, чтобы она несмотря ни на что хранила ему верность? Такая постановка вопроса не только вызвала у него некий скептицизм относительно того, что у неё с тем мальчиком «ничего не было», но и очень удивила Джонни. Если ты так любишь человека, то зачем врать, что хранила ему верность, если это на самом деле не так, - внутренне недоумевал Джонни.

Также его тогда, по-видимому, впервые, поразила её неспособность чувствовать мир эмоций другого человека. Это было отчётливо видно в её рассказе про «девочку»: «Переживает горе других людей.

До поры до времени. Пока ей это не надоест». Такая формулировка сразу же насторожила Джонни. Ведь если человек действительно переживает горе другого в своём сердце, это не может быть предметом его выбора и уж точно не может быть занятием, которое может надоест.

Кроме того, Джонни отметил для себя что «девочка» «любит давать советы» и «уверена, что много знает в жизни», а её парень проходил курсы НЛП. Конечно же, он прекрасно понимал, что НЛП представляет собой не что иное, как претенциозное шарлатанство. И что советы, щедро раздаваемые девочкой, сходны как по своей ценности, так и моральному уровню с рекомендациями профессиональных соержанок, публикуемыми в мусорных женских журналах. Однако было ясно, что троицу парень девочки – девочка – Леночка помимо темы бывшего Леночкиного мужчины связывало также стремление манипулировать человеческими душами ради собственной выгоды.

Тогда Джонни совершил серьёзную ошибку, которую впоследствии не мог себе простить. Уже тогда он интуитивно чувствовал, и был уверен в этом практически на 100%, что у них с Леночкой никогда не будет общих знакомых. А потому она может нарисовать практически любую картину своей жизни, своих взаимоотношений с другими людьми, сколь угодно лживую. А у него без помощи других людей, в отсутствии даже косвенных путей получить сведения о них, не будет возможности верифицировать сообщаемые ею сведения. В результате по мере надобности она сможет скармливать ему самое абсурдное враньё, а он должен будет либо проглатывать его, либо возражать, опираясь лишь на свои ощущения и понимание ситуации, рискуя тем самым быть обвинённым в огульном недоверии (он знал, что рано или поздно она применит к нему такой инструмент манипуляции).

Шанс, который он так глупо и безнадёжно упустил, открылся перед ним 2 сентября – он запомнил эту дату на всю жизнь как новую веху в общении с Леночкой. В тот день ей на работе завели «аську». Леночка же, прослушав базовый инструктаж от коллег, естественно, ринулась общаться со своими знакомыми, не заморачиваясь разбираться с кучей настроек программы. В результате оказался доступным на некоторое время первоначальный список её контактов. Как и следовало ожидать, в этом списке была её незаменимая подруга Вероника, а также некая Юлия, которую Джонни без труда идентифицировал как «девочку» из Леночкиных рассказов. Был там ещё мужик по имени Владимир, однако Джонни почему-то так и не удосужился посмотреть его профиль, решив (вероятно, ошибочно) что это просто кто-то с её работы, а потому не представляет особого интереса. Увы, вскоре кто-то, вероятно, её надоумил, и она безвозвратно убрала список своих контактов из общего доступа, тем самым фактически навсегда лишив Джонни хоть какого-то независимого источника сведений о её окружении.

Казалось бы, одного того, что Джонни уже знал о Леночке, было более чем достаточно, чтобы сделать весьма негативные выводы о ней как о человеке и прекратить с ней всякие контакты. Но парадоксальность ситуации заключалась в том, что эмоционально Джонни испытывал противоположное чувство. Ему постоянно очень хотелось её просто увидеть, побыть рядом с ней, просто поговорить. Он мучительно искал и не мог найти объяснения этому. Конечно, первое, что приходило на ум, это что она ему очень нравилась чисто внешне. Но на любом сайте знакомств было много очень привлекательных женщин. Однако, посмотрев анкету такой женщины и прочитав, что ей нужно от мужчины, он мог начать заочно испытывать к ней моральное отвращение, неприязнь. Даже если он находил её очень даже ничего внешне, представив себе её душевные качества, он без особого сожаления переходил к следующей анкете. С Леночкой же всё было совсем иначе. Ситуация достигла особого драматизма в сознании Джонни после их встречи. Однажды в конце сентября ему всё же удалось уговорить Леночку встретиться, и она согласилась сходить с ним в кино. Перед тем, как в кинозале выключили свет, он услышал от неё историю, которая его просто добила. Леночка рассказала ему, как она рассыпала мелочь в столовой и, по словам работницы столовой, это означало, что Леночка скоро выйдет замуж. Казалось бы, Джонни должен был порадоваться за неё, что она найдёт, наконец, своё счастье и всё такое. Однако вместо этого он вдруг испытал шемящий дискомфорт, тревогу, чувство страха перед тем, что он никогда уже не увидит её, не услышит её голос. С одной стороны, ему очень хотелось разобраться в ситуации и помочь этой девушке решить её личные проблемы. С другой стороны, он почему-то чувствовал, что когда она в итоге выйдет замуж за того мужика, ему будет очень не хватать её. Он чувствовал, как его всё больше тянет к ней. Хотя, казалось бы, чем больше он о ней узнавал, тем больше она должна была его отталкивать. Была в ней какая-то загадка, в чём-то интригующая, а в чём-то зловещая. С этими мыслями он даже не мог толком сосредоточиться на фильме, который они смотрели вместе. А через день-другой, внутренне сильно стыдясь, что вынужден говорить такое чужой, по сути, женщине, он не удержался и написал ей письмо, в котором чуть ли не признавался ей в любви. Не скрываясь, он говорил о том, что он чувствует, что она особенная, что почему-то она стала для него много значить, и что ему её будет очень не хватать, когда она в итоге выйдет замуж. В ответ Леночка поблагодарила его и поспешила заверить, что «не за кого же».

Теперь он ясно видел, что она тяжело душевно больной человек, одержимый каким-то моральным безумием. Однако он не знал даже, что это за болезнь такая и уж тем более не знал, как можно эффективно ей помочь. Хуже того, он не знал даже, где ему найти силы сделать реальные шаги к решению проблемы. Джонни чувствовал, что над этим надо было много работать. Начать с того, чтобы работать над собой. Ему с детства очень не нравилось это выражение «работать над собой». Но он также понимал, что в данной ситуации это очень важная составляющая. И ему нужны знания. Много. Серьёзные знания в этой области. Над этим также нужно основательно поработать.

Пока Джонни пытался разобраться со своими чувствами к Леночке, у той происходили бурные события. Она встретила и переспала со своим бывшим. Джонни был поражён тем, что когда он поинтересовался, о чём же они говорили, она ответила что особо ни о чём. Только как-то странно обмолвилась о том, что «понятно, зачем встречались». Также, ему стало немного не по себе, когда Леночка заявила ему относительно своего бывшего: «твоя теория о том, что у него с той женщиной всё не так уж хорошо, неверна. Думаю, ему просто захотелось секса. Другого. Не с ней».

Потом через какое-то время она рассказала ему о том, что у неё проблемы со здоровьем и что ей нужно ложиться в больницу на операцию. Джонни подумал: наверное, что-то связанное с женскими болезнями, т.к. иначе она бы сказала что именно. Теперь её незапланированная встреча с её любовником представлялась ему уже в несколько ином свете, фактически как акт проституции с целью получить от него деньги на лечение. Когда Джонни осторожно высказал предположение, не была ли их встреча как-то связана с её направлением в больницу, та сначала заявила что надо, мол, ловить каждую встречу, потому что другой уже может не быть и неизвестно что будет с ней после операции. Однако потом добавила, что она встретила бы с ним в любом случае. Впоследствии, однако, интерпретация Джонни получила косвенное подтверждение. Словно аргументируя то, чем её так привлекает её бывший, она указала, что он всегда приходит на помощь, когда ей плохо, когда ей трудно, имея в виду, очевидно, деньги на лечение. Мол, примерно в то же время ухаживал за мной один крендель, с которым меня познакомили люди с работы, а как я сказала ему, что ложусь в больницу, он сразу исчез. И хотя она этого не сказала явно, Джонни интерпретировал это так, что тот новый ухажёр отказался оплатить её лечение. Таким образом, выяснилось, что Леночка не только пыталась вернуть своего бывшего, сидела на сайте знакомств, но ещё и, как оказалось, являлась с мужиком, которого ей сватали на работе. И это только из того, что ему было известно. А кто мог поручиться, что на этом её круг тесных личных контактов с мужиками был исчерпан?! Ай да Леночка!

В последнем письме перед тем как отправиться в больницу, она написала: пока я буду в больнице, ты мне пиши. Когда я вернусь, мне будет приятно почитать твои письма. Джонни ответил: хорошо. Однако тут же подумал: а не слишком ли это? Что бы он ни чувствовал по отношению к ней, какой смысл писать безответные письма женщине, которая спит с другим мужиком и строит на него вполне определённые планы? Да к тому же ещё не теряет времени, и пока она не получила того мужика обратно, шляется с другими «ухажёрами», с которыми она знакомится в инете и где только можно... Нет, пожалуй, надо больше себя уважать. А раз уж он проявил малодушие и ответил ей «хорошо», теперь остался только вариант, как раз соответствующий его темпераменту в плане дурной привычки откладывать всё до последнего. Когда она, по его разумению, уже должна была быть в больнице, он написал ей смс, чтобы поинтересоваться, как она там. На его удивление, она быстро ответила, сказав, что её уже прооперировали, но что больше она ничего написать не может. Он ответил: хорошо, тогда напиши когда будешь в состоянии. Однако больше с её стороны никаких смс не последовало, Джонни не знал уже, что и думать, однако написать ещё одну смс почему-то постеснялся. Разумеется, по почте он тоже ей ничего пока не писал.

Неприятная развязка в его тревожных мыслях на тему «что же случилось с Леночкой» наступила, когда однажды он вдруг увидел её онлайн в аське. Естественно, она начала с того, как ей не нравится, когда люди не выполняют свои обещания, что таким людям нельзя доверять и т.д. И хотя Джонни в ответ что-то сконфуженно мямлил о том, как она не ответила на его смс, Леночка говорила, что за такое поведение надо его казнить. И Джонни снова чувствовал себя ужасно неловко, что он не держит свои обещания, что опять вынужден оправдываться перед ней, хотя внутри он был уверен, что она слишком много берёт на себя и т.д. Она же абсолютно хладнокровно писала ему: чего ты стеснялся? Номер знаешь – мог бы позвонить. Так что сам, виноват, и виноват ты и только ты. Ты предатель и тебя надо казнить!

Закончив распекал Джонни, она начала крыть медперсонал, не стесняясь особо в выражениях. Мол, к ней там относились не очень, а под конец её там вообще возненавидели. И что врачиха, которая ей там это делала и вообще ею занималась такая сука. Мол, у меня там до сих пор болит и даже держится субфебрильная температура (хотя Леночка даже назвала точные цифры – 37,4, Джонни допускал, что она могла приврать насчёт повышенной температуры просто для нагнетания пафоса), меня выкинули из больницы, и вот теперь я вся никакая должна сидеть на работе.

Однако, несмотря на драматизм Леночкиного рассказа, у Джонни почему-то сложилось впечатление, что она получила вполне адекватную по качеству медицинскую услугу. По крайней мере, насколько на это была способна продажная медицина за ту сумму, что отслуныявил её любовник. Скорее, просто в силу её расстройства личности она плохо переносила негативные моменты в своей жизни, и тогда накопившееся в ней зло прорывалось, словно душевный гнойник. Потом, она почему-то рассчитывала, что с ней будут обращаться как с принцессой. Медработники же, вероятно, смотрели на это так, что она просто капризная и избалованная. И, вероятно, даже получали своего рода удовольствие, ставя её на место.

Через пару дней после возвращения из больницы Леночка снова вывесила свою анкету на сайте знакомств. Только на этот раз вместо традиционной для неё цели знакомства «регулярный секс» было написано «начнём с общения». Видимо, бедной девушке неслабо расковыряли причинное место, раз теперь в течение некоторого времени она вынуждена просто общаться, - цинично заключил Джонни. Ему очень хотелось понять, почему он так негативно настроен по отношению к ней даже тогда, когда, казалось бы, надо было её пожалеть? Задумавшись над этим вопросом, Джонни осознал, что ответ заключался в его неприязни её отношения к людям. Очевидно, подавляющее большинство тех, с кем она знакомилась на

сайте или ещё где-то и чьи сугубо материальные ухаживания она не только принимала, но и активно поощряла, в принципе не интересовали её как мужчины, как долгосрочные партнёры по отношениям. Фактически, если называть вещи своими именами, она просто разводила их и использовала. И при этом ещё сетовала на то, что тех, кого она встречала после своего бывшего, она и мужчинами-то назвать не может. Мол, она им, конечно, нравилась, но если она не хотела или капризничала (здесь имелись в виду в первую очередь её капризы, имеющие чисто материальное выражение), так они сразу исчезали. Но вот что примечательно: если бы нашёлся такой наивный «благородный рыцарь», который не жалел бы средств ей на подарки, при этом не настаивая, чтобы она с ним спала, она бы просто начала его презирать как лоха последнего, и уж тем более точно вообще не воспринимала бы его как мужчину. В результате, по всей вероятности, единственно реальные отношения для неё теперь будут состоять в том, что более-менее обеспеченные мужчины будут использовать её за умеренную плату в качестве секс-куклы. А наигравшись, без сожаления выкидывать на свалку истории.

И когда Джонни посмотрел на Леночкины личные перспективы с такой стороны, ему стало очень жалко её. Даже несмотря на всё её патологическое враньё, манипуляции, паразитизм во взаимоотношениях с людьми, ему очень сильно хотелось уберечь её от тотальной жизненной катастрофы. Желательно, правда, не принося себя в жертву.

Нужно было объяснить Леночке, что её проблемы в личной жизни суть следствие её поведения, её отношения к людям. Но как это сделать? Ведь очевидно, что он не мог её «учить жить» прямым текстом, да и не считал себя вправе это делать. Джонни решил поступить хитрее, и рассказать ей о том, как складывается жизнь другой женщины, с которой он недавно познакомился, и с которой уже прекратил общаться. Он очень хотел, чтобы Леночка извлекла пользу из этого рассказа, сделав для себя выводы, основываясь на этой истории.

Собственно истории он предпослал два эпиграфа.

<Аня,> Вам бы мужика найти хорошего. Хотя, судя по Вашей жизненной позиции, Вам это сделать будет очень нелегко!" (из разговора "железной женщины" Ани с коллегой-мужчиной)

- Все мужчины – сволочи. Что бы они ни врали, им от женщины в основном нужно только одно, ты сам понимаешь что.

- В таком случае могу тебя порадовать исключением из этого правила: лично мне *этого* от тебя не нужно!

- Ах, ну да, ты же у нас такая неординарная личность, что тебе всё равно ни одна нормальная женщина "не даёт". Поэтому ты делаешь вид, что так низко не опускаешься! Вместо этого, ты выбираешь себе несчастную жертву, у которой проблем побольше, и изодрённо е**шь ей мозг!

После эпиграфов Джонни перешёл в изложении самой истории про Настю.

«С виду, Настя была самой обыкновенной женщиной. Тем не менее, она ставила перед собой весьма непростую задачу: найти себе самого лучшего мужчину. Нет, речь здесь совсем не о том, что когда любишь человека, то считаешь его самым лучшим. И пусть другие говорят: "любовь зла...". Настя была уверена, что одни мужчины лучше других, и что у неё должен быть самый лучший, другой её не устроит.

Какие же мужчины реально сватались к Насте? Мне удалось получить сведения на эту тему от самой Насти при следующих обстоятельствах: однажды, практически в самом начале недолгого знакомства с Настей, даже не всерьёз, а как бы заигрывая, меня угораздило признаться ей в том, что я "не такой, как все", необычный человек. И тут Настю как понесло! "Только не надо мне рассказывать, какая ты неординарная личность. Уже был тут один..." Заинтриговала, чего скрывать: а вдруг редкий брат по разуму?! Какое там... Оказалось, мальчик работает каким-то торговым представителем и гордился перед ней, какую он собрал клиентскую базу или что-то в этом роде. На мой вопрос, где здесь начинается его неординарность, она ответила, что не знает, т.к. не стала с ним встречаться, поскольку уже из разговора по телефону с ним было всё ясно. Поскольку на тот момент было ещё преждевременно завершать общение с Настей, тему пришлось сменить, отметив для себя лишь, что бедный торговый мальчик просто не придумал лучшего способа убедить Настю в том, что он "самый лучший мужчина", вот и облажался малость.

Чем же Настя собиралась привлечь и удержать вожака "самого лучшего" мужчину? Кроме внешней "вывески", конечно, потому что "самого лучшего" мужчину одной вывеской трудно удивить, тем более что у него есть большой выбор в этом плане, и он мог найти себе кого-нибудь поинтересней в этом плане, чем Настя. Очевидно, такой мужчина может захотеть, чтобы рядом с ним была самая лучшая женщина. Почему бы и нет? Ведь он же этого достоин! Кстати, интересно отметить, что Настя почему-то предполагала, что меня в основном интересуют достаточно образованные женщины. Или просто хотела похвастаться, какая она умная. Так или иначе, она принялась рассказывать о том, в каких институтах, университетах и академиях благородных девиц она кончала. Впрочем, она при этом не учла не только того, что для меня формальное образование отнюдь не главное в человеке, но и что реальный уровень образования человека всё равно мне виден практически сразу.

Интересно отметить также, что изначально она не удостаивала собеседника даже знания своего имени. Поэтому, когда она мне дала свой номер, мне показался естественным вопрос: "как к тебе обращаться?" На что она ответила: вот позвонишь, тогда узнаешь! Что делать, пришлось звонить без имени, хотя её имя я на тот момент уже узнал другим способом.

Следующим важным моментом был тест на одиночество, одной из важных сторон которого был замер длительности её разговора с человеком, с которым ей, по существу, не о чем говорить. К сожалению, на чистоте эксперимента негативно сказалось следующее обстоятельство: В тот же вечер у меня была ещё "деловая встреча" около дома. В школах учителя говорят детям: мол, чтобы добиться успеха (в общепринятом понимании этого слова, т.е. в смысле обладания значительными материальными ресурсами и реальной властью над людьми) в жизни, необходимо хорошо учиться, дабы много знать. Человек, который иногда возит мне комплекующие, ездит на хорошем автомобиле и демонстрирует барские замашки. Так, однажды, не поглядев на номер, я перепутал его по голосу в телефоне с клиентом и попросил подняться ко мне на 3-й этаж. Его реакция была такова: "Джонни, ты что, ох***?!" И немного успокоился только тогда, когда я осознал, что по голосу просто перепутал его с клиентом. У него такой вид, что невольно думаешь, что ему надо было работать не в компьютерной или иной сфере высоких технологий, а бандитом или вышибалой. При этом он словно органически не способен грамотно писать по-русски, совершая орфографические ошибки практически в каждом слове. Кроме, разве что, своего гордого и в то же время красноречивого погоняла "Кореш". Зато деньги он умеет считать, это факт, иногда удивится что-то дешёво отдать. Когда я закончил разговор с Настей, телефон зазвонил тут же. Когда я вышел на улицу, он недовольным голосом сказал, мол, я уже заснул тут в машине. Но, получив свои деньги и отдав товар, он тепло попрощался со мной и удалился. Когда я закончил разговор, телефон показывал 57 минут 02 секунды, и если бы не Кореш, это время могло бы быть значительно дольше!

У Насти был очень просвещённый подход к кино. "Я смотрю те фильмы, которые получили Оскар" и всё такое. Решил, что её должен заинтересовать фильм, который на imdb.com стабильно держит третье место среди фильмов всех времён и народов, уступая только "Крёстному отцу" и "Побегу из Шоушенка". Приехал на край света, в «Киргизию». Несмотря на почти час до сеанса, что-то мне подсказывало, что билетов на желанные места уже нет, поэтому звоню Насте, чтобы узнать её предпочтения на тот случай, если не будет билетов строго по центру. Она сказала: "чтобы хорошо было видно!" Понятно, что я не мог её расспрашивать, плохое ли у неё зрение или что, а просто вместо 7-го ряда сбоку выбрал 2-й ряд по центру (другие варианты парных билетов были ещё хуже). Перезваниваю: Настя, я взял нам билеты. Её реплика: "ой, а я ещё не начинала собираться" вызвало у меня неприятные ощущения. В 17.29 (начало сеанса в 17.30) Настя влетает в кинотеатр в полной боевой раскраске. Что мне всегда было трудно понять во многих женщинах, так это перед кем она собиралась красоваться в тёмном кинотеатре, от которого ей пешком 2 минуты до дома. Она же знала, что не будет там с мужчинами знакомиться! (Надеюсь, по крайней мере, меня-то она не рассматривала как мужчину!) Как и следовало ожидать, фильм длительностью 2 часа 28 минут ей не понравился. Ей, видишь ли, было слишком громко и слишком зрелищно. Никаких надежд на обсуждение с ней фильма как такового я не питал изначально. Постояли немного, она покурила, потом ещё постояли, она ещё раз покурила, и ещё... Что важно отметить, несколько раз просила подружку, которая ей названивала, перезвонить ей через несколько минут, словно никак не могла меня покинуть. Потом, когда осознала, что уже нельзя просить подружку ещё раз перезвонить, разошлись. То есть она разошлась, я разъехался... Нет, думаю. Я, конечно, в одно рыло в кино не хожу, но пусть в следующий раз Настя со своим женихом смотрит!

Когда на следующей неделе я позвонил Насте в четверг, она первым делом гордо сказала, что "вот, ты не звонил", и у неё уже другие планы на выходные, хотя я её пока никуда не звал. Что примечательно, так это что в следующий наш разговор в понедельник или вторник Настя жалобным голосом стала мне рассказывать, что все эти выходные просидела одна, скучно и всё такое. (Здесь могу себя похвалить, не опустился до иронии.) Правда, на той же неделе (как оказалось, последней неделе моего общения с ней) я также узнал, что у Насти, как и многих других девушек, любимый манер телефонного разговора состоит иногда в "сбрасывании" даже в разумное время и когда ничто вроде не мешает поговорить. (Некоторые открыто утверждали... мне, не другим... что им кажется, что их так больше ценят, но я лично не уверен.) Правда, потом, словно опомнившись, писала смс-ку: "Не могу говорить, звякни завтра". Может, и правда иногда не могла, но в основном вряд ли.

Теперь о том, как всё закончилось. После нескольких сбросов в то время, когда она просила её перезвонить, решил не звонить больше - какой смысл лишний раз доставлять неудобства своими звонками человеку, которому от тебя ничего не нужно, даже поговорить? Потом вдруг как-то в первом часу ночи приходит смс-ка: "не спишь?" Не знаю, что на меня нашло, но почему-то сразу набрал её номер с мыслью поговорить так, чтобы больше вообще смс от неё не приходили ни в какое время. У меня с этим просто: рассказал что-нибудь интересное о себе, причём правду, даже сочинять ничего не надо. Смотришь - а девушки уже и след простыл! Хотя если, паче чаяния, человек всё ещё со мной, несмотря ни на что, то этот человек для меня уже бесценен! Правда, если честно, этой я даже был рад, т.к. вроде человек про меня ещё помнит. Сначала я признался ей, что не пью. В смысле, не употребляю алкоголь. Вообще. И рассказал ей, что последний раз пил на новый 2001-й год, потому что не нашёл куда деть около 40 миллилитров шампанского, которые мне налил начальник, кроме как вылить в себя. Как и следовало ожидать, сказанное весьма опечалило, если не сказать разозлило, Настю. "Вот представляешь, мы с тобой пошли куда-то, я там выпила и захмелела, и язык у меня развязался, и веду я себя соответственно, а ты сидишь трезвый и всё это видишь! Это неправильно, совсем неправильно!"

Но я на этом не успокоился, и решил дальше развить тему. Да, я не пью и не курю, но это не значит, что у меня нет дурных привычек. Например, мои компьютеры... И тут вдруг Настю словно прорвало! Она начала рассказывать, что у неё был молодой человек - программист или что-то в этом роде. И как этот программист сутками обнимался со своим компьютером, забывая про неё. "Что если у тебя отношения с человеком, то так нельзя! А иначе, какой смысл?.." Конечно, на тот момент я уже догадывался, почему её молодой человек в итоге выбрал компьютер, но озвучить не мог. Впрочем, я отметил следующее: на что уж я сам запущенный случай, на самом деле нет ничего интереснее живого человека, общения с ним, умения его понять. А компьютеры нужны для того, чтобы решать важные интеллектуальные задачи. И давай рассказывать ей, какую изобретательность мне порой приходилось применять, чтобы решать нужные задачи.

Например, когда, у меня дома был интернет – провайдер "авокадо", снижавший скорость ниже плинтуса по достижении некоторого порога входящего трафика, я для скачивания больших объёмов информации использовал удалённое управление своим рабочим компьютером. И всё было бы замечательно, если бы по вечерам, когда я, естественно, был дома, за моим рабочим компьютером не повадился сидеть модный мальчик Лёня. Этот Лёня всегда безупречно одевался и вообще был бы всех отношениях безупречным мальчиком, но когда я его первый раз увидел, у меня сразу почему-то возникла мысль, что что-то здесь не так, совсем не так просто. А когда Лёня начал приходить по вечерам, когда никого не было, и поэтому вроде как никто не мог его видеть, и сидеть за моим рабочим компьютером, я быстро понял, что именно было не так. Не то, что мне было какое-то дело до Лёни, выходящее за рамки простого любопытства, просто я не мог ничего даже удалённо делать на этом компьютере, пока за ним сидел Лёня, и мышка была у него в руках. Но в один прекрасный день мне что-то надо было срочно сделать, а Лёня всё никак не унимался. С одной стороны, он всё писал в аську своей девушке: "Ой, зайчик, я тебя так люблю, так люблю. Но у меня столько дел, столько дел, мне надо и то сделать, и это!" Параллельно с этим (он-то был уверен, что его никто не видит!) Лёня сидел на сайте знакомств гомиков (!), и я лучше не буду рассказывать, что он там писал во всех деталях то одному мальчику, то другому о том, как он представляет их встречу... То есть мне-то до этого дела не было, но приходилось смотреть на это всё, потому что никак не мог дождаться, когда он мне отдаст курсор! И тут я не выдержал, улучил момент, когда Лёня расслабился, видимо, в романтических мечтаниях, и нажал на крестик в правом верхнем углу окна браузера с мальчиками Лёни. Только вместо ожидаемого результата у Лёни, видимо, наступила какая-то нервная реакция типа непроизвольного нажатия кнопки Reset на компьютере, в результате чего вообще у меня вообще всё пропало. Меня это почему-то разозлило. Ах, ты так, - думаю. И пока Лёня, видимо, побежал к двери комнаты смотреть, кто бы мог над ним так приколотся, на перезагрузившемся к тому времени компьютере я открыл блокнот и написал 72-м шрифтом, красными буквами: "Лёня, тебе не стыдно, что ты (мне удалось быстро сменить цвет шрифта и написать следующее слово голубыми буквами) ПИДОР?" Бедный Лёня! Представляю, какво ему было видеть такую надпись на экране! Надеюсь, я поступил с ним не слишком жестоко!.. Потому что "жестоко" это было бы, например, написать его девице в аську что-то вроде: "Ты знаешь, Зайчик, я должен тебе кое в чём признаться..." Вот это была бы жесть! Она-то, как скромная (в меру, как положено) девушка из приличной семьи, где такое даже не обсуждают, конечно, ни о чём не догадывалась!.. Больше у меня не было ни Лёни тогда за моим компьютером, ни Настю сейчас в моём телефоне...»

Отправив Леночке это письмо, Джонни испытал дискомфорт от осознания избытка цинизма и негативности, которыми был переполнен его рассказ. Ему, однако, стало ещё больше не по себе, когда он прочитал ответ Леночки: «Жесть! Хотя, вот знаешь, читаешь это, особенно про Настю, и что-то в себе угадываешь, или в своих знакомых девушках. М-да. Однако». Когда же Джонни поинтересовался у Леночки, что ей показалось наиболее близким в рассказе о Насте, ответ был примерно следующим:

Да то, что ты писал про сбрасывания. :) Что говорить, многие из нас это любят делать. Но, смотря с кем. Просто понимаешь, с одним человеком это может прокатить, ну, например, если он такой же импульсивный, как и ты и т.д., а с другим, может, и нет. Ты сбросишь трубку, ну типа обиделась, на что-то что он сказал, а он подумает: ну и дура полная попалась, и пошлёт туда, откуда пришла. Меня также от этого качества отучил бывший <молодой человек>. Я один раз так сбросила, а он молчит и не перезванивает. День молчит, второй. :) Ну я не выдержала, звоню. Говорю: что за фигня? А он мне: я взял трубку только потому, что ты младше и можешь многое не понимать еще. Но это последний раз. Больше так не делай – неврастенички мне не нужны. А был один мальчик (просто знакомый), ну там я могла оторваться. Мы говорим. Мне что-то не нравится – я раз и сбрасываю. Он перезванивает – я не беру, он снова перезванивает и т.д. А закончилось наше с ним общение на том, что в один прекрасный солнечный день я сбросила, а он больше не перезвонил вообще никогда :) Ну и я не стала, просто мне тоже это не особо нужно было. :) Вот.

От этого краткого ответа (в котором, кстати, она открыто признавалась в собственной импульсивности), к тому же напичканного явно неуместными здесь смайликами, на Джонни неожиданно повеяло ледяным холодом Леночкиной бессердечности. Для него, такое её поведение отчётливо указывало на отсутствие у неё эмпатии, т.е. способности чувствовать чужую боль, представить себя «в шкуре» другого человека, которому ты эту самую боль причиняешь. Наверняка бедный мальчик был влюблён в неё, или, по крайней мере, она ему очень нравилась, раз он позволял ей над собой так издеваться. Иначе бы он просто не стал терпеть такое унижение и сразу послал её туда, откуда она пришла в мир, когда родилась.

Также обращало на себя внимание нежелание Леночки брать на себя персональную ответственность за своё поведение, когда она говорила: «многие из нас это любят делать». Так было не только в этом конкретном случае. Нечто подобное он от неё слышал не раз и не два.

Принимая во внимание всё только что перечисленное, Джонни сам недоумевал, как он мог так наивно надеяться, что Леночка, прочитав его рассказ, будет учиться на чужих ошибках? Ведь его опыт общения с ней всё больше убеждал, что она не способна учиться даже на собственных ошибках.

Однажды Леночка рассказала, что ещё тогда, когда они встречались, её бывший прислал ей ночью смс, в которой спрашивал, что за человек ещё прописан в её квартире помимо Леночкиной мамы и её самой. По её словам, она ответила, что сама не знает. Когда Джонни начал недоумевать, зачем её бывший навёл справки о том, кто прописан в её квартире, Леночка пояснила что «может, он думал что я какая-то шлюшка приезжая». Джонни, конечно же, промолчал, однако счёл такое объяснение достаточно странным. В самом деле, если сопоставить Леночкины рассказы, получалось, что её бывший говорил ей, что она станет хорошей матерью и женой и что он её не любит, но обязательно полюбит (что само по себе, надо отметить, показалось Джонни очень странным). Но при всём при этом получалось, он подозревал её, что, возможно, она просто шлюшка приезжая, которая хочет развести его на жилплощадь. Последнее подкреплялось рассказами Леночки о том, какой он подозрительный и мстительный. В частности, она упоминала, что он ей рассказывал о том, как ещё в юности он не поделил девушку с другим парнем, и чтобы избавиться от соперника, донёс на него в военное ведомство, и того забрали в армию. Потом она добавила, что он реально ей постоянно угрожал, словно опасаясь чего-то, вероятно, её измен. По её рассказу, в котором она много темнила, ясно чувствовалось, что она скрывает что-то явно неблагоприятное о себе. Потому что иначе совершенно непонятно было, зачем совершенно нормальный, вменяемый мужик постоянно угрожал расправой женщине, которая то и дело признавалась ему в любви.

Однажды он показал ей в своём телефоне фотографии женщины, которую он любил. То есть он не сказал Леночке, чьи это фотографии, но она сама догадалась. Леночка прокомментировала это так: «она очень красивая. Я увидела её и поняла, что у меня нет практически никаких шансов». Тогда же Леночка увидела у него в телефоне свои собственные фотографии, практически все в обнажённом виде. По словам Леночки, её это очень сильно задело. Как она это сформулировала: «получается, что эта для него нормальный человек, а я просто дырка, которой он пользуется». Джонни сначала хотел сказать, что, наверное, тот мужчина просто воспринимает каждую в соответствии с той ролью, которую она играет в его жизни. Однако в итоге деликатно промолчал.

Во второй половине ноября Джонни самому довелось испытать на себе самое сильное средство в Леночкином арсенале манипуляций. Он практически с самого начала не мог не обратить внимания на некоторые, как он вначале наивно полагал, милые, особенности её стиля общения. Ещё практически в самом начале их переписки она стала называть его Джоник. Причём, когда она назвала его так первый раз, она кокетливо добавила: я надеюсь, ты не возражаешь, если я буду тебя так называть? Начиная со второй их встречи не раз было так, что при встрече Леночка обнимала его, а на прощание говорила, что была рада его видеть, а иногда даже целовала в щёчку. Такие проявления нежности или чего-то ещё в этом роде со стороны Леночки были для Джонни восхитительным контрастом в сравнении с его практически неизменно неудачными встречами с другими женщинами из интернета. Те сначала при встрече с ним морщились и что-то цедили сквозь зубы, потом отстранялись, словно избегали его, а на прощание бурчали что-то вроде «пока», и обеим сторонам было ясно, что они больше никогда не увидятся. Да и не очень-то и хотелось, - почти искренне успокаивал себя после таких встреч Джонни. С Леночкой же всё было иначе едва ли не с самого начала.

В ноябре же Леночка преподнесла ему в этом отношении совершенно удивительные сюрпризы. Вначале после долгих колебаний он поделился с ней тем, что приезжая Аня собирается к нему переехать. На что Леночка вдруг совершенно неожиданно стала настаивать, чтобы он взял её третьей житей вместе с ними. Хотя Джонни расценил её просьбу как ещё большую шутку, нежели намерение Ани, внутренне он не мог не признаться себе, что шутка ему очень даже понравилась.

Однако следующая шутка Леночки произвела на него ещё несравненно более сильное воздействие. Довольно неожиданно она заявила ему: «ты знаешь, я тут подумала... Мне кажется, я в итоге выйду за тебя замуж. Если, конечно, я тебя раньше не доконаю и ты от меня не сбежишь». Интересно, как она может меня доконать, - недоумевал Джонни. Капризами? Недовольством? Впрочем, так или иначе, он не воспринял эти её слова относительно замужества всерьёз, а потому не стал долго гадать, что же она имела в виду.

Но, пожалуй, самый эффективный приём манипуляции был применён Леночкой к нему следующим образом. Однажды, когда он не выходил на связь с ней где-то в течение полутора дней, в основном по не зависящим от него обстоятельствам, она начала разговор с ним с недовольства: ты меня бросил. Джонни возразил: как же я тебя бросил, когда вот он я, тут. Не расстраивайся! Тогда Леночка сказала: я не буду расстраиваться, если ты обещаешь, что не бросишь меня. Джонни попытался отнекиваться, ссылаясь на то, что абсурдно говорить относительно бросишь – не бросишь с женщиной, которая сватается к другому мужику. Однако Леночка не унималась: «Какой же ты!.. Обещай – и всё тут, а то ты меня ужасно расстраиваешь!» Джонни тогда попробовал схитрить, сказав: ладно, пока я тебе буду нужен... Леночка же поспешила его заверить: ты мне всегда будешь нужен. Так что скажи, что никогда не бросишь меня. Наконец, Джонни сдался и заверил её, что если он действительно будет ей нужен, то он её не оставит. – Это

ты пообещал? – Да. На этом Леночка вроде как успокоилась. Или сделала вид, что успокоилась. Конечно же, по аське Джонни не мог видеть её эмоции, или скорее отсутствие таковых, на другом конце провода. И, тем не менее, у него почему-то складывалось нехорошее ощущение, что она на самом деле не беспокоилась, ну разве что как актриса, играющая заданную роль.

Тем временем история с бывшим Леночкиным мужиком набирала новые обороты. В один прекрасный день Джонни был просто шокирован просьбой Леночки. Она хотела, чтобы он сочинил за неё письмо её бывшему. В этом письме она собиралась рассказать своему бывшему, как она его любит. Джонни же почему-то чувствовал, что независимо от того, сколько актов физической близости ещё будет между Леночкой и её бывшим, в чисто человеческом плане между ними непреодолимая преграда, которую не сломать уже никакими любовными письмами. Да и сам факт, что она попыталась, по сути, делегировать ему сочинение своего любовного письма, красноречиво свидетельствовало о том, что она ставила форму впереди содержания, того искреннего чувства, которое у неё если и было сильным, то крайне поверхностным. По словам Леночки, бывшему письмо понравилось, однако поскольку никакого реального прогресса в итоге достигнуто не было, тему быстро замяли.

Вскоре Леночка в очередной раз стала наседать ему на мозг: «милый, ну я так больше не могу, ну напиши, что мне делать с моим бывшим». Тогда Джонни не выдержал и ответил ей что-то вроде: «Послушай, вы были вместе какое-то время. Наверное, оно оказалось достаточным, чтобы человек сделал для себя какие-то выводы, принял решение, которое он считает обдуманное и разумным. И он не собирается его менять, если, конечно, ты не применишь какой-нибудь действительно хитрый приём манипуляции, который заставит его вести себя иначе». Неожиданно Леночка словно загорелась идеей с манипуляциями. Джонни же, уже понимая к тому моменту, что наговорил ей лишнего, попытался дать задний ход. Он принялся объяснять, что нельзя научиться плавать, водя руками на берегу. Что ей придётся не раз отрабатывать свои манипуляции на других, ни в чём не повинных людях, которым предстоит стать жертвами только потому, что она хочет получить назад своего бывшего. На что Леночка резко ответила, что это уже будут проблемы ни в чём не повинных людей, которые её совершенно не волнуют. Потом, словно опомнившись, что ей надо это как-то объяснить, она добавила, что вот с ней очень плохо поступили (она имела в виду, конечно же, своего бывшего), и потому она считает себя вправе не считаться ни с кем. Но, мол, если ты не хочешь мне помогать, то не помогай.

Хотя на этом их неприятный виртуальный разговор, по сути, был исчерпан, он оставил на душе у Джонни очень неприятный осадок. Уж как-то слишком болезненно выпукло он показал ему два ключевых момента относительно Леночки.

Первый из них состоял в том, что она показала себя совершенно не способной учиться даже на собственном негативном опыте. (С её неспособностью учиться на опыте других ему давно всё было понятно.) Джонни понимал, что это органически связано с её неспособностью принимать на себя ответственность за свои собственные неприятности. Так, в истории с её бывшим, по её версии, был сплошь и рядом виноват сам бывший. Так, вернувшись однажды после встречи со своим бывшим, которая не принесла ей ожидаемых результатов, она написала с чуть ли не религиозным пафосом: «Я поняла, что ненавижу его. Пусть небеса обрушатся на него за то, что он так со мной поступает». А коль скоро, по её версии, именно её бывший виноват в том, как он к ней относится, то получается, что она не может извлечь никаких уроков из этой ситуации. Ибо она здесь просто бедная овечка, которую обидели.

Второй же момент заключался в том, что моральный уровень развития Леночки можно было охарактеризовать словосочетанием «инструментальный гедонизм». В самом деле, она никоим образом не стремилась ни к внутреннему развитию, ни к тому, чтобы нести людям добро. Её главным ориентиром в жизни было получение удовольствий, чего бы это ни стоило окружающим. Которые, очевидно, были для неё лишь подручными орудиями на пути к удовольствию.

Джонни тогда даже не раз ловил себя на мысли, что как это она при таком раскладе до сих пор не стреляет у него деньги под тем или иным благовидным предлогом. Но именно в тот период он начал одна за другой совершать роковые в этом отношении ошибки. (Хотя на самом деле, пожалуй, нельзя утверждать с уверенностью, что было ошибкой, а что нет. В том, 2010 году, ему пришлось не раз серьёзно задуматься над этим. Каждый из нас вынужден постоянно делать выбор, который впоследствии во многом определит его судьбу. И в этом плане то, что с нами будет дальше, как правило, во многом зависит от нас. Сначала его к таким размышлениям подтолкнул фильм «Господин Никто» – пожалуй, как Джонни понял впоследствии, едва ли не самый неподходящий фильм, на который можно было привести Леночку. Другой раз – строки из ответа Леночки, когда он первый раз, ещё в конце августа, как ей показалось, попытался с ней попрощаться совсем: «Как я поняла, никто и никогда не знает, что у нас будет завтра. Да, можно построить какие-то прогнозы, просчитать какие-то шаги, но всегда бывают ошибки, и выбрать правильный путь... возможно ли это? Мы никогда не узнаем, что с нами будет, если мы поступили бы по-другому. Повернули направо, а не налево, ответили бы на звонок, пошли на встречу. Я не хочу готового ответа, как мне поступать или как быть. Это неверно. Неправильно, наверное. Для начала нужно понять любую ситуацию, а это очень и очень сложно».) Пожалуй, первый ляп в этом направлении он сделал при следующих обстоятельствах. Как-то ещё в начале декабря она сказала ему, что ей нужен телефон. На что он ответил: ну давай я тебе на Новый год подарю новый мобильник. Его очень удивило тогда то, что она написала ему: «Я тут вчера подумала, что может мне не телефон лучше. :) Короче, я пока не знаю, как узнаю, я тебе, конечно, напишу. Но я думаю,

что это не совсем правильно, т.е. если ты мне сделаешь подарок на НГ, то и мне надо тебя поздравить. А равнозначный подарок по цене того же мобильного телефона я вряд ли смогу осилить, даже половину, кризис у меня. Ну да неважно, вот и я буду чувствовать себя неудобно. Как-то так вот. Так может, не стоит?» Лишь продолжительное время спустя, когда ему открылась чудовищная правда о Леночке, смог он по достоинству оценить, сколь тонкой и эффективной манипуляцией было такое её деликатное заявление. И, разумеется, оно сработало. Джонни ответил ей, что это не проблема, что ему для неё не жалко. И что самое удивительное и в то же время существенное для понимания эффективности её манипуляции, ответил совершенно искренне. Потому что внутренне он рассуждал так: сколько времени, сколько усилий потратил он на попытки помочь ей разобраться в ситуации вокруг её любовника. А результатом было пока только то, что она была для него всё большей загадкой. Конечно же, Джонни понимал, что с ней что-то серьёзно не так, совсем не так. Но что именно? На этот вопрос он пока не мог ответить даже самому себе. А на фоне таких глобальных проблем, какое значение могли иметь две, пять, десять тысяч, которые он потратит на покупку ей новогоднего подарка. Тем более что речь идёт о человеке, для которого эти подарки – одна из немногих радостей жизни. И не вина её, наверное, что она такая ограниченная, а скорее, беда. Ведь чем дальше, тем больше он чувствовал, что при всём омерзении, которое могли вызвать отдельные моменты в её поведении, она, судя по всему, была серьёзно психически больным человеком.

Наверное, это сострадание и желание помочь, в сочетании с огромной симпатией к человеку, которая, как и он, была ненормальной, определили то, что он чувствовал всё большую привязанность к Леночке, не представляя уже своей жизни без неё, хотя она была всё время на расстоянии, т.к. они практически не виделись. Джонни был настолько увлечён ею, её жизнью, таинственными и в чём-то даже зловеще-загадочными особенностями её характера, что не мог даже сосредоточиться на полноценном общении с людьми, которые, казалось бы, должны были быть ему куда ближе. Особенно отчётливо это проявилось в ситуации с Мариной.

Познакомившись с Мариной на сайте знакомств «кобра», Джонни практически сразу почувствовал, что она необычный человек. Однако, опираясь на свой прошлый опыт, он вначале не испытывал особых иллюзий по поводу знакомства с ней. И это несмотря на то, что уже буквально с первых своих сообщений она поразила его исходившим от неё ощущением нестандартности, которое подкреплялось, в частности, её рассказом о том, как она красила у себя дома потолок в жёлтый цвет. Тем не менее, их общение на сайте продолжительное время ограничивалось обменом малозначительными репликами. Но вот однажды, ещё на сайте, они разговорились. Нашли общие точки. Поняли друг про друга, что они оба не такие, как большинство. Марина написала, что хочет, чтобы Джонни был её другом. Обменялись телефонами. Джонни ей позвонил. Джонни было приятно слышать в своём телефоне бодрый голос жизнерадостного, оптимистичного, увлечённого человека. Она с энтузиазмом рассказывала ему (по профессии она журналистка) о своих встречах с телеведущими, главными редакторами газет и т.д. О том, что она поняла для себя из этих встреч, о том, что многие люди в жизни совсем не такие, какими они представляются обывателям, видящим их исключительно по ту сторону экрана, а также о многом другом. По ходу разговора всё больше раскрывалось, какой она удивительный собеседник: не только весьма эрудированный, но и умеющий внимательно слушать и тонко чувствовать другого человека. Выяснилось, что им нравятся одни и те же авторы, в частности, Трумэн Капоте и Джером Д. Сэлинджер. Марина рекомендовала ему почитать «Фрэнни и Зуи». И хотя аудио-книжку с этим произведением он не нашёл, в ночь после разговора с Мариной он не мог оторваться от видео, найденного в интернете, где женщина потрясающе увлечённо рассказывала студентам об этом произведении. Эх, если бы меня в своё время так учили литературе в школе,- внутренне сокрушался тогда Джонни.

В свою очередь, Джонни был рад поделиться с Мариной своими знаниями. Так, однажды он узнал от неё, что она, так же как и он, была вегетарианцем. И что у неё на этой почве развилась железодефицитная анемия, настолько значительная, что она даже падала в обморок. Джонни принялся объяснять ей, как вегетарианцу лучше питаться, какие продукты включать в свой рацион, дабы избежать столь негативных последствий для здоровья.

В свою очередь, Марина очень благородно вела себя с ним, что для него представляло разительный контраст с поведением многих других женщин, с которыми он пытался знакомиться и знакомился в инете и у которых, как удачно выразилась Марина, «вместо сердца был кассовый аппарат». Где-то после третьего продолжительного телефонного разговора (оба прекрасно понимали, что разговор был действительно длительным, потому что по техническим причинам связь разрывается ровно каждый час) она любезно предложила ему перестать подкармливать своего сотового оператора и позвонить ей на домашний номер. И хотя он по-прежнему продолжал звонить ей на мобильник, столь благородный жест со стороны Марины был приятен ему сам по себе.

Наконец, они договорились встретиться. И хотя по прибытии на место встречи выяснилось, что экспозиции, которую они собирались посмотреть, нет, тогда они просто решили пройтись по политехническому музею. Джонни почувствовал, что он словно на какой-то волшебный миг оказался в своей любимой стране – СССР. Они ходили с Мариной по залам музея, словно старые друзья, внимательно рассматривая и увлечённо обсуждая экспонаты. Говоря о том, какое замечательное было время, когда и жизнь была другой, а главное – сами люди были другие...

Прощаясь с Мариной после того, как они вышли из музея, Джонни знал, что больше никогда не увидит её. Для неё, с её обширной сетью социальных контактов, плюс минус один знакомый – это «отряд не заметил потери бойца». Так что совесть его была спокойна в том плане, что ей не будет его не хватать. Конечно же, Джонни во многих отношениях восхищался Мариной, которая была для него в некотором роде товарищем по партии. Но мысли его тогда были практически полностью заняты потрясающей загадкой, без которой он уже не мог представить свою жизнь. Даже когда он был в музее с Мариной, Джонни незримо ощущал присутствие Леночки. Она писала ему смс о том, что в тот день было опасно находиться в центре Москвы, т.к. ожидаются массовые беспорядки. Однако Джонни знал, что на самом деле следовало ожидать именно такой реакции Леночки на то, что он не переписывался с ней по аське в рабочее для нормальных людей время, а поехал в центр. Он ей так и сказал, а она знала, что в музей, как и в прочие культурные заведения, он не ходит один. Чего Джонни тогда ещё до конца не понимал, так это зачем женщине, спящей с другим мужиком и строящей на того мужика якобы матримониальные планы, вздумалось контролировать, с кем он, Джонни, ходит в музей.

Тем временем Леночка активно нагнетала драматизм в своей личной истории с бывшим. Бывший, по её словам, не соизволил даже пригласить её на свой рождения. Который он собирался шикарно отметить со своей девушкой в подмосковном доме отдыха. Леночка тогда шокировала Джонни заявлением относительно бывшего: «Неужели я у него так много прошу, просто заняться со мной сексом?!» Однако Джонни прекрасно понимал, что если бы всё упиралось именно в ЭТО, её бывший, наверное, не побрезговал бы с ней переспать, и не раз. Очевидно, хотя сам процесс ей и нравился с её бывшим, здесь всё было отнюдь не так просто, как она пыталась это представить.

Так, она всё время жаловалась, что тот никак не соберётся поехать с ней за люстрой, которую она себе выбрала и которая ей была очень нужна. Джонни сначала удивлялся, зачем она так настаивает, чтобы бывший привёз и повесил ей эту люстру. Ведь за небольшие деньги это могут сделать и службы от торгующей организации. Однако вскоре сообразил, что бывший, по замыслу Леночки, должен был не только привезти и установить эту люстру, он должен был также её купить! Даром, что ли, она с ним спала! Тем более что у неё самой, с её импульсивной тратой небольшой зарплаты, постоянно был, как она выразилась, «кризис». И уж тем более она не могла позволить себе купить эту люстру без помощи мужчины, который о ней «позаботится».

Джонни же смотрел на это так, что, прося дорогие подарки, она сама же дополнительно портит себе долгосрочную перспективу с этим человеком. Поэтому он пытался её образумить, намекая ей: ты сначала мужика себе верни, а потом он уже купит тебе люстру, две люстры... Да всё, что попросишь, то и купит. В разумных пределах, конечно.

Тогда же, в декабре, Леночка зачем-то решила добавить ещё один штрих к истории с сексом: «А еще, мне тут одна мысль пришла в голову... Может, это подскажет тебе, как помочь мне избавиться от такой тяги к нему. Я ему доверяю. Я ему безгранично доверяю полностью. И это доверие появилось у меня к нему практически сразу. Я на каком-то уровне чувствую, что он не причинит мне вреда. Нет, не в моральном плане, а в физическом, когда мы рядом. Знаешь, я по жизни всегда контролировала ситуацию, когда находилась рядом с мужчиной, особенно с незнакомым. Я знаю, что за себя отвечала только я, и в случае чего, мне никто бы не помог. А здесь не так. Здесь изначально я чувствовала, что я ему могу доверять, что он отвечает за свои действия, что он всегда вовремя остановится. Знаешь, я это не просто так всё пишу. У меня есть небольшой, ну или большой, фетиш, назовем это так. Мне нравится, когда меня душат. Руками сжимают горло. Я даже не могу сказать, что именно мне нравится в этом процессе. Да всё, наверное. Мой предыдущий молодой человек боялся это сделать. Он боялся причинить мне боль, да и вообще задушить меня. А этот нет. И причем он как-то сразу это понял, что мне нравится. И мне не нужно никогда было его контролировать. Я знала, что он никогда не сделает ничего лишнего. Не выйдет за рамки. Как-то вот так. Спасай меня, короче».

Джонни не очень-то верил в историю с фетишем, допуская, что она может оказаться лишь очередным звеном лжи в цепи манипуляций. Тем не менее, он не мог не признать себе, что история показалась ему весьма занимательной, хотя и в чём-то довольно мрачной.

Примечательно, что однажды, со слов Леночки, её бывший заявил: «секс – не главное в жизни!» Мол, живут же люди полной, насыщенной жизнью даже в пожилом возрасте и без этого. «Однако при том трахать меня он не отказывался», - цинично комментировала его высказывания Леночка.

Таким образом, хотя Леночке и нравился сам процесс с её бывшим, очевидно, она также старалась по максимуму использовать его сексуальный драйв. Она пыталась развести его на различные покупки, приведение в порядок её квартиры и т.д. Джонни прекрасно понимал, что Леночка лукавит, когда ноет, что бывший не хочет с ней встретиться. На самом деле, если бы всё упиралось только в желание её бывшего заниматься с ней сексом без особых обязательств, то последний с удовольствием встречался бы с ней достаточно часто и регулярно.

Теперь Джонни представлял себе ситуацию следующим образом. В отсутствие душевной, человеческой близости у Леночкиного бывшего с ней, последнего привлекал в ней практически только секс. Однако с учётом обилия её материальных и прочих капризов, Леночкин бывший всё больше склонялся к тому, что она того не стоит. С этой точки зрения было очевидно, что для того, чтобы удержать своего

бывшего хотя бы в роли любовника с материальной поддержкой, ей надо было повысить ценность секса как разменной монеты.

И тогда у Джонни возникла очень необычная идея в этом направлении. Однако реализация этой идеи упиралась в одну принципиальную сложность. Джонни прекрасно понимал, что доверием пользуются те рассказчики, у которых есть не только обширные познания, но и практический опыт, особенно в тех вопросах, где, как и в данной деликатной сфере, сама по себе теория без практики особой ценности не представляет.

С приходом в нашу жизнь такой замечательной вещи, как интернет, у него не было особых проблем с теорией. Теперь ему не надо было считать мелочь в книжном магазине, а потом робко мямлить, запинаясь, что-то вроде: «девушка, покажите, мне, пожалуйста, вон ту книжку про ЭТО». Благодаря всемирной паутине, у него появилась возможность не только читать про ЭТО в уединённой тиши своей комнаты, но и смотреть видео, предаваясь сладострастным фантазиям. Однако при всём при этом у него никогда не было физической близости с реальной, не воображаемой, женщиной. И никогда не будет, - он знал это наверняка. Однако, как показывал опыт тех, кому в отличие от него в итоге посчастливилось найти себе женщину, одной теории было недостаточно. Сколько бы они ни читали и ни смотрели до того, при первой встрече многие из них мучительно и беспомощно пытались сообразить, куда и КАК?

Хорошо понимая это, Джонни сочинил и после недолгих моральных колебаний рассказал Леночке историю о девушке из своего воображаемого прошлого:

«...в один прекрасный день мне позвонила “девушка с красивым мужским именем Саша” (её выражение). Она сказала, что мой телефон ей дала её знакомая, с которой мне (впрочем, вполне предсказуемо – у меня практически никогда ничего не ладилось с женщинами!) не удалось поладить. Саша просила меня рассказать что-то про компьютеры, потом звонила ещё раз, мол, она что-то не поняла и просила объяснить ещё раз. Я практически сразу заподозрил, что здесь что-то не просто так, а ещё через пару звонков она подтвердила мои подозрения вопросом о том, почему я не спрашиваю её номер и не предлагаю встретиться. На что получила ответ, что она же у меня интересуется про компьютерную технику, так с чего это вдруг я должен предлагать ей встретиться, и зачем? Здесь Сашу осенило, что человек с такими взглядами на взаимоотношения с женщинами может быть именно тем, что ей нужно. Она стала говорить мне, что я ей интересен, что она всегда хотела подружиться с таким человеком, который сможет её выслушать и понять. Потом принялась рассказывать про своего мальчика Серёжу, с которым она, по её словам, не разорвала отношения, но взяла бессрочный отпуск до тех пор, пока он не исправится. Выяснилось, что основное место Серёжиной работы было в каком-то химическом институте, а ещё он подрабатывал программистом на какую-то контору с названием \$1 или что-то вроде этого. Серёжа был тихим, скромным мальчиком. До знакомства с Сашей за 26 лет его жизни весь “опыт” его отношений с женщинами сводился к тому, что ещё в студенческие годы к нему заглянула однокурсница и попросила научить её работать в MS Excel. Саша ещё в разговоре со мной прикалывалась, что, видимо, девушка хотела, чтобы Серёжа показал ей именно свой XL, XXL, или XXXL, а не Билла Гейтса.

Но время шло, на горизонте никого не было, и Серёжа был вынужден вылезти в интернет в поисках невесты, где он, после некоторого количества девушек, неизменно посылавших его, и встретил Сашу. Саша же сочла целесообразным, чтобы Серёжа уже точно никуда не делся, через небольшое время после знакомства применить к нему запрещённый приём. В чём же состоял этот приём? А в том, что, как я сказал однажды, когда рассказывал на уроке литературы про роман Льва Толстого “Воскресение”, он её э-э-э... Соблазнил,- подсказала мне тогда учительница литературы. “О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!” И как же хреново, когда в разговоре о таких жизненных вещах вместо нужного слова на ум приходит только э-э-э... Тогда, предсказуемо, весь класс ржёт над твоим косноязычием в плане родной речи!.. Как бы там ни было, но Саша Серёжу э-э-э. Т.е. соблазнила, и Серёже это безумно понравилось. И он, во что бы то ни стало, захотел непременно это повторить. На что Саша ему хладнокровно заметила: не так скоро. Что она хотела бы видеть рядом более представительного и заботливого мальчика, и что она очень надеется на его способность сделать правильные шаги в нужном (ей) направлении. А иначе до конца его дней вместо этого праздника жизни у него будет только его собственная ладошка. И бедный Серёжа просто лез из кожи вон, чтобы Саше во всём угодить... пока у Саши не появилась могущественная соперница в лице корпорации InterGame. Эта, по состоянию на момент написания этих строк, уже давно обанкротившаяся компания (видимо, она делала слишком глубокие для вкусов нормального человека продукты), выпустила игру, с которой и сам я никак не мог слезть в своё время. Когда Саша приезжала к нему, несмотря на все её ласки, Серёжа продолжал практически неподвижно сидеть, вперившись в экран: “пожалуйста, сейчас, я ещё немножко доиграю...”

Всё это в итоге привело Сашу ко мне на курсы “молодой сучки”, дабы она могла научиться разбираться в людях. Кроме того, ей нужно было оттачивать свои “запрещённые приёмы”, и я не стану писать, на ком она решила проводить свои опыты, хотя из контекста это и так станет понятно. Чтобы удостовериться, что ей удалось выбрать подходящего субъекта, она решила проконсультироваться со своей подругой – младшей сестрой той девушки, у которой она узнала мой номер телефона. В ответ на прямой вопрос, как она считает, был ли у меня раньше кто-нибудь, Сашина подруга проворно ответила: “ты что?! кому такой нужен?! У него единственные девушки – это его компьютеры!” Окрылённая таким ответом, и уверенная в том, что она на правильном пути, Саша решила на всякий случай поинтересоваться у меня. Я не

хотел ей врать, но и обламывать её тоже, поэтому ответил уклончиво, что пока не готов это обсуждать. Хотя она демонстративно надула губки: “ну не хочешь – не говори”, было хорошо заметно, что мой ответ ей безумно понравился, т.к. для неё он означал, что я ещё более запущенный случай, чем Серёжа: тот хотя бы не постеснялся ей сознаться! Реализовать свой замысел она решила, когда её родители уехали на дачу. Я не мог сдерживать любопытство, то ли она замышляет, что я думал, поэтому в полпервого ночи выехал в её направлении. Не забыв, однако, надеть такую курточку, которая практически гарантировала мне, что “ничего не будет”. Помнится, когда я покупал эту курточку, продавщица сказала мне, что в таком наряде “все Ваши девушки будут Ваши”. Учитывая, что по состоянию на момент покупки курточки девушки у меня не было и не предвиделось, её слова оказались пророческими... Как бы там ни было, в ту ночь всё закончилось тем, что после некоторой возни я был вышвырнут Сашей из её дома в пять часов утра. Мол, скоро родители вернутся. Помнится, потом в тот день она была жутко перепугана, что я ей не дам другого шанса, но очень обрадовалась, что я её не послал совсем, а днём даже ответил в аське. Правда, без особого энтузиазма. Так как я, как минимум, просто не выспался!

Следующая неудачная попытка была совершена ею, когда она приехала ко мне с бутылкой шампанского. Расчёт был на то, что если я немного выпью, это подтолкнёт меня к действиям в нужном направлении. Однако расчёт не оправдался, т.к. пить я наотрез отказался. Максимум, что я согласился сделать, – это открыть бутылку, хотя раньше, будучи заядлым трезвенником, этим никогда не занимался. Саша начала говорить: “ну ты же мужчина!” На что я хладнокровно ответил, что я на самом деле Оно и общего с мужчиной у меня только то, что я могу писать стоя.

На самом деле удивительно, как просто и непринуждённо можно общаться с женщиной, к которой не испытываешь особых чувств! Самое интересное, сказанное вовсе не означает, что у неё сложится ужасное мнение. Напротив, Саша была приятно поражена, что, в отличие от многих, строящих из себя “настоящих мужчин”, по крайней мере, я не скрываю своей настоящей природы. В общем, в тот вечер, провожая Сашу, я фактически тащил её на себе, т.к. она выпила ту бутылку в одно лицо, быстро и практически не закусывая, в результате чего её прилично “развезло”.

Не стану рассказывать о том, что началось потом, тем более в деталях, скажу лишь вкратце (не хотелось бы здесь рассказывать во всех подробностях!) на чём это было основано и к чему в итоге привело.

Моя догадка, даже, не побоюсь этого слова, гипотеза состояла в том, что Саше иногда чисто интуитивно удавалось очень удачно использовать определённые группы мышц. Разумеется, здесь не обошлось без природных данных. Ну знаешь, как есть люди, которые умеют шевелить ушами... Только здесь речь идёт о мышцах не на голове, а совсем в другом месте. Идея состояла в том, что если бы она научилась использовать эти приёмы осмысленно, то могла бы любого мужика, с которым у неё была близость, поставить на колени, т.к. она становилась бы для него источником совершенно потрясающих, незабываемых, ни с чем не сравнимых ощущений.

Оглядываясь назад, если бы я верил в судьбу, мне следовало бы поблагодарить её за то, что Саша не очень-то меня слушала и не очень-то стремилась к знаниям. По большому счёту, она в основном использовала меня лишь в качестве обратной связи: как тебе это? А вот так?

Знаешь, практически всю свою сознательную жизнь я гордился тем, что в отличие от многих мужиков, я думаю головой, той, что у меня на плечах. Но вот пример из жизни: 11 сентября 2001 года. Конечно, я не испытываю особых симпатий к американским властям или к общественно-политическому строю Пиндостана. Но у меня там было много друзей. Обычно я не смотрю ящик, но в тот день я включил ТВ, чтобы посмотреть, что там показывают. Однако стоило приехать Саше, как мне уже было трудно сосредоточенно смотреть в телевизор на события 9/11.

А ещё, время от времени, когда у неё было не очень хорошее настроение, она говорила мне: “я догадываюсь, для чего я тебе в основном нужна”. И, положив руку на сердце, мне было непросто ей возразить.

Также я стал всё больше ловить себя на мысли, что мне стало трудно давать искренние советы по вопросам типа “выходить ли сейчас замуж за Серёжу, или подождать?” Так как её замужество означало бы, что мы с ней уже не сможем встречаться так, как это происходило на тот момент.

Я прекрасно понимал, что мои “игры разума” зашли уже слишком далеко, трансформировавшись в совершенно другие игры, и мне пора спасаться бегством, пока она не начала с моей же подачи совсем управлять мною, как марионеткой.

Досталось и другому мужскому населению! Тайком от меня, Саша решила опробовать отработанные приёмы на своём бывшем (до Серёжи), которого я прозвал “кролик”. Саша рассказывала, что этот парень был чем-то похож на кролика. Видимо, зубами... или ушами. Мне трудно судить, я его не видел. Для меня он был кроликом потому, что Саша решила на нём поэкспериментировать. Причём, не спросившись у меня! Я узнал об этом лишь тогда, когда позвонила до смерти перепуганная Саша и рассказывала о том, что теперь её повсюду преследует обезумевший кролик. Оказывается, она отыскала некогда брошенного кролика и рассказала ему про Серёжу. Потом добавила, что решила воспитывать Серёжу воздержанием, и что поэтому трудно ей без мужика. Ну а кролик с ней всегда не против! В результате, кролик был теперь готов душу дьяволу продать, лишь бы *это* повторилось.

После успешных “клинических испытаний” на кролике, Саша принялась всерьёз заниматься Серёжей, отбившимся было от рук. Бедный мальчик стоял на коленях, плакал навзрыд и просил её

великодушно простить засранца за все случаи, когда он был не прав. И заверял Сашу, что он сделает всё от него зависящее, чтобы такое непослушание с его стороны больше никогда не повторилось.

И лишь однажды, выпив лишнего по поводу какого-то праздника, Серёжа посмел высказаться откровенно. Разговор, с Шашиных слов, был примерно таков (как ты понимаешь, сам я по понятным причинам при этом не мог присутствовать):

- Знаешь, Саша, последнее время... Когда мы снова стали с тобой встречаться... Ты стала делать какие-то вещи... Эти ощущения... Ты знаешь, они просто сводят меня с ума... И я теперь без ума от тебя, ты это знаешь, но... У меня, конечно, нет опыта, но я понимаю, что это не просто так... Ты научилась этому за последнее время... этот Джонни... я думаю, он твой инструктор! (Саша прислоняет ладонь к его лбу, словно пытаясь определить, нет ли у него жара.)

- Серёжа, мальчик мой, нет ли у тебя температуры? Потому что я вижу: ты бредишь! Джонни – это вообще Оно!

- Ага, только если я вас увижу вдвоём, я тебя убью на почве ревности, а из твоего долбаного наставника сделаю настоящее Оно!

- Серёжа, у тебя есть какие-то вопросы к Джонни, ты можешь увидеться с ним и поговорить наедине. Только я тебе советую не забыть захватить с собой пару рулонов туалетной бумаги. Знаешь ли, на тот случай, если с тобой в процессе вашего выяснения отношений приключится неприятная неожиданность! Ладно, я поехала учиться...

Саша типа училась в вечернем институте. Иногда она говорила предкам и Серёже, что едет на занятия, а сама ехала... ко мне. Саша говорила, что приезжая ко мне, она получает значительно больше нужных ей знаний, чем в институте. Обвивая руки вокруг моей шеи, она улыбалась, смотрела на меня заговорщическим взглядом, и спрашивала: ну что, моё любимое Оно, мы сегодня будем учиться? На что следовал ответ: Ага! Учиться, учиться и ещё раз учиться!..»

К огромному удивлению Джонни, вначале Леночка загорелась идеей. Она сказала, что собирается с ним «тренироваться». Начав с минета: «Так вот, так уж получилось, что мне это очень нравится. При этом должны быть соблюдены 2 вещи - личная гигиена и презерватив, а то даже при орале всякой дряни можно нахвататься. :) Так вот, нравится-то нравится, вот только правильно, я думаю, я это делать не умею... Хммм... научишь?» Конечно же, Джонни не поверил в серьёзность её намерений и прекрасно понимал, что с ним лично у неё ничего такого не будет. Но в то же время не мог не признать, что идея ему понравилась, что греха таить!

Для начала же он посоветовал ей, как девушке явно неспортивной, тренировать мышцы тазового дна, прислав ей на почту комплекс упражнений с картинками. Со свойственной ей импульсивностью, Леночка вначале активно взялась делать упражнения. «Тренировать п****», как она это называла. Однако ей это очень быстро надоело. Её импульсивность и неспособность серьёзно посвящать себя тем или иным занятиям не раз удивляли Джонни в тот период.

Так, 25 декабря они встретились. Сначала пошли в книжный магазин, где Леночка покупала книжку с забавным названием «дневной дятел» или что-то в этом роде. Хотя Джонни испытывал некоторое любопытство, почему дятел и почему дневной, куда больше его тревожил подзаголовок что-то вроде «как «подсадить» другого человека на себя и как избавиться от любовной зависимости».

Такой подход красноречиво свидетельствовал о том, что она рассматривает отношения со своим бывшим как своего рода поединок. Где, очевидно, все средства хороши. И где главный результат состоит не в том, чтобы люди делали друг друга счастливыми, а чтобы проигравший был эмоционально зависим от победителя.

Джонни знал, что, к огромному его сожалению, видятся они с Леночкой редко, и он не знал когда будет следующая встреча. Поэтому ещё по пути в Дом книги сделал робкую попытку вручить Леночке свой скромный подарок, открытым текстом заказанный ею – подарочную карточку номиналом в десять тысяч рублей одной крупной московской торговой сети. Леночка сначала отказалась, ссылаясь на то, что подарки делают после праздника и что она ему пока подарок не купила. Однако по дороге из магазина она вдруг словно спохватилась и сказала: ты знаешь, я подумала... давай твой подарок. При этом она стала ссылаться на то, что хочет попасть на предновогодние распродажи. Джонни, однако же, понял, что она на самом деле просто не в состоянии потерпеть. И это очень многое говорит о её характере.

Другое их занятие в тот день показало ещё одну сторону её личности, органично связанную с импульсивностью. А именно, неспособность, нежелание и неумение сколько-нибудь последовательно заниматься вещами, к которым она вначале проявила активный интерес. Леночка позвала Джонни в тот день играть с ней в настольный теннис. Мол, неделю назад она делала это с «девочкой» (которую, как Джонни уже догадывался, зовут Юля), и теперь она с большим энтузиазмом строила планы, как они с Джонни будут туда регулярно ходить играть. Однако, как и предполагал Джонни, одним тем разом интерес к игре с ним в настольный теннис фактически был исчерпан.

В тот же самый день Леночка продемонстрировала ему ещё одну неприглядную сторону своего характера. После получасовой игры в теннис она, видите ли, не пожелала идти одну остановку до метро, чтобы проехать несколько остановок до дома, а сказала, что поедет на такси. Понятно, за чей счёт. «Я надеюсь, ты не возражаешь?» Поездка обошлась ему примерно во столько же, во сколько обошлась ей книжка про дятла, про которую она всю дорогу сокрушалась, что потратила аж 350 рублей. Ведь деньги на

книжку, по понятной причине, она не могла стрелкнуть у своего бывшего. И тогда ещё не находила возможным для себя взять у Джонни.

В те же предновогодние дни Леночка продемонстрировала ему ещё один из своих приёмов манипуляции. Он состоял в том, чтобы доказать, что жизненные трудности Джонни на самом деле ерунда по сравнению с теми, с которыми приходится сталкиваться ей. А потому ему стоит перестать жаловаться на жизнь, а больше помогать Леночке. Поэтому однажды, когда Джонни, как и подобает уважающему себя невротика, стал слегка драматизировать свои повседневные бытовые неурядицы, Леночка заявила, что если он ещё раз назовёт такие мелочи неприятностями, то она ему отрежет, оторвёт или откусит то, чем он собирался её «тренировать». После чего написала ему примерно такое письмо:

«Для начала небольшое отступление. Потом по тексту письма ты поймёшь, к чему оно. Так вот, не знаю уж, конечно, плюс мне это или минус... Не знаю, не мне судить. Но я очень люблю писать там всякие эротические смс. Конечно же, раньше я писала их только своему бывшему, но с недавних пор <когда они узнали о моей писанине > я пишу еще нескольким знакомым – подругам, назовем их так. Причем эти смс могут носить разный смысл, от нежной какой-то эротики, до открытой похабщины – кому как больше нравится, конечно, в зависимости от того что люди хотят прочитать и кому отправить. Ну что я могу сказать... мой бывший получает их от меня постоянно. В принципе, никакого одобрения я от него на них не получала, но и ничего против этого он не говорил, так что пишу.

Ну а теперь письмо. Вот ты пишешь – неприятности. Да ладно тебе! Вот у меня даже не неприятности, а проблемки, хотя они очень-очень меня бесят. Ну слушай, а точнее читай – начинаю грузить :)

1) Меня бесит наш новый начальник отдела. Весь отдел собирается разбежаться. После НГ нужно будет искать новую работу, да и з/п вечно ни на что не хватает!!!! Дальше, я сегодня пополнила ряды катающихся на льду. И падающих в том числе.

2) Мне завтра тащиться хрен знает куда - сдавать какую-то отчетность, аж Варшавка 125 или 6, не важно.

3) Меня тошнит уже 3-й день!!! И проблемы с кишечником. И еще голова болит. Знаешь, если бы я с кем-то занималась сексом, то я смело бы могла подумать, что я беременна. Но так как я ни с кем уже не спала более 3 месяцев, то что-то я сомневаюсь в этом. Да и возникают ли проблемы с кишечником у беременных, или может ли это быть разновидностью токсикоза? Не знаю. Беременной я пока не была, и это хорошо.

4) Просто блеск и шик! Это называется: "ты дура или полная идиотка". Ну, неважно. Так вот, вчера же меня, как всегда, продинамили на счет встречи. Я позвонила-позвонила, ну и на этом подумала: пойду спать. Но перед сном решила написать свою очередную пошлую смс-ку (см. выше). Написала и благополучно уснула. Снились мне какие-то кошмары, поэтому где-то в 03:40 я проснулась и решила посмотреть на телефон. И тут оба – мне смс-ка от бывшего. Я читаю: "спасибо, но это сделать уже не получится никогда" (ну там было что-то типа «хочу с тобой оказаться в постели»). Ты прикинь мою, реакцию, а? Я села на диван и начала реветь. Как это никогда?! Я же прошу не что-то такое, а сексом заняться. И почему никогда? Значит, все-таки женится? А, караул, да как же я буду?! А потом сразу мысль, что никак я не буду, пожалуй. Тут мне стало тяжело дышать, сердце закололо. И знаешь, так, нижняя часть головы очень, ну очень сильно начала болеть. В этот момент я подумала, что если сейчас же не приду в себя, то в итоге заработаю себе какой-нибудь приступ, блин. С этой мыслью улеглась обратно, при этом написав смс: "прости, что ночью, но почему это не получится? И вообще, когда ты со мной в этот магазин поедешь? Ответь, пожалуйста?" Ответа, конечно же, не было, но всю ночь оставшуюся я не спала. А наутро я взяла в руки телефон, чтобы ещё раз прочитать эту злосчастную смс. И знаешь, что там было написано?! "Спасибо, но сегодня это сделать не получится"! Прикинь? Т.е. ночью я проснулась, неправильно прочитала смс, написала полную хрень полчетвертого утра (про магазин и про то, почему это сейчас не получится сделать - да уж, переспать в 03:30, действительно...) Вот такие дела, прикинь, так лохануться? Потом, подумав, я пришла к выводу, что сам виноват. Что не хрена меня было все выходные мурьжить! А то можно было бы еще не такое написать, блин! Вот я и ни на грамм не почувствовала себя виноватой, что разбудила человека ночью. И что там (в моей смс) была полная хрень. И знаешь, до сих пор не чувствую <себя виноватой>. И пришла к выводу, что еще чуть-чуть, и он меня доконает. Точнее, я сама свихнусь. Поэтому с ним либо нужно завязывать полностью, вообще вплоть до того, что бы мне ничего не знать даже через его знакомых. А уж тем более, если он решит когда-нибудь пожениться <с другой женщиной>, т.к. это точно будет мой последний день (если я об этом буду знать, конечно), или что мне нужно начать по-другому его воспринимать. Вот такие дела. И вот такие проблемки».

Из этого, равно как и других подобных рассказов было совершенно ясно, что Леночка на самом деле не столько страдает от неразделённой любви, сколько весьма артистично разыгрывает перед ним этот спектакль, наполняя его всё большим драматизмом. Джонни всё больше сомневался, что это вообще можно назвать любовью даже в нулевом приближении. Ему всё это скорее напоминало, как капризный ребёнок ложится на пол в супермаркете и, пытаясь разжалобить родителей, делает вид, что бьётся головой об пол, дабы разжалобить родителей и заставить их купить ему вожаделенную игрушку. Примечательно, что ценность игрушки в основном сводилась при этом к навязчивому стремлению ребёнка обладать именно ею. Подобным образом, Леночкин бывший практически не интересовал её как человек, как неповторимая

личность. Он был нужен ей лишь как объект, удовлетворявший её потребности. А также как объект, посредством которого она себя удовлетворяла сексуально. И потому вполне естественно она категорически не желала отдавать такой ценный для себя объект другой хозяйке. Однако называть такое объектно-ориентированное стремление обладать другим человеком любовью, наверное, перебор,- думал Джонни.

А 31 декабря Леночка решила разыграть для Джонни по аське с неожиданным продолжением по телефону спектакль на тему «скользящих и падающих». Начала она с того, что у неё в этот день, видимо, как следствие падения несколько дней назад, стал болеть копчик. Она повторяла про это много раз, писала, что не может терпеть и т.д. Джонни давно заметил, что она была совершенно не способна переносить какие-то негативные вещи в своей жизни. И в особенности – боль. Он представлял, каково с ней пришлось персоналу в больнице, когда она там лежала. Соответственно, ничего удивительного не было в том, как к ней там стали в итоге относиться. Конечно же, по своему ещё детскому опыту пребывания в больницах, Джонни знал, что сам был в этом плане далеко не идеален. Но если с ним самим – скорбным невротиком – было более-менее ясно, то с ней-то что не так? Увы, как ни стыдно ему было в этом себе признаваться, вопрос этот пока оставался для него мучительной загадкой. Джонни очень хотел надеяться, что скоро они смогут видаться чаще. Несомненно, наблюдение Леночкиного поведения в реальной жизни должно было прояснить ситуацию.

Разумеется, Леночка не преминула воспользоваться реальной или больше воображаемой болью в заднице с тем, чтобы улизнуть в предпраздничный день с работы. Её отпустили. Джонни попросил её самостоятельно ничего не предпринимать и позвонить ему по возвращении домой. Чтобы он был в курсе, как у неё дела, прошла ли её пятая точка, и помочь ей советом, если что. Однако ни через два, ни через три часа от Леночки не было никаких вестей. Наконец, часов через пять-шесть после своего досрочного ухода с работы Леночка позвонила ему и принялась рассказывать несколько наигранным, фальшиво-плачущим тоном, как она по дороге с работы купила какую-то мазь, и что мама ей всегда говорила «мажь побольше». Дальше, весьма артистично всхлипывая, Леночка стала плакаться ему о том, как сильно ей стало щипать, как она не находила себе места от боли, и что у неё теперь жопа красная, словно у макаки.

Поскольку Джонни не знал, верить ему в эту историю или нет, он также не знал жалеть ему Леночку или нет, хотя на чисто эмоциональном уровне выбора у него, пожалуй, не было, потому что ему было очень жалко её если не из-за боли в заднице, то из-за её несусветной глупости.

Так или иначе, у него складывалось впечатление, что она словно постоянно играла с ним в игру. В ней она о чём-то врала ему, а о чём-то, наверное, нет. И он, не имея возможности проверить или узнать наверняка, был постоянно озадачен её неразрешимыми загадками.

Казалось бы, в противоположность этому, манипуляция его чувствами, которую Леночка применила к нему за день до этого, 30 декабря, загадкой для него не была. Он уже более-менее понимал, как это работает. Но даже несмотря на такое знание, он вынужден был признать: манипуляция эта всё же работает, действуя на каком-то эмоциональном уровне, неподконтрольном его логике. Началось с того, что в тот день Джонни в очередной раз осознал, как мало значат для Леночки его соображения по поводу её ситуации, а также её самой. Остро почувствовав в очередной раз, насколько глупа и унижительна при таком раскладе его роль, он не выдержал и написал ей об этом. Джонни заявлял, что не видит смысла больше вмешиваться в чужую жизнь, для которой его мнение ничего не значит. А потому он прекрасно понимает, что ему давно пора оставить её наедине с её бывшим.

Однако такое заявление, как он и предполагал, не могло не спровоцировать наигранный приступ ярости со стороны Леночки. Она написала ему, что в такие моменты ей хочется тяпнуть его чем-нибудь тяжёлым по голове и привязать к батарее, дабы от неё не сбежал. Мол, поступить таким образом ей мешает только осознание того, что второй потери она просто не переживёт. Примечательно, что Джонни был больше всего поражён даже не тем, насколько легко она говорила о готовности лишиться его жизни, ударив тяжёлым предметом по больному месту. Значительно больше его впечатляло то, как легко и эффектно она манипулирует его чувствами, заявляя, что его потеря (если она его убьёт) будет для неё сравнима по значимости с потерей бывшего. А последнего, согласно её драматическим заявлениям, она так сильно любит. Кстати, в тот же день, когда они помирились, Леночка словно невзначай написала ему: ты же знаешь, что я тебя люблю! Естественно, Джонни не воспринял это всерьёз, однако зачем она это написала, он так и не понял.

В канун нового 2011 года в странной реплике Леночки неожиданно открылась важная черта её личности, хотя подлинную значимость этой её особенности Джонни осознал лишь значительно позже. Когда Джонни обмолвился о предстоящих более чем 10-дневных каникулах для большинства работающих, Леночка довольно парадоксально не проявила по этому поводу особого восторга. Она заявила, что ей будет скучно сидеть всё это время дома, и что лучше бы она работала в эти дни. Так Джонни узнал про Леночкину склонность к скуке, а также повышенную потребность в стимуляции со стороны окружающей обстановки, дабы развеять эту самую скуку. Правда, на тот момент Джонни не был ещё готов интерпретировать эти обстоятельства как симптом патологии Леночкиной личности, а скорее смотрел на них как на сочетание избалованности, лени и неспособности содержательно себя занять.

Видимо, скука в те дни была у Леночки столь сильной, что 1 января она заявила Джонни о своём намерении приехать к нему в гости 3 числа. Казалось бы, у Джонни от этого известия должны были быть «полные штаны счастья», и в некотором роде это было так. Однако он прекрасно понимал также, какой

объём работы ему предстоит для того, чтобы предстоящий визит Леночки имел хоть какие-то шансы не стать тотальным разочарованием для обоих. Дело в том, что две комнаты (в третьей, изолированной, жила его мама) его квартиры были по большей части завалены компьютерным хламом.

Хотя ему удалось расчистить в обеих комнатах дорожки, по которым можно было комфортно ходить, не спотыкаясь о железки, ближе к 7 утра 3 января, после бессонной ночи, проведённой в разборе завалов, Джонни понял, что потерпел неудачу. В отчаянии он написал Леночке смс о том, что их встреча, назначенная на тот день, отменяется, и попытался объяснить причину. Совершенно неожиданно, Леночка устроила ему самый настоящий спектакль. Она начала с того, что высказала ему, что он разбудил её своей смс. Джонни в это не очень-то верил, однако доказать свою правоту в сложившихся обстоятельствах не мог. И к прочим источникам его дискомфорта добавилось ещё и острое чувство стыда перед бедной Леночкой. Она, по её словам, так сильно переживала свою ситуацию с бывшим, что плохо спала ночью, только ближе к утру нормально уснула, и тут Джонни будит её своей смс. После примерно получаса скандального выяснения отношений, когда они попеременно не отвечали и сбрасывали звонки друг друга, Леночка со всхлипываниями в голосе принялась говорить ему, что едет в гости к нему, а не к его обстановке. Джонни чувствовал себя просто ужасно не только и не столько из-за бессонной ночи, сколько потому, что Леночка плачет по его вине. Хотя он не мог также не отметить для себя, что плачет она как-то ненатурально, словно актриса, играющая в любительском спектакле.

В итоге, где-то около полудня не выспавшийся Джонни встретил Леночку у своей станции метро. Он начал с того, что отчитался перед ней о положенных на её телефон пятистах рублях, в порядке компенсации за его плохое поведение утром (она его об этом попросила). Как он и предполагал, все примерно 15 минут, что они топали до его дома, она сетовала на то, в какой «жопе мира» он живёт. Когда же они, наконец, пришли к нему домой, прошли в комнату и сели на диван, Леночка заявила ему, что диван ужасный, обои тоже, кругом груды железа, короче, «надеюсь, ты сам понимаешь, что не одна женщина жить здесь с тобой не будет». Джонни промямлил в ответ что-то вроде «не надо про всех женщин, говори только за себя». Однако внутренне, с горечью был вынужден с ней согласиться. Добило же его в тот день то, что Леночка отказалась пить коньяк, который ей не понравился. Ещё за день до их предполагаемой встречи Джонни поинтересовался у неё, чем её угощать, когда она придет. На что Леночка ответила, чтобы он купил коньяк, а также чем запивать и закусывать. Тогда непьющий Джонни стал допытываться, какой коньяк. Леночка вначале отвечала уклончиво, мол, поинтересуйся у них там, в магазине, какой у них хороший коньяк. Когда же Джонни для уверенности попросил её назвать конкретную марку, она назвала какой-то крутой бренд, звучавший что-то вроде «Хрен неси». Однако придя в магазин и увидев цену на «Хрен неси», Джонни после долгих колебаний решил, что пусть ей её любовник за такие деньги коньяк покупает. И купил отечественный коньяк, который был на порядок дешевле и назывался Пятизвёздочный или что-то в этом роде. Там, кстати, был ещё и Трёхзвёздочный. Теперь же, придя к нему, Леночка безапелляционно заявила, что не пьёт «Пятизвёздочный» коньяк. Дескать, она потом не хочет долго обниматься с «белым другом» в туалете. Мол, я же тебе чётко сказала, какой коньяк мне нужен. А когда Джонни попытался в своё оправдание пробубнить что-то о цене, Леночка строго констатировала: «Так ты ещё и жмот, оказывается!». Поняв, что делать ей здесь больше нечего, она попросила его проводить её обратно до метро. Таким образом, несмотря на все его старания, их встреча была для Джонни полной катастрофой. Его негативное восприятие ситуации усугублялось тем, что Леночка в тот день выглядела особенно неотразимо. Надо полагать, так ею и было задумано, и значительную часть времени после их напряжённых утренних разговоров она занималась своей внешностью.

При расставании в метро она сказала ему: «извини за плохое настроение». Всю дорогу домой рассерженный Джонни только и думал о том, что пусть теперь её любовник покупает ей правильный коньяк. А сам он будет до победного конца сидеть на сайтах знакомств, пока не встретит женщину, которая примет его таким, какой он есть. И для этой женщины он сам, как уникальный и неповторимый человек, будет важнее, чем марка коньяка.

Однако уже на следующий день, презируя себя за это, Джонни снова набирал на своём мобильнике номер Леночки. Но Леночка не брала. Он звонил и звонил, но в ответ слышались лишь гудки, вскоре сменявшиеся металлическим голосом, рассказывающим ему про отсутствие абонента. Наверное, обнимается там со своим ё*****, сука,- обиженно думал Джонни.

На следующий день, чтобы хоть немного отвлечься от мыслей о Леночке и своей унижительной роли во всей этой истории, Джонни фотографировал лёд и снежные шапки на ветках, образовывавшие узоры невиданной красоты. Однако в процессе своей фотосессии он почему-то неожиданно почувствовал сильный прилив жалости по отношению к Леночке. Ведь она в силу своей эмоциональной скудности не способна была замечать и по достоинству ценить простую красоту, которая повсюду вокруг нас и являет себя в таких простых вещах, как яркое зарево заката или сказочный иней на ветках морозным январским утром.

Однако от жалости к душевнобольному человеку и заочного сострадания к нему до осмысленного и конструктивного общения с ним – дистанция огромного размера. Джонни остро почувствовал это, когда Леночка сама позвонила ему на следующий день.

Как бы неприятно ни было ему признаваться в этом, так уж сложилось, что Леночка во многих отношениях доминировала в разговорах с ним. Складывалось впечатление, что у неё были изумительные,

несоизмеримо более развитые навыки общения, и потому если она этого хотела, их разговор лился ровным, естественным потоком. А если нет... Разговор бго числа начался с того, что Леночка поделилась тем, что её бывший, дескать, соизволил с ней поговорить. (Джонни прекрасно понимал, что Леночка лжёт, и что на самом деле у неё числа 4-го была самая что ни на есть интимная встреча с её бывшим. В противном случае у неё не было бы проблемы с тем, чтобы ответить на звонок 4 числа.) С её слов, теперь бывший открыто отрицал, что она его любит. И утверждал, что она любит на самом деле не его, а своё чувство к нему. По сути дела, это было политически корректной констатацией того факта, что получить его в своё распоряжение было для неё куда важнее, чем он сам.

Зато Леночка отлично знала, на ком она может безнаказанно сорвать свой негатив по поводу облома с бывшим. Джонни уже давно был в курсе её практически полной неспособности переносить фрустрации. Даже после незначительного разочарования с её языка начинал обильно сочиться яд злобы, которым она была готова травить каждого из тех, кто по тем или иным причинам не мог ей ответить. Свою садистскую психическую атаку против Джонни она построила таким образом. Как только он пытался начать ей что-то рассказывать, она заявляла, что это она уже слышала. Или что это ей неинтересно. Или ещё как-то давила на корню его попытки о чём-то с ней поговорить. В результате не готовый к такому повороту разговора Джонни терялся и начинал что-то бессвязно бормотать, обильно разбавляя вынужденную скудость содержательных слов морем всяческих «ну», «вот», «так сказать» и т.д. На что Леночка призывала его не говорить лишних слов и вообще следить за речью. Однако в сложившейся ситуации такая критика повергала его просто в ступор, из которого Леночка якобы пыталась его вывести замечаниями: «не молчи», «говори уже что-нибудь, раз позвонил» и т.д. В каждой из таких ситуаций, повторявшихся несколько раз 6-8 января, Джонни оказывался всё более подавленным и растерянным. Потом он неизменно делал робкие попытки завершить мучительный для него разговор, однако прежде чем разрешить ему это сделать, Леночка неоднократно останавливала его словами: «Ты куда? Не уходи, поговори со мной». Складывалось уверенное впечатление, что Леночке нравилось терзать его таким образом.

В ночь на 9 января Джонни спал плохо, мучительно пытаясь придумать, как ему следующий раз строить разговор с Леночкой. Не в силах больше терпеть, он был настроен идти на открытую конфронтацию с ней. Поэтому когда Леночка позвонила ближе к вечеру, Джонни уже собрался заявить ей что-то вроде: «если хочешь, разговаривай со своим бывшим в таком тоне. И посмотрим, куда он тебя пошлёт. Ах, да, кажется, уже послал». И он, набрав её номер, уже собрался ей сказать приготовленные заранее нелцеприятные фразы. Но Леночка совершенно неожиданно для него сменила в тот день свою тактику. Она начала с рассказа о том, как она встретила с Юлей («девочкой»). И девочка поведала ей о том, что её (т.е. Леночкин) бывший в скором времени собирается жениться на той самой женщине, которую так любил, и ради воссоединения с которой оставил Леночку. Затем, словно стараясь чем-то помочь Леночке, Юля выдала ей целый список сайтов знакомств, на которых Леночка должна была вывесить свою анкету. При упоминании сайтов знакомств, Джонни просто похолодел внутри. Ведь если она там себе кого-нибудь найдёт, то всякие контакты между ними прекратятся, и ему придётся про неё забыть. И от этой мысли ему было просто не по себе. Однако тут же он подумал о том, что, какой бы она ни была, нужно смотреть на это не со своей колокольни, а чтобы ей было хорошо, чтобы она была счастлива. И если ему не удаётся найти с ней нормальный человеческий контакт – да и как может быть нормальный контакт у двух ненормальных людей – может, ей удастся найти такой контакт с кем-то ещё. Однако тотчас же ему вспомнилось о том, что если даже её бывший, любовь к которому она так настойчиво декларировала, не верил в её чувство, не доверял ей, угрожал, предлагал найти себе кого-нибудь моложе и т.д., что уж говорить о других, которые будут менее желанны для неё? Нет, здесь всё отнюдь не так просто! И он уж точно не хотел быть для неё тыловой базой, которая будет поддерживать его всякий раз, когда очередной хахаль, почуяв, что с ней что-то явно неладно, будет её посылать. Все эти мысли неслись бешеной чередой в голове у Джонни, пока Леночка говорила ему, что не хочет размещаться ни на каком сайте знакомств.

Не успел он порадоваться этому разумному её решению, как Леночка просто ошарашила его своим вопросом: когда мы с тобой поедим тебе новый диван покупать? Джонни недоумевал: положим, он сам понимает, что ему нужен новый диван. Но неужели Леночка поднимет свою задницу, чтобы ехать с ним за диваном, на котором она сама не собирается спать? Что вообще такое с ней сейчас творится? Что всё это значит? Он мучительно думал об этом и не находил ответов.

Ситуация начала немного проясняться через пару дней в аське, когда Леночка уже вышла на работу после новогодних каникул. Она неожиданно начала назойливо жаловаться, что у неё болит «живот внизу». На основании её словесного описания Джонни пришёл к выводу, что это «не пищеварительный тракт, а другое».

Потом Леночка вдруг резко сменила курс и призналась ему, что она ему соврала. Однако, когда Джонни начал допытываться, в чём она соврала, она принялась ему писать, что не может об этом говорить, что пусть лучше она будет плохо спать и её будет мучить совесть, чем она ему скажет. А в ответ на настойчивые расспросы со стороны Джонни Леночка заявила, что если она ему скажет, то это его обидит. И даже если он не покажет виду, что это его обидело, то всё равно будет обижен внутри. А она не хочет его обижать, потому что он хороший.

Наконец, после неоднократных уверений со стороны Джонни, что он обидится ещё больше, если она ему не скажет, Леночка поставила вопрос таким образом: «хорошо, я тебе скажу. Но пообещай мне, что

ты меня простишь». Манипулятивный характер такой постановки вопроса был совершенно очевиден. Джонни должен был либо фактически одобрить, или, по крайней мере, признать правомерность её неблагоприятного поведения, либо остаться в неведении, что для него в данной ситуации было практически невыносимо. Леночка понимала это и пользовалась.

Впоследствии, когда ему в значительной открылось понимание структуры Леночкиной личности, Джонни осознал, что для того чтобы не быть униженным в такой ситуации, ему следовало бы занять жёсткую позицию. Мол, не хочешь – не говори. Но он не мог тогда этого сделать в силу душевной мягкости, доброты и в чём-то нетерпеливости, на которые Леночка, как и многие другие манипуляторы, мужчины и женщины, смотрела, как на слабость, и безжалостно использовала.

Получив соответствующие уверения со стороны Джонни, Леночка призналась в том, о чём он фактически уже догадывался, однако без её участия не имел возможности никак подтвердить или опровергнуть: «4 числа ко мне приезжал бывший. Мы трахались». Затем она поведала ему, что с тех пор у неё болит внизу живота. По её словам, вскоре после того, как она спала со своим бывшим, у неё примерно на 4 дня раньше срока начались месячные, которые протекали как-то странно. И теперь она опасается того, что может быть беременна. Потом она добавила, что тогда ещё не знала, что её бывший собирается жениться, и, видимо решил напоследок хорошо провести время с ней. «Теперь я чувствую себя не просто как дырка для него, но ещё и дырка с проблемами», - заключила Леночка.

Джонни написал ей, что если она опасается насчёт возможной беременности – пусть сдаст анализ на HCG, который покажет наверняка, беременна она на самом деле или нет. Однако Леночка хотела немедленно получить от него ответ на вопрос, что ей делать, если выяснится, что она всё же беременна: делать аборт или оставлять ребёнка? Джонни вначале робко попытался заявить ей, чтобы она решала этот вопрос с тем мужиком, от которого она залетела. Это представлялось ему разумным и справедливым, учитывая тот факт, что сам Джонни не имел, да и не мог иметь никакого отношения к процессу зачатия. Однако Леночка на это заявила ему, что это не тот ответ, на который она надеялась, и даже в смс чувствовался тон человека, обиженного до глубины души.

Теперь Джонни хорошо понимал, почему Леночка проявила столь активную заинтересованность в том, чтобы он купил себе новый диван. Было ясно, что её мама не то чтобы выставит её из дома, но заниматься её ребёнком особо не станет. Потому что даже будучи закалённой процессом воспитания и выращивания такой дочери, она может не найти в себе моральных и физических сил заниматься ещё и тем существом, которое из этой самой дочери вылезет. Тем более, каково им придётся втроём в однокомнатной квартире!

Таким образом, Леночка предлагала Джонни, у которого не было и не могло быть собственных детей по причине отсутствия женщины, уникальный шанс заняться воспитанием личности «с нуля», а также прочими родительскими хлопотами. Сама же Леночка могла организовать всё таким образом, чтобы лишь время от времени под настроение играть со своим ребёнком, как куклой. С другой стороны, в случае появления этого ребёнка на свет перед ней открывалась потрясающая перспектива манипулировать своим бывшим. В самом деле, этот мужчина средних лет, всегда стремившийся иметь семью и детей, не мог быть уверен, что долгие годы безответно любимая им женщина, на которой он собирался в итоге жениться, рано или поздно родит ему наследников. А здесь он знал бы, что где-то есть маленькая частичка его самого, благополучие которой зависит от того, насколько хорошо он позаботится о её матери.

Для Джонни же ситуация оборачивалась таким образом, что если он отказывался принимать участие в этом проекте и поселить беременную Леночку у себя, то фактически на него ложился груз ответственности за убийство ребёнка в утробе матери. «Ведь ты же понимаешь, что я не смогу поднять ребёнка одна, без помощи мужчины». Бывший же, с её слов, говорил о том, что, «будучи женат на другой женщине, я не смогу стать хорошим отцом *твоему* ребёнку».

Таким образом, он оказывался перед очень непростой дилеммой. Разрешить её помогло ему следующее обстоятельство. Леночка, которая на уроках биологии в школе (из которой её, кстати, как потом выяснилось, в итоге выгнали), видимо, больше интересовалась манипулированием мальчиками, нежели фактическими знаниями, не понимала одной просто вещи. А именно, что если после злополучного полового акта у неё действительно были полноценные месячные, то вряд ли она могла быть беременна. Ведь чудес на свете не бывает! Если, конечно же, она ему не соврала. А если соврала, то пусть пеняет на себя!

Под влиянием этих соображений, Джонни принял решение, о котором сообщил Леночке. Хотя оно, по сути, представляло именно тот ответ, на который она надеялась, она неожиданно повела себя так, словно не верила в это. «Да ладно тебе! Кто пустит к себе женщину с ребёнком от другого мужика?.. Ты уверен, что потом не выгонишь меня? Не скажешь, чтобы я уходила? Ведь куда я тогда пойду?»

В ответ Джонни поспешил заверить её, что не выгонит. Однако он, в свою очередь, выразил надежду, что она не станет использовать свою беременность как инструмент в своих играх с бывшим. На это Леночка сразу же поспешила его заверить, что «если когда-либо я приду к тебе с животом от другого мужика и ты меняпустишь, то никаких продолжений с ним у меня уже не будет, я тебе могу обещать». Она мотивировала это тем, что беременной женщине уже не до секса. Естественно, Джонни было очень неприятно, что она поселится у него, если вообще поселится, лишь тогда, когда ей станет не до секса. Однако больше всего, пожалуй, его поразило следующее. Леночка неоднократно повторяла, словно заклинание, что хочет быть уверенной в том, что он ни при каких обстоятельствах её не выставит. Такая

постановка вопроса невольно наводило на мысль, что она не сможет не создать ему такие неблагоприятные обстоятельства. Но каким образом?

Джонни давно уже заметил, что даже незначительные негативные моменты в её жизни провоцируют её на проявление агрессии. Беременность же, как напряжённое физиологическое состояние организма в целом, должна была стать обильным источником таких негативных моментов. Соответственно, ей нужно было бы постоянно разряжаться, направляя агрессию на подходящую жертву. Очевидно, развернуть свою агрессию против бывшего она не могла. Так как в случае чего он просто заносил её в чёрный список на своём телефоне. Таким образом, фактически Леночка при этом наказывала только саму себя. Зато Джонни в этом плане замечательно подходил на роль жертвы. Он сразу тушевался, извинялся, начинал оправдываться. Одним словом, чувствовал себя некомфортно. И Леночка использовала это обстоятельство по полной программе, дабы разряжать на нём свои фрустрации.

Показательно, что когда Джонни в те дни спросил у Леночки «когда же я снова тебя увижу?», она ответила ему: «Ничего, вот подожди, я перееду к тебе – ещё успею глаза тебе намозолить!»

Свой характер Леночка пару раз проявила, когда они встретились 15 января, чтобы ехать за диваном. В тот день они встретились у Леночкиной станции метро с тем, чтобы ехать на автобусе в очень популярный в народе магазин скандинавской мебели «ИКЕА», где можно за сравнительно небольшие деньги приобрести комфортную и довольно качественную мебель. Однако когда они встретились, Леночка неожиданно заявила, что у них тут рядом с метро есть магазин «краски диванов» или что-то в этом роде, и предложила зайти туда, т.к. ей лень ехать в ИКЕЮ. Джонни вначале хотел возразить, однако потом подумал что он, скорее всего, умрёт лёжа на этом диване, а потому не стоит ради такого редкого, можно сказать, уникального события в его оставшейся жизни ещё куда-то ехать, дабы сэкономить 2-3 тысячи рублей. Тем более что ожидание автобуса и долгий выбор подходящего дивана в огромном магазине имели все шансы разозлить Леночку, которая опять-таки обратила бы свою агрессию против него.

Зайдя в магазин «Краски диванов», Леночка подошла к первому попавшемуся дивану, легла на спину, широко расставив ноги, и принялась прыгать. Джонни почему-то нашёл это действие весьма эротичным. Оно напоминало ему сцену из забавного порнофильма, разве что без второго участника акта, и ему нравились те ощущения, которые он испытывал, когда мысленно представлял себя этим самым вторым участником. Однако тут Джонни вдруг вспомнил высказанную Леночкой пару дней назад идею о том, что им сейчас надо трахаться как кроликам, чтобы спровоцировать у неё выкидыш. Видимо, она боялась оперативного вмешательства по поводу прерывания беременности и хотела, чтобы её проблема устранилась сама собой. При этой мысли ему почему-то стало нестерпимо морально тошно. Он утвердительно промычал в ответ на вопрос Леночки о покупке именно этого дивана, сообщил свой адрес продавцу, расплатился и вышел из магазина.

Поскольку диван им удалось купить значительно быстрее, чем они рассчитывали, было решено в тот же день поехать за обоями. Однако в пути пришлось несколько минут подождать троллейбуса. И вдруг Леночку как понесло... Хотя на улице была оттепель, а она была одета в пуховик, в котором ездила на работу в значительно более морозную погоду, она стала повторять, что ей холодно. Что она по вине Джонни непременно простудится, заболеет, ей не будут оплачивать больничный, и что он ей будет компенсировать потерянную зарплату. Она распалаясь всё больше, ругаясь матом через каждое слово и обвиняя Джонни во всём, чём только можно. Однако, получив со стороны Джонни уверения в том, что он даст ей денег, если ей действительно не оплатят больничный, она практически мгновенно успокоилась и словно забыла о том, как только что, по её же словам, ей было невыносимо холодно. Джонни же цинично думал про себя, что Леночка согрелась психической атакой против него.

После покупки выбранных Леночкой обоев, Джонни неожиданно осознал, какую ошибку он совершил. Распаковав внешнюю упаковку и потянув носом воздух, он вдруг понял, что не сможет жить в комнате, обклеенной этими обоями из китайского ПВХ с ХЗ какими присадками. А потому на следующий день поехал с товарищем в большой магазин Оби, где был огромный выбор обоев, среди которых были в том числе и бумажные. Естественно, Леночка была очень недовольна. «Называется: послушай женщину и поступи по-своему. И зачем же тогда я, как дура, таскалась с тобой в магазин, покупали тебе обои? Выкинул 5 тысяч! Богатый? Лишние деньги у тебя? Поделись со мной, мне на жизнь не хватает!»

На следующий день, в понедельник 17 января, Леночка произвела на него впечатление тем, как можно эффективно повлиять на человека небрежно, вскользь оброненной фразой. Когда Джонни обмолвился о том, что хотел бы сменить набивший оскомину статус в аське «Здесь могла быть Ваша реклама» на что-нибудь более осмысленное, Леночка ответила, не задумываясь: «Напиши, что любишь меня». Таким образом, написав это наполовину в шутку, он, с одной стороны, должен был впоследствии отвечать за свои слова. С другой – он тем самым как бы говорил всем наиболее хорошо знакомым девушкам (они были у него среди контактов в аське) что он занят Леночкой. Независимо от того, нужен он ей на самом деле или нет.

А ещё через пару дней Леночка рассказала ему историю, которая его просто поразила. Поразила больше, чем всё, что он когда-либо узнал от неё за весь период их знакомства. Джонни и раньше ничего особо от Леночки не скрывал. Но в тот день Джонни особенно с ней разоткровенничался. Он рассказал ей про то, как когда-то в юности ему очень нравилась девушка по имени Оля. Как они с Олей дружили. (Однако самой Оле нравились мужчины с лучшим, скажем так, материальным положением и социальным

статусом, и у неё был выбор.) О том, как впоследствии Оля рисковала попасть в неприятную ситуацию, и он пытался ей помочь, предупредить, уберечь её, однако она его не послушала, и чем это всё закончилось. Когда Джонни закончил свой рассказ, Леночка вдруг сказала ему: «Я очень рада, что тогда с тобой познакомилась. Спасибо тебе». Джонни был очень удивлён таким приливом нежности... или он не знал даже, как это назвать, у Леночки, от которой обычно, словно от снежной королевы, веяло каким-то чарующим эмоциональным холодом. Потом они ещё немного переписывались о чисто бытовых моментах типа покупки дивана. И вдруг неожиданно Леночка написала: «Знаешь, я недавно... Ну как сказать недавно... Полгода назад обидела очень одного человека. Был мужчина, который за мной ухаживал. Недолго, он знал, что у нас ничего не будет, что мне нужен не он тогда был, но все же... Я тогда ему сильно грубила, хамила и т.д. Я, конечно, понимаю, что мне тогда тоже было плохо, но это меня не оправдывает». В ответ на вопрос Джонни, зачем она постоянно хамила тому мужчине, Леночка пояснила, что «он наседали тогда слишком сильно. Часто звонил. Мне не нравилось ничего и все бесило...». Таким образом, с одной стороны, рассказ Леночки довольно выпукло демонстрировал весьма неприятную сторону её характера. Несмотря на то, что ей, по её же словам, был нужен её бывший и больше никто, Леночка, тем не менее, познакомилась на сайте с этим мужчиной. И хотя мужчина ей явно не нравился, даже раздражал, она принимала его ухаживания. Таким образом, фактически используя человека, чтобы на нём паразитировать, она выражала ему свою «благодарность» тем, что хамила ему. При этом, очевидно, ей удалось добиться, чтобы мужчина тот сильно влюбился в неё. Потому что иначе как объяснить то, что он терпел такое обращение. Конечно, в конце концов, потеряв надежду на взаимность или просто сколько-нибудь человеческое обращение к себе, он просто прекратил с ней контакты. Однако «на новый год я его поздравила... Он ответил не сразу, а через несколько дней. Потом мы с ним немного переписывались, и все на этом. Сейчас раз в неделю смс: «Привет. Как дела?» А потом он мне прислал: «Спасибо за то, что поняла, что мне нужно: простое человеческое общение с тобой, и больше ничего...» Вероятно, Леночка исследовала вопрос, не соскучился ли по ней тот влюблённый молодой человек в достаточной степени, чтобы снова щедро оплачивать возможность «простого человеческого общения» с ней. Однако больше всего Джонни поразили в этой истории два момента:

- Леночке понадобились полгода и неприятные жизненные обстоятельства, чтобы понять, что она могла тогда сделать больно этому человеку. От этого у Джонни почему-то возникло сильное впечатление, что Леночка морально слепа, неспособна воспринимать боль и иные эмоциональные состояния другого человека. Что единственное доступное ей видение таких вещей носит отстранённый, чисто интеллектуальный характер. Однако настоящий смысл этого открылся ему лишь спустя полгода, придя к нему вместе с фундаментальным пониманием Леночкиной личности.

- Самой интригующей, пожалуй, загадкой для него стало то, зачем Леночка вообще рассказала ему про этого мужчину. Ведь она постоянно работала над тем, чтобы производить как можно более благоприятное впечатление на людей. В частности, на тех, кого она систематически пытается использовать. Так зачем же тогда она решила рассказать ему столь явно компрометирующий её материал? Этот вопрос на протяжении продолжительного времени оставался для Джонни загадкой, для которой он искал и не находил решения. И даже когда чуть более полугодом спустя он, наконец, начал понимать про Леночку самое главное, этот вопрос по-прежнему оставался неразрешённым. Только спустя полтора года ему удалось найти потрясающую разгадку, проливавшую свет на антисоциальное поведение многих людей. Тогда же ему стало ясно, почему Леночка, которой, по большому счёту, наплевать на благополучие других людей, сказала ему тогда про того мужчину: «И сразу стало так легко относительно него, просто потому что он на меня не обижается уже. Вот так».

Через пару дней, в воскресенье 23 числа, договорились встретиться у ст. м. «Профсоюзная», чтобы идти играть в настольный теннис. Из-за плохой дороги на Нахимовском проспекте Джонни угораздило прийти на 3-5 минут позже оговоренного времени, за что Леночка спустила на него целую свору собак. Джонни понимал, что чем больше он извиняется и оправдывается, тем больше Леночка на него наезжает, но не чувствовать себя виноватым и не оправдываться не мог. А ещё он понимал, насколько невыносимыми должны быть для Леночки эти несколько минут ожидания. Конечно же, он тогда ещё про неё не знал главного, однако интуитивно уже понимал, что коль скоро ей постоянно скучно, то эти несколько минут ей просто нечем занять свою голову. Просто в тот период он всё ещё наивно связывал это не с серьёзной патологией личности, а скорее с тем, что она блондинка, как в прямом, так и в переносном смысле слова. К огромному разочарованию Джонни, Леночка вскоре ещё раз обнаружила свою склонность к скуке, откровенно заявив после 20 минут игры, что ей надоело. Конечно, Джонни был вначале жутко раздосадован и вначале подумал: конечно! Не ты же платишь! Однако немного придержав нахлынувший внутри него поток негативных эмоций, он подумал, что надо отдать Леночке должное. Она не стала в этот раз врать, что у неё что-то болит или она устала, что она могла бы вполне успешно перед ним разыграть, учитывая её постоянные жалобы на здоровье в последние две недели. Тронутый этим обстоятельством, он накормил её в кафе и безропотно дал пару тысяч на карманные расходы.

Однако по приезде домой его ждал новый неприятный сюрприз. Леночка позвонила ему и пожаловалась... что скучает по бывшему. Джонни, конечно же, понял, что она скучала по бывшему и утром, но сказала только сейчас. Ведь если бы она сделала это раньше, это огорчило бы Джонни, и ему было бы неприятно давать ей деньги, когда внутри у него была бы циничная мысль: «у своего бывшего возьми. Тебе

же он нужен, не я, правильно?» Но самое неприятное для Джонни состояло даже не в том, что Леночка, не гнушаясь стрелять деньги у него, словно он её парень, продолжала думать о своём бывшем. Он вдруг остро почувствовал, что Леночка совершенно не способна делать конструктивные выводы из своего же собственного негативного опыта и учиться на собственных ошибках. А потому, если он собирался и дальше общаться с ней, ему нужно было готовиться к тому, что она так и будет раз за разом вляпываться в глубокое дерьмо со своими любовниками, этим или кем-то ещё, а потом снова и снова возвращаться к своему другу Джонни плакаться и просить денег. Негативно настроенный такими мыслями, Джонни настроился высказать Леночке всё, что он думает по этому поводу. Словно стремясь ей отомстить за свою обиду, он в этот раз заявил ей прямо, без обиняков: «Это не любовь. И твой бывший даже сам уже это понял. На что же ты тогда рассчитываешь?» Естественно, Леночка принялась с пафосом (который, правда, Джонни почему-то нашёл несколько наигранным) говорить ему о том, как она любит своего бывшего. На что Джонни выразил заранее продуманное недоумение относительно того, почему тогда она ничего практически не знает о своём любимом, даже не интересуется, что он за человек. «Неужели ты никогда не интересовалась? И он никогда тебе не рассказывал о себе?» В ответ Леночка уже собиралась было снова включить заезженную пластинку, что ей абсолютно нет дела до того, что за человек её бывший. Что ей не интересно это выяснять. Что она просто давно поняла, что это её человек, что он ей нужен, и всё тут, и что она теперь не успокоится, пока не получит его обратно. Но вдруг, словно припомнив что-то, Леночка резко сменила курс. Она ответила, что вспомнила, как бывший ей как-то рассказывал, что у него было десять автомобилей, и какие, рассказывал ей, как покупал каждый из них и т.д. Джонни открыл было рот, чтобы пояснить, что это не совсем тот рассказ, или даже скорее совсем не тот, что он ожидал услышать, однако неожиданно замолк. Он осознал, что сказанное Леночкой фактически содержит уже исчерпывающий ответ на вопрос в том смысле, что дальше с ней говорить об этом уже не актуально. И что теперь он значительно лучше понимал, почему Леночкин бывший, с её слов, последнее время отвечал на её признания в любви вопросом: а ты уверена?

Они говорили по телефону почти два часа. Всё это время Джонни объяснял Леночке свою позицию. Наверное, под влиянием того, как Леночка описывала свои страдания, он почему-то уже не думал, что она совершенно не способна любить. У неё просто другая любовь. Любовь собственническая, эгоцентрическая и даже независимо от этих двух пунктов какая-то эмоционально ущербная. С другой же стороны, сам он не очень хотел играть в этой истории отведённую ему унизительную и глупую роль. И потому говорил ей: «Хочешь бороться за него? Продолжай! Борись! Только имей в виду, что когда он снова тебе не будет отвечать, а у тебя что-то будет болеть, ещё какие-то проблемы, меня рядом уже не будет! С меня хватит!»

К его огромному удивлению, она уже почти не пыталась спорить, а в основном задавала вопросы. А на следующий день стала просить его сочинить от письмо её бывшему. В этот раз Джонни нашёл очень показательным, что когда он написал от её имени «я буду ждать тебя всегда», та холодно пояснила, что «ну нет, всегда это слишком».

Потом Леночка сменила тему разговора, точнее, переписки в аське, и такую смену темы Джонни нашёл очень показательной. Леночка спросила у него, есть ли у него мечта. «А у меня есть. И она материальна». После чего принялась рассказывать, как она хочет жить в центре, где-нибудь на Пречистенке. После чего они вместе помечтали о том, чтобы Джонни купил там квартиру, и они вместе там жили. Прикинули, что это может случиться что-нибудь через два года. Однако ближе к вечеру у Джонни словно наступило отрезвление. Он подсчитал свои скудные финансы, после чего позвонил Леночке и сообщил ей чтобы она не обольщалась насчёт покупки им квартиры в центре даже через два года. Это вызвало у Леночки приступ ярости. Джонни чувствовал себя при этом просто ужасно, словно человек, отнявший у капризного ребёнка сказку. Пожалуй, единственным положительным эффектом обсуждения с Леночкой квартирного вопроса стало то, что, пока будучи не в силах разгадать загадку её личности, он стал более уверенно понимать её мотивы. В частности, ему стало ясно, что вместе с надеждой заполучить обратно её бывшего, от неё уходила мечта об уютной квартире в центре, и теперь ей нужен был другой потенциальный источник реализации её мечты.

А пока она искала такой источник, её постоянно скучающая натура решила развлечь себя покраской волос. Леночка рассказала, что зашла в центре в парикмахерский салон, названный в честь французского импрессиониста, где ей сказали, по её словам, что это стоит десять тысяч. А у неё, мол, зарплата всего двадцать две тысячи. И что же делать? Джонни понял тонкий намёк, и сразу спросил прямо: ты хочешь, чтобы я тебе дал денег покрасить волосы? Ты уверена, что это стоит целых десять тысяч? Леночка, очевидно, готовая к такому вопросу, принялась ему расписывать, что на неё волосы нужно аж четыре тюбика с краской, дабы покрасить разными оттенками разные участки и т.д. Потом она добавила, что можно и в обычной парикмахерской за четыре тысячи, но это может получиться так, как в апреле прошлого года. (Тогда, в апреле 2010 года, она написала ему смс о том, как она ходила краситься, и что из этого вышло: корни одного цвета, основная масса волос другого, кончики третьего.) Потом ещё она рассказывала ему о том, как начинала реветь каждый раз, когда видела себя такой в зеркале. Наконец, Леночка уточнила, что окрашивание волос стоит на самом деле не десять тысяч, а восемь девятьсот. «Но ты же не будешь жмотничать и дашь мне ещё тысячу на текущие расходы, верно? А если ты мне не доверяешь или тебе для меня жалко денег, то можешь вообще ничего не давать», - прибавила Леночка. Джонни решил, что не хочет, чтобы Леночка опять ревела, а потому он даст ей денег. Но главное – он даст ей возможность почувствовать,

что есть люди, которые помогут всегда. Люди, которые не спросят: а что я получу взамен? И потому он поможет Леночке в её стремлении больше не быть блондинкой.

Где-то в глубине души он прекрасно понимал, что по большому счёту всё, для чего он ей теперь нужен – это чтобы развести его на деньги. И кто знает, сколько раз она ещё будет с ним так поступать. Наверное, до тех пор, пока он сам не найдёт в себе силы решительно раз и навсегда положить этому предел. Но тогда – и он это также прекрасно понимал – он больше никогда-никогда её не увидит. Но он также прекрасно понимал и то, что сейчас он не может не дать ей шанс не только стать брюнеткой, но и почувствовать доброе, душевное отношение к себе. Даже если оно заключалось в том, что он потакал её капризу, если она считала этот каприз таким важным для себя, словно видела в нём начало какой-то новой жизни. И что значили эти десять тысяч? Ведь он отдал гораздо больше гастарбайтерше за поклейку обоев! А она, кстати, как он с горечью заметил, получала гораздо больше него денег!

Когда Джонни через пару дней после отдачи денег на покраску волос встретился с Леночкой в ресторане, он тайл надежду, что, не будучи теперь блондинкой, она не будет уже казаться ему такой привлекательной как девушка, а потому с ней будет проще. Однако этому не суждено было оправдаться. Он снова почувствовал, как его снова тянет к ней какой-то необъяснимой силой. Как ему хочется быть рядом с ней каждую минуту его жизни. А за неимением такой возможности он хочет использовать каждую возможность, чтобы снова увидеть её, услышать её голос. Казалось бы, это было очень странно: ведь их миры были совершенно разными. Однако её мир представлял для него пусть временами зловещую, но всё равно чарующую загадку, которую он хотел разгадать во что бы то ни стало.

А ещё, в те дни Леночка применила к нему запрещённый приём. Ни с того, ни с сего она стала ласково называть его «Муся». «Просто мне так захотелось тебя назвать», - пояснила она. Казалось бы, он должен был бы счесть такое обращение просто глупостью. И, тем не менее, он был им тронут до глубины души.

Ещё через неделю, в воскресенье 6 февраля, Леночка приехала к нему домой посмотреть, как поклеили обои. Казалось бы, ничего особенного: где-то в течении получаса Леночка просто лежала у него на выбранном ею же, недавно купленном диване, и они просто держались за руки всё это время, не отпуская друг друга. Но Джонни это очень понравилось. Как понравилось ему и то, что Леночка не стала сильно ругаться по поводу того, как поклеены эти бумажные обои и как вообще они выглядят. Словно пытаясь успокоить саму себя, она заметила: «ведь это же только на пару лет? А потом мы с тобой вместе переедем жить в центр, да?».

А на следующий день, словно вдохновлённый воскресным визитом Леночки, Джонни пошёл оформлять загранпаспорт. Толчком к тому для него послужило заявление Леночки о том, что она хочет, чтобы они вместе слетали куда-нибудь за границу в тёплые края. А Джонни был так воодушевлён её предложением, что начал морально готовиться прятать свою аэрофобию куда подальше. И начал заниматься документами. Однако в первый же день его ждало разочарование. Оказалось, что ему предстоит менять общегражданский паспорт, в который по пути в Крым ему поставили штамп украинские пограничники. Увы, как он сам с горечью сознавал, немного придя в себя, реакция Леночки на возникшую ситуацию была куда более достойной. Столкнувшись с таким обломом, Джонни сразу запаниковал и написал Леночке смс: мне отказались давать паспорт. Леночка тут же начала звонить ему. Он был в метро и не отвечал. Леночка стала слать рассерженные смс: «Муся, ответь на звонок, можно и в метро говорить, не буди во мне зверя!» Когда Джонни пришёл домой, в почтовом ящике его ждало письмо от Леночки, где были хладнокровно изложены возможные причины отказа в выдаче загранпаспорта. Сюда относились уголовное преследование с подпиской о невыезде, непосредственное отношение к государственной тайне и т.д. Ни один из этих вариантов явно не был его случаем. Хотя, казалось бы, Джонни всё это знал и без неё, прочитав её письмо, он успокоился, хотя ему и стало стыдно, что он так запаниковал и стал сразу ей писать сообщение в драматическом стиле.

Продолжение паспортной истории на следующий день было, пожалуй, ещё более показательным. Сфотографировавшись и отсидев первую половину дня в очереди у паспортного стола ОФМС, Джонни благополучно сдал документы на общегражданский паспорт и пошёл домой. Однако стоило ему вернуться домой, как Леночка позвала его срочно занимать очередь на подачу документов в её паспортном столе в Коньково. Мол, чтобы она могла приехать туда после работы и сдать документы. Некоторое время препирались о том, успеет ли Джонни поесть дома перед выходом. Он был очень голоден после хождения по инстанциям и сидения в очередях. Леночка же опасалась, что они тогда не успеют. Джонни поел и поехал занимать очередь. Прибыв на место, Джонни сразу же испытал нехорошее предчувствие, что они не достоятся. Оно оправдалось. Леночка, которая после приезда с работы тщетно просидела с ним час в очереди, была настолько злой и расстроенной, что даже не хотела с ним разговаривать. Даже несмотря на тот факт, что она-то отсидела час, а он ради неё приехал и отсидел почти четыре. Однако уже по пути к дому Джонни получил от Леночки смс: «Ладно, всё равно тебе спасибо что приехал и сидел». С одной стороны, Джонни, конечно же, был тронут тем, что Леночка хоть немного одумалась. С другой стороны, его не покидало ощущение, что она *не чувствует* какой-то душевной признательности, что ли, человеку, который ради неё был готов сидеть полдня в очереди. Она лишь знает некие социальные правила, согласно которым она должна поблагодарить человека, поступившего таким образом.

Леночка знала, несомненно, и другие правила, используя их для собственной выгоды и удобства. Так, она догадывалась, что теперь, когда она стреляла и планировала дальше стрелять у Джонни осязаемые средства, ей не нужно перед ним афишировать те игры, которые она по-прежнему продолжала со своим бывшим. И на помощь в этом сокрытии ей, как всегда, приходила ложь.

Так, она рассказала Джонни следующее: «Знаешь, я тут кое-что нашла, точнее мне это переслали и попросили мнения, своё я написала и отправила, а вот теперь прошу у тебя. Текст письма ниже. Очень интересно, что ты об этом думаешь». Далее шло что-то вроде письма, в котором было написано следующее: «Ты правильно делаешь, что не хочешь больше встречаться со мной. Зачем разбивать семью и нарушать отлаженную жизнь? ...я не очень хорошо веду хозяйство и не могу так хорошо ухаживать за тобой, как твоя жена. А хорошие интимные отношения не самое главное в жизни. Без этого можно обойтись. А помощницу в делах ты сможешь себе найти.

Пишу это не для того, чтобы ты вернулся, а для того, чтобы поблагодарить за счастье, которое ты мне дал, и попросить прощения, что не смогла ответить тем же. Теперь я понимаю, как тебе было тяжело со мной. Теперь я понимаю, что ты меня не любил, а просто жалел. Не любить — и так хорошо относиться! Большое тебе спасибо.

Говорят, что время лечит, хотя пока мне в это трудно поверить. Но ты обо мне не волнуйся. Я постараюсь успокоиться и жить счастливой жизнью, если, конечно, это возможно.

Но одна просьба у меня к тебе есть. Скажи мне, какие качества мне необходимо приобрести, а от каких избавиться для того, чтобы понравиться такому мужчине, как ты, и удержать его. Я понимаю, что такого, как ты, уже не встречу, но если попадетсЯ хоть немного похожий на тебя, я уже не упущу своего шанса. Желаю тебе счастья».

Джонни моментально идентифицировал, что это письмо она выдрала из книжки, написанной гуру поп-психологии и содержащей массу рецептов для профессиональных любовниц и содержанок. Очевидно, она собиралась, теперь уже без творческой помощи со стороны Джонни, снова писать письмо своему бывшему, но на сей счёт передрав такое послание из книжки. Джонни посчитал эту затею настолько глупой, что ему даже стало немного жаль Леночку. Но сформулировать ей свои соображения он не мог, т.к. это потребовало бы с её стороны признания в своей лжи, что было нереально.

Однажды Леночка просто его шокировала – настолько глупой и в то же время мрачной показалась ему её затея. Он уже привык к постоянным жалобам Леночки на то, что она никак не может забыть своего бывшего. Она говорила ему, что хочет попробовать какие-нибудь наркотические средства или гипноз, чтобы у неё полностью стёрлась память о прошлом. А один раз она сказала, что в минуты отчаяния даже хотела под машину броситься. Но не убить себя, а чтобы у неё в результате сотрясения мозга наступила ретроградная амнезия и она вообще не помнила, что тот мужчина был в её жизни. По её словам, единственное, что её удерживало от такого шага – это страх повредить себе лицо. Джонни был просто в шоке! Конечно же, он прекрасно понимал, что реально она не пошла бы на это. И всё же, даже сама её мысль об этом до глубины души потрясла его своей глупостью и безрассудством. В самом деле, если бы она действительно решилась реализовать нечто подобное, скорее всего она бы либо погибла мгновенно, либо стала инвалидом, превратив остаток жизни в кошмар не только для себя, но и для своей многострадальной мамы. Ему всё это напоминало истории про блондинок, для которых лицо ценнее мозга, только почему-то было не смешно.

Джонни расстроился, когда Леночка заявила ему, что в выходные они не увидятся. Мол, ты же понимаешь, что я не обязана встречаться с тобой каждую неделю. Однако делать было нечего, и в субботу он ездил покупать новый стол, а в воскресенье поехал по делам на Коломенскую. Обычно, считая себя человеком с научным стилем познания, он не верил в случайные совпадения и маловероятные события. Тем не менее, по дороге туда ему позвонила Даша, живущая примерно в тех краях, и плачущим голосом стала рассказывать, как она напоила свой ноутбук чаем. Джонни сказал, что перезвонит, как выйдет на поверхность. И как только закончил свои дела с поставщиком на Коломенской, сразу же набрал её номер, сказал что поможет и отправился к Даше. По пути ему позвонила Леночка и спросила, чем он занят. Не настроенный врать и скрывать правду в подобных ситуациях, Джонни сказал правду: он едет помогать Даше. Как он и ожидал, Леночке это явно не понравилось. Хотя, казалось бы, она должна была прекрасно понимать, что Джонни не будет тратить на Дашу деньги, а потому его визит никак не затронет Леночкины интересы. А её заявление, что она ревнует, показалось ему ничем иным, как наглой попыткой им манипулировать.

Следующая неделя порадовала его непривычными, томящими ощущениями. Всё началось с того, что Леночка начала ему капризничать по аське: «Муся, ну я хочу...» В результате их переписка быстро свелась к тому, что Джонни стал ей писать, как он её раздевает и что следовало за этим. Он ещё обратил внимание, что Леночке, по её словам, нравится, когда с неё срывают одежду, а не медленно стаскивают. Затем вечером они ещё раз повторили словесный интим, но на сей раз уже по телефону. Джонни понравилась сама идея, однако потом он всё же набрался смелости спросить у Леночки, когда же они с ней займутся этим в реальной жизни? На что та ответила, что ей самой уже не терпится начать с ним «тренироваться», однако ей нужно время, чтобы на это решиться. В пятницу вечером они пошли в кино. Началась их встреча, правда, с негативного момента, в очередной раз убедившего Джонни, что Леночке не угодишь. Или, по крайней мере, для этого надо действовать как-то иначе, более жёстко и решительно, нежели это делает он. Джонни сказал, что для того чтобы успеть прийти в кино к назначенному Леночкой

времени, ему нужно выходить из дома. Но Леночка не отпускала его из аськи, снова затеяв виртуальное раздевание и т.д. А учитывая, что вечер пятницы зимой – время особенных пробок, Джонни опоздал минут на 20, чем сильно разозлил Леночку. Правда, на его удивление, она быстро оттаяла и сказала, что простит его, т.к. на фильм они всё равно успевают.

На протяжении всего фильма мужик – главный герой пытался выбраться из расщелины между двумя скалами, в которой он застрял. Кульминация наступила в самом конце картины, когда Джонни обратил внимание на то, что представлялось ему очень показательным и говорящим очень многое о Леночке, хотя всей глубины и значения этого феномена он пока и не понимал. Герой фильма, наконец, высвободился и тем спас себе жизнь, однако для этого ему пришлось отрезать себе руку. Невротик Джонни не мог смотреть в кино такие сцены, а потому вынужден был отвернуться, внимательно следя за тем, как воспринимала кошмарную сцену Леночка. Она же совершенно хладнокровно, без особых эмоций, наблюдала за процессом отрезания человеком его руки так, словно кто-то рубил засохшую ветку. Глядя на всё это, Леночка не только не поморщилась, но и вообще не выразила на своём лице никаких особых чувств по этому поводу.

И если бы Джонни тогда дал себе труд задуматься и осмыслить этот факт, возможно, он понял бы нечто очень важное относительно Леночки, то, чему было суждено прийти к нему значительно позже. Однако во время того сеанса, даже несмотря на отсутствие особого интереса к фильму, ему было трудно сосредоточиться на каких-либо содержательных мыслях. Дело в том, что Леночка не случайно выбрала им места в середине последнего ряда, который кассирша кинотеатра почему-то называла диваном. На протяжении большей части фильма она сжимала его руку у себя между ногами. И пока герой фильма пытался вылезти из каменной западни, Джонни, прижимая ладошку к внутренней стороне Леночкиного бедра, предавался мечтам о том, как бы ему влезть... Нет, не рукой... Он пытался гнать от себя эти мысли. Однако они снова и снова накатывались на него сладострастными волнами. Наконец, он прекратил с ними бороться, отдавая своё сознание во власть страстных грёз.

Через день, в воскресенье, они снова пошли в кино, на сей раз по Леночкиной инициативе. Она сказала, что очень хочет показать ему фильм «Чёрный Лебедь» про двух балерин, хотя уже и смотрела его с Веркой. На этот раз во время сеанса они просто держались за руки, и Джонни мог лучше сосредоточиться на том, что происходило на экране. Однако когда под занавес фильма трагически и кроваво погибала героиня, Джонни не мог не поглядывать украдкой на Леночку. По её хладнокровному взгляду в этот раз он отчётливо понял, что она не сопереживает героине. Либо очень тщательно это скрывает, стараясь не показаться слишком сентиментальной. Однако Джонни просто не верил в реальность последнего варианта.

21 февраля Леночка произвела на него впечатление своей ложью. Утром она написала ему в аську: Муся, я такая идиотка у тебя!» (На самом деле она написала через «е», что ему почему-то показалось очаровательным и отчего ему почему-то ещё больше стало жалко Леночку. Джонни не мог этого объяснить, но в очередной раз вынужден был признаться себе в том, что ему в ней нравятся даже ошибки.) И рассказала следующее: «Мне ночью пришла смс-ка. Точнее, ммс: пройдите по ссылке. Ну я утром и прошла. 10 долларов на счету списали на какой-то сибирский банк! И теперь у меня на телефоне 50 центов». Разумеется, Джонни понял, что всё это было её враньё и развод по отношению к нему, но почему банк должен быть сибирским, он так и не понял. Видимо, просто это ей так в голову пришло. Так или иначе, он прекрасно понял её тонкий намёк, что надо ей денег на телефон положить. Вот только не понимал он, почему этот намёк должен был быть таким тонким и содержать в себе столько вранья, если она могла просто его попросить положить ей денег на телефон.

22 февраля выдалось особенно трогательным днём. Началось всё ещё утром, когда Леночка, только придя на работу, сразу же прислала ему вопрос: Муся, где фока тапок? Ему в ней нравилось даже то, что она постоянно пропускала буквы в своих письмах. Конечно, он уже давно привык к орфографическим ошибкам, но постоянный пропуск букв он считал особым, Леночкиным почерком, который он почему-то полюбил. За несколько дней до этого Леночка поинтересовалась, купил ли он халатик и тапочки. И когда Джонни ответил утвердительно, Леночка ответила: ой, какой ты молодец, Мусечка!

Следующим нежным моментом Джонни почему-то счёл то, что Леночка днём написала ему в аську о том, что у них временно все куда-то ушли. Мол, то ли пьют где-то, отмечая мужской праздник, то ли что-то ещё, и оставили её наедине с уборщицей, в результате чего Леночка не могла выйти в туалет по небольшой нужде. «Я в туалет хочу пипец!!! Я лопну ща!!!» Муся понимал, что Леночка это пишет ему по той простой причине, что она пьяная. И всё равно такая откровенность была ему приятна как некий, пусть весьма иллюзорный, символ чисто человеческой близости, доверительности между ними. Наконец, Леночка вышла из аськи, а Джонни вышел в магазин за продуктами. Когда он пришёл в магазин, раздался её звонок. Леночка сказала: готовься. Мы тут пьём всю, а меня пьяную мама домой не пустит, поэтому я приеду к тебе ночевать. Радостный Джонни помчался домой, где попытался прибраться, как мог, а потом ему позвонила Леночка, и он пошёл к метро её встречать. Подойдя к нему, Леночка его обняла, и так они вместе в обнимку пошли к нему домой.

По дороге они зашли в магазин, и она попросила его купить ей еды на вечер и на утро. Учитывая, что Леночка была пьяная, Джонни старался не спорить с ней по поводу выбора продуктов. Единственное, в чём он не сдержался, так это что выбранный ею хлеб содержал кучу ядохимикатов: улучшители, ароматизаторы и т.д. На что Леночка ответила, что зато этот хлеб уже нарезан. Мол, не будет же она сама

резать хлеб! В результате, Джонни не мог не сделать для себя некоторые выводы. И подумал о том, что живи она одна, без мамы, она угрозила бы себе здоровье одной такой едой. В этом ему виделся какой-то странный парадокс, нелогичность и непоследовательность с её стороны: с одной стороны, она хотела, чтобы вокруг неё прыгали, делая за неё всё то, что она не могла или не хотела делать сама. А с другой – она фактически не берегла самое ценное, что у неё есть, а именно – собственное здоровье и свою жизнь. Парадокс этот на самом деле разрешался очень просто. Кроме еды, секса и шоппинга у неё не было особых радостей в жизни. Не было сколько-нибудь содержательных интересов, наполнявших её жизнь смыслом. Но что касается секса, то даже она понимала, что при всём том удовольствии, что она могла получать от самого процесса, ни один из мужчин, с которым она хотела и могла этим заниматься, её по-настоящему не любил. И что бы они ей ни говорили, каждый из них не видел в ней не полноценную женщину, а всего лишь дырку для сексуального самоудовлетворения. Конечно, Джонни был уверен, что они не понимали, что именно с ней не так. В самом деле, если уж он сам этого не понимал!.. Но им было достаточно понимать, что у неё помимо лениво-паразитической беспомощности есть какой-то чудовищный эмоциональный дефект, по причине которого лучше не стоит с ней связываться, чтобы создавать семью, растить детей и т.д. В результате Леночкины отношения с мужчинами, по сути, носили характер торга между их похотью и её алчностью.

С этими мыслями Джонни втащил пьяную Леночку домой, где после выкладывания еды в холодильник они сразу завалились спать. Естественно, в тот вечер, как и в любой другой, между ними ничего не было – они ограничились лишь лёгким петтингом – однако ему всё равно было очень приятно ощущать рядом тепло её тела.

Утром Джонни узнал, зачем Леночка сочиняла своё враньё про сибирский банк. Она поздравляла целую армию мужиков, чьи номера были в её телефоне, методом массовой рассылки смс. Он тут же цинично вспомнил про себя о том, как она врала ему, что у неё практически нет никаких знакомых – мужчин. Однако решил не нагнетать обстановку и лишь шутливо заметил ей, что она почему-то его не поздравила. В ответ на что Леночка, как всегда, нашлась что сказать: «зато я здесь, с тобой». Потянувшись за своей сумочкой, открыла её и протянула ему свой подарок – маленькую собачку и кружку с изображением собаки. После чего пояснила, что лицо Джонни напоминает ей собачью морду. Как ни странно, Джонни на это не обиделся, а счёл такое сравнение даже в чём-то милым и трогательным. Да и подарок ему понравился, который с тех пор всегда стоял около его кровати, напоминая ему о Леночке.

Покушав немного, Леночка поехала домой, оставив Джонни большую часть еды. Когда они созвонились вечером и спросил что делать с едой, она, не задумываясь, ответила: выкинь. Хотя Джонни и был огорчён таким заявлением, он понимал, что его следовало ожидать. Если она не дорожит людьми, то как она может поступить с результатами чужого труда, купленного на чужие деньги? Однако самого Джонни с детства приучили считать иначе, и он решил во что бы то ни стоило доест Леночкины ядохимикаты. А чтобы минимизировать вред здоровью, запил это всё огромным количеством сначала сока, а потом кефира. После чего позвонил Леночке и сказал, что ему стало жалко выбрасывать еду, а потому он решил её доест. А потом «промыл желудок». На что удивлённая Леночка сказала: вот идиот! После чего поинтересовалась у него процедурой промывания желудка: ты блевал, Муся? На что Муся, естественно, ответил отрицательно.

Как выяснилось впоследствии, эти две недели между мужским и женским праздниками были самым лучшим периодом за всё время его общения с Леночкой. Она постоянно писала ему смс-ки: Мусенечка, я всегда жду твоего звонка. Джонни звонил ей по вечерам, а днём они переписывались по аське. Единственное, что его расстраивало, так это что Леночка постоянно хотела организовать его взломать почту своего бывшего. Говорила, что теперь ненавидит этого человека и хочет ему отомстить. Что она с удовольствием, допустим, сожгла бы его машину, однако за неимением такой возможности она хочет пока ограничиться какой-нибудь почтовой пакостью. Джонни не хотел ей ничего говорить про этические моменты, поэтому сказал откровенно, что он этим не занимался, что эту всю кухню с получением доступа к чужой почте надо долго осваивать и неизвестно какой будет результат, а у него сейчас другие задачи и т.д. Леночка наседала какое-то время. И пробовала даже льстить. Мол, Мусечка, ты же у нас компьютерный гений. Тогда Джонни решил схитрить и заявил ей, что на освоение ремесла уйдёт слишком много времени, а ему нужно зарабатывать деньги на их поездку в Италию.

Как они и договаривались заранее, вечером 5 марта снова приехала ночевать пьяная Леночка. В этот раз Джонни маленько не рассчитал время, которое понадобится ей в нетрезвом состоянии на то, чтобы добраться до его станции метро, а потому Леночка, выйдя из метро и не увидев Джонни, сама пошла в сторону его дома. При этом они ещё и умудрились разминуться. Как выяснилось, это было связано с тем, что Джонни, смотревший всю дорогу в основном себе под ноги, прошагал мимо девушки с сигаретой, одетой как Леночка, подумав, что это не может быть она, т.к. он знал, что Леночка не курит. Как выяснилось, он ошибался. Вернувшись к тому месту, где стояла она, Джонни увидел, что она курила. Это было уже слишком. Он сделал ей замечание, что она, постоянно жалующаяся на то, что у неё и тут болит, и там болит, совершенно себя не бережёт. Леночка, однако, как всегда нашла способ отговориться, выкрутиться. Она сказала, что курит только тогда, когда выпьет. Когда же Джонни ей сказал, что и выпивает она последнее время достаточно часто, Леночка заявила, что всё равно никакого здоровья нет у неё уже давно, а потому, мол, хуже ей уже не будет.

В магазин они уже не стали заходить, а просто уже дома заказали пиццу. В ожидании пиццы Леночка рассказывала ему о себе такие вещи, которые он при других обстоятельствах и не рассчитывал услышать. Рассказывала про поездки в деревню в юности. А также чем они там занимались. Рассказывала неприличные истории про свою работу, относительно которых Джонни сомневался, что ему следует в это верить. Например, о том, как её коллега «отсасывает» у начальника. О том, как она сама играет с тем же начальником в игру «угадай-ка». Игра начинается с того, что Леночка просит начальника угадать, какого цвета на ней нижнее бельё. И независимо от его ответа заявляет, что он не угадал и предлагает попробовать ещё. Наконец, после нескольких попыток она, по её словам, заявляет ему, что на ней и вовсе нет нижнего белья, вызывая у начальника навязчивое желание собственноручно это проверить. Такой поворот разговора, конечно же, уже совсем не радовал Джонни, однако он не стал делать замечание, а лишь смущённо промямлил что-то вроде: да, интересный у вас там дресс-код!

Не обошлось без вранья и на этот раз. Словно расстроенный способностью Леночки работать лишь тем, что она скрывает под отсутствующим нижним бельём, её начальник поинтересовался, почему она не получила нормальное образование. На что Леночка, по её словам, ответила, что её мама инвалид, фактически не работает, а потому Леночке пришлось с ранних лет идти зарабатывать на двоих. Слыша это, Джонни не мог про себя не посочувствовать её маме, которая помимо своей работы вынуждена ещё фактически тащить на себе по жизни вот такую дочку.

После того как они с удовольствием съели пиццу, которую Леночка запила пивом, доставленным вместе с пищей, ей вдруг захотелось похмелиться, и она вспомнила про «дешёвый коньяк, ну помнишь, что ты мне предлагал после Нового года?» На что Джонни честно ответил, что коньяк тот уже давно выпит с удовольствием и благодарностью его товарищем. Джонни тогда про себя подумал: может, оно и к лучшему. Потому что «догнавшаяся» пивом Леночка уже была в таком состоянии, что стала говорить вслух вещи, которые ни за что не сказала бы при других обстоятельствах. Так, она некоторое время сидела и размышляла вслух: «мыть или не мыть». Потом, наконец, они улеглись. Однако тут же Леночка стала требовать горшок, потому что, видите ли, до туалета ей идти лень, а описаться она тоже не хотела.

Наконец, после её возвращения из туалета, Джонни немного погладил её через почему-то оказавшееся на ней нижнее бельё в том месте, которое она в итоге решила в ту ночь «не мыть». После чего они дружно заснули в обнимку.

Утром они ещё немного повалялись на кровати, и он целовал её в губы. На что она говорила ему: Муся, ты целуешься как хомячок. Потом Джонни отдал Леночке заказанный ею подарок – пятнадцать тысяч рублей наличными, и поехал провожать её до полпути к ней домой.

По дороге она зачем-то рассказала ему, что скажет маме, что это ей дали премию. Мол, если бы она созналась, что эти деньги ей подарил Джонни, для мамы это было бы со стороны Леночки «неправильно». В смысле, принимать такие подарки.

8 марта они встретились и пошли в кино. Когда Джонни подарил ей букет роз, Леночка поцеловала его в губы. Однако потом сказала, мол, зачем ещё деньги на цветы было тратить? А Джонни... хотя и понимал прекрасно, что она привыкла охапками выбрасывать в помойку цветы, подаренные разными молодыми людьми, всё равно хотел сделать для неё что-то приятное.

В субботу они пошли в ресторан. Основным впечатлением от этой встречи для Джонни стала чудовищная пропасть между их взглядами на людей, на жизнь и взаимоотношения, открывшаяся перед ним в процессе этого разговора. Джонни то и дело ловил себя на мысли, что если бы он случайно услышал как другая, незнакомая ему женщина высказывает такие взгляды, он бы тут же её возненавидел. Так, она говорила ему о том, что ей интересен Ближний Восток. Но не Израиль. Потому что в Израиле, мол, мужчины слишком умные, всё время читают книжки и не заботятся о женщинах. Ей больше нравятся арабские страны, где много золота. Тогда Джонни спросил у неё, как она относится к тому, что женщина в таких странах может быть бесправна, являясь фактически собственностью мужа, у которого помимо неё ещё куча других женщин. На что Леночка ответила, что наличие других женщин её не смущает, коль скоро хорошо обеспечивают её. Последнее явление, естественно, очень насторожило Джонни. Ведь оно фактически указывало на отсутствие у неё интереса к близкому душевному контакту с человеком противоположного пола, которому суждено сыграть особенную роль в её жизни. А ещё, Джонни добавил тогда с горьким цинизмом, что «если у кого-то 2 женщины или больше, это означает, что у кого-то ещё нет ни одной». На что Леночка холодно ответила, что это уже личная проблема того, у кого нет женщины. Казалось бы, после таких слов Джонни должен был её возненавидеть. Однако при этом Леночка вела себя по отношению к нему в том разговоре весьма корректно. Так, когда зашла речь о девушках, и он рассказал о своём очень скромном опыте с ними, Леночка ответила ему, что ей в этом плане даже стыдно про себя ему рассказывать. И хотя Джонни прекрасно понимал, что Леночкин стыд – явление исключительно напускное, в реальной жизни практически несуществующее, за которым не стоит никакого внутреннего чувства с её стороны, ему было очень приятно, что она по крайней мере не начинает его по этому поводу унижать, как поступили бы после аналогичного признания многие женщины. Потом Леночка заказала себе ещё мартини, сказав, словно извиняясь, что если у него не хватит денег, то она добавит, потому что у неё ещё немного осталось от его «подарка». Джонни был приятно поражён такой предупредительностью со стороны Леночки и поспешил заверить, что денег ему хватит и на мартини.

На следующий день вечером позвонила Леночка и практически сразу заявила о том, что она хочет. Но тут же добавила, правда, что ей лень ехать. Мол, если бы мне было так не в лом, что я бы сейчас приехала к тебе, и мы бы с тобой... Джонни так обалдел, что слегка приоткрыл рот и начал беспорядочно моргать глазами. Хорошо, Леночка меня сейчас не видит, а то бы точно перехотела, даже если действительно хочет, а не врёт и не пытается манипулировать как обычно,- подумал он. В его голове сразу забегали мысли: а вдруг можно всё-таки попытаться её вытащить из дома, притащить к себе и затащить в койку? Но как? Если он примется её упрашивать, то это будет с его стороны проявление слабости. Этим он только вызовет её презрение. И если у неё в результате будет к нему какое желание, то только вытереть об него ноги. Нет, надо сформулировать это так, что пусть она приедет сюда не потому, что я попросил, а чтобы сделать себе приятное. И только он собрался поговорить с Леночкой об этом, как взгляд его упал на стол из ИКЕИ, который у него за целый месяц руки так и не дошли собрать до конца. А ведь соврал Леночке, что стол уже готов! И если она приедет сюда, увидит, разозлится. И так ничего и не будет у них, кроме её злости! Но почему, почему, он не умеет врать так, как она?! А главное – выкручиваться, когда откроется неизбежная ложь. С этими неприятными мыслями Джонни вынужден был в очередной раз смириться с тем, что они с Леночкой опять обнимались и раздевались только по телефону. Зато теперь, кажется, он уяснил для себя, что имели в виду девки из интернета, когда говорили про «вирт». Вот только что в нём за удовольствие? Особенно если сравнивать с подлинным контактом между живыми людьми... Этого он почему-то никак не мог прочувствовать. Возможно, у него просто не хватало фантазии...

Драматический разлад между ними начался на следующей неделе во вторник. Джонни чувствовал какое-то напряжение, связанное с тем, что ему в скором времени нужно собрать достаточно денег для поездки в Италию, а денег этих самых у него практически не было. Осознание того, что Леночка не потерпит, если он облажается, только усугубляло ситуацию. Может, это создало дополнительную нервозность, под влиянием которой он запрашивал слишком много с потенциальных клиентов, но, так или иначе, в те дни у него сорвался целый ряд многообещающих сделок. Думая об этом, Джонни вылез во вторник в аську в отвратительном настроении. И решил ничего не скрывать, когда Леночка спросила у него: Мусенечка, как там денежка зарабатывается? Практически мгновенно Леночку словно подменили. Она стала ругать и вообще всячески пытаться его унизить, на чём свет стоит. Особенно неприятно ему стало, когда она заявила ему: думаешь, я очень хочу тебя в постель затащить? Да я уж как-нибудь и без тебя найду с кем, я не настолько ущербная! Естественно, как и подобает невротичку, Джонни истолковал это самым худшим мыслимым способом, что для того, чтобы спать с ним, нужно быть ущербной. От обиды у него прямо-таки захватило дух и захотелось сразу же послать её на ХХХ. Однако немного взяв себя в руки, он смог написать ей, что возможно в этом есть его вина, но так уж сложилось. А её наезды на него сами по себе не исправят ситуацию. И что ему в сложившемся положении больше помогла бы её моральная поддержка. И тогда он постарается сделать всё, что в его силах, чтобы они в ближайшее время могли поехать отдохнуть. Леночка сказала, что не сомневается, что он будет работать «как папа Карло», однако всё равно она не представляет, как он соберёт нужную сумму до конца месяца. После чего стала говорить ему, как он её подвёл и всё такое. И хотя они в тот день в итоге вроде как помирились, Джонни чувствовал на душе омерзительный осадок, а также очень тяжёлое смутное, но неизбывное ощущение, что она теперь к нему будет относиться всё хуже и хуже. И его опасения подтвердились.

Правда, в пятницу ему на какое-то время показалось, что наступило просветление. Леночка даже виртуально напевала ему, вслед за своим кумиром, Мэрилин Монро:

I wanna be loved by you
just you and nobody else but you
I wanna be loved by you - alone.
.....
I wanna be kissed by you
just you and nobody else but you
I wanna be kissed by you - alone.
.....
I couldn't aspire
to anything higher
and to feel the desire
to make you my own.

Естественно, он не воспринимал это всерьёз. В конце концов, Леночка ведь даже толком не понимала текста. Единственное, что в этом отношении понимал Джонни (для которого Леночка во многом по-прежнему оставалась мучительной загадкой), состояло в том, что Леночка была неизмеримо далека по своему характеру от мятущейся «пограничницы» (то есть страдавшей пограничным расстройством личности) Мэрилин Монро.

Наверное, у Леночки просто какое-то другое расстройство личности,- цинично, и в то же время, как впоследствии выяснилось, пророчески, думал Джонни. В частности, он был уверен, что Леночка никогда не сказала бы от чистого сердца то, что М. Монро так порывалась сказать людям в своём последнем интервью:

«Нашему миру на самом деле требуется реальное чувство родства. Всем: звёздам, рабочим, неграм, евреям, арабам. Мы все братья. Пожалуйста, не воспринимайте это как шутку». А Леночке, судя по всему, было наплевать на судьбы негров, рабочих, евреев, арабов. Да что там! Складывалось впечатление, что её не очень-то беспокоит судьба даже тех людей, кем она систематически и беспардонно пользуется!

Как и ожидал Джонни, на той неделе Леночка не приехала к нему ночевать, хотя и заверяла, что обязательно сделает это в один из дней. Это очень его расстроило. Он чувствовал, что происходит какая-то существенная негативная перемена в её общении с ним, но не мог себе это объяснить до конца. И понимал, что спрашивать у неё также бессмысленно, т.к. она не сознается, и будет врать. Он остро почувствовал это, когда Леночка позвонила ему в субботу утром. И в ответ на прямой вопрос, почему не приехала, хотя и собиралась, заявила, что не расстраивайся, в другой раз приеду. Мол, я просто не хотела приезжать к тебе пьяная, а то ты опять скажешь, что я к тебе только пьяная и езжу. Хотя Джонни действительно говорил такое, он также знал, что она назвала всего лишь отмазку, не реальную причину.

Сам тон, которым она разговаривала, показался ему каким-то неприязненным, а потому неприятным и даже унижительным. Стоило ему на мгновение задуматься, перед тем, как ответить на её вопрос, как она спрашивала его: «ну чего ты тупишь-то? Или я тебя от чего-то отвлекаю? Ты там занят чем-то важным? Дрочишь, что ли?» Джонни не выдержал и заявил ей открыто, что ему не очень приятен её разговор с ним в таком тоне, а потому он, пожалуй, лучше пойдёт заниматься своими важными делами, подрочит и всё такое. И он уже собрался закончить этот окончательный расстроивший его разговор, как Леночка сказала примирительно: «Ну вот. А я хотела с тобой встретиться, в кино сходить». В кино необъяснимым для себя образом Джонни никак не мог найти свои перчатки и шапку, что только усугубляло презрительное отношение со стороны Леночки.

В кафе, куда они зашли после киносеанса, она неприязненным образом высказала ему, что он всё время тупит и тормозит. Мол, ты слишком много думаешь. Естественно, Джонни всегда знал за собой эту рассеянность и задумчивость. Но почему-то она стала говорить с ним об этом только сейчас! Но надо было ей что-то отвечать, и он не придумал ничего лучшего, кроме как сказать ей, как он переживает, что она им недовольна и что она его оставит. Но, сказав это, по её презрительному взгляду он мгновенно понял, что ему не следовало ей этого говорить. В таком его ответе она не могла не увидеть слабость и зависимость, которые провоцировали её ещё активнее вытирать об него ноги. Вслух же она произнесла: «Я же говорила тебе, что ты мне нужен. Что ты мне будешь нужен всегда! Как мне это тебе ещё объяснить?». Когда они вышли вместе из кафе, и он немного провожал её в сторону её дома, она сказала: Ты знаешь, что у меня сейчас никого нет. И я хочу с тобой спать. Но для этого мне нужно видеть в тебе мужчину. А ты ведёшь себя как девочка. Постоянно устраиваешь истерики и жалуешься мне на меня. Да, мы с тобой в любом случае будем общаться. Но пока ты так себя ведёшь, мы так и будем встречаться здесь, ходить в кафе и в кино, и ничего больше между нами не будет. Потому что представляешь, я тебе скажу, что беременна, а ты скажешь, что переживаешь и убежишь! А я буду стоять, как дура! Джонни почему-то стало обидно от этих слов. Ему захотелось сказать: да хрен ты угадала! Я в таком случае спрошу: от кого? Потому что при твоём очевидном моральном облике хрен знает, где и с кем ты там трёшься! Однако почему-то сказать ей он этого не решился, и стоял с полуоткрытым ртом, глядя на Леночку растерянным и обиженным взглядом.

В следующую субботу к нему приезжали клиенты сразу за тремя компьютерами, а потому было много работы и было не продохнуть. Но Джонни тешил себя мыслью, что сможет порадовать Леночку тем, что денег прибавилось. Не тут-то было! В самый разгар общения с клиентами ему позвонила Леночка. Джонни перезвонил ей и сказал, что сейчас не может с ней поговорить, потому что у него дома находятся люди, которые пришли к нему по делу. Однако Леночка стала настаивать, чтобы он с ней поговорил во что бы то ни стало. Мол, люди твои могут подождать. Объяснять ей что-то в такой ситуации было бесполезно, и после нескольких попыток призвать её к пониманию, Джонни был вынужден просто сбросить. Однако Леночка не унималась. Она названивала ему раз за разом. Наконец, убедившись, что Джонни не собирается отвечать на её звонок, Леночка написала смс: ладно, я всё поняла. Её сообщения только добавили ему нервозности в непростом и без того разговоре с клиентами – южанами, привыкшими торговаться из-за каждой мелочи, словно на базаре. Когда они ушли, Джонни ответил на смс: что ты поняла? На что получил в ответ: уже не важно. Я сделала для себя выводы. Естественно, это расстроило его ещё больше.

На следующий день Джонни снова стал жаловаться Леночке на Леночку. Пытался ей объяснить, что она постоянно ведёт себя как злока, и тем делает хуже не только окружающим, но и в первую очередь себе. На что Леночка ответила, что вот такая она злока. Мол, её мама постоянно говорит ей, что она вредная злыдня. По её словам, они не могут с мамой находиться в одной комнате, т.к. это неизбежно ведёт к конфликту.

1 апреля позвонила Леночка и сказала, что 3 числа приедет в гости. Джонни сначала обрадовался, а потом отправил ей смс-ку о том, что понял, почему она сообщила ему про это 1 апреля. Однако Леночка подтвердила свои планы. Поэтому в ночь на 3 апреля Джонни усиленно прибирался у себя в квартире. И тут... его взгляд упал на руль, подключённый к компу, который стоял в спальне. И Джонни не смог отказать себе в удовольствии погонять немного, до глубокой ночи, после чего просто плюхнулся спать. Проснулся он утром от звонка Леночки, которая сказала, чтобы меньше через полтора часа он встречал её на Профсоюзной. Джонни тревожно осмотрелся по сторонам: тут не убрано, там что-то валяется прямо на дороге. Мало того что по времени своего выхода он уже катастрофически опаздывал, так ещё и маршрутки

долго не было. Зато пробки были на месте! А потому, когда он не успел приехать к месту встречи даже на 20 минут позже назначенного Леночкой срока, она позвонила ему, обругала матом и сказала что поедет обратно. И тогда Джонни стал снова делать то, что с ней ни в коем случае нельзя было делать. По крайней мере, в таком количестве. Он пытался оправдываться, извинялся, просил её не уезжать обратно. Когда Джонни наконец встретился с Леночкой, она не хотела с ним разговаривать, а лишь ругалась на него матом. Он же продолжал просить у неё прощения. Наконец, она резко сменила курс, и объявила, что сейчас они вместе поедут в какой-то магазин, расположенный недалеко от его района. Джонни поинтересовался, есть ли у неё деньги с собой. На что Леночка ему ответила, что она с ним, а потому деньги у неё есть. Естественно, сначала такой ответ показался ему хамским и унижительным, однако он сообразил, что если скажет сейчас, что у него нет с собой денег, то она пошлёт его и вернётся домой. Вначале эта мысль ещё больше разозлила его, настолько, что он сам захотел послать её и уехать, но потом немного успокоился и решил, что если уж на то пошло, он сам был неправ в этой ситуации. Ведь практически любая женщина на её месте просто повернулась бы и уехала, а потом больше никогда бы с ним не общалась. А Леночка, хотя и преследует в этом свои корыстные интересы, фактически даёт ему ещё один шанс.

С этой мыслью он отправился с Леночкой по обувным магазинам, чтобы купить ей туфельки. Зайдя в магазин, Леночка словно преобразилась. Она сразу оживилась, у неё загорелись глаза. Глядя на её поведение в магазине, Джонни узнавал себя в 12-13 лет. Естественно, она была злее и эгоцентричнее по природе своей, но кое-что общее всё же было. Подобно тому, как тогда, в его детстве, он ходил со своей мамой по магазинам, с интересом изучая ассортимент, а затем выклянчивая у мамы покупку того, что ему понравилось, так же и Леночка теперь клянула у него. Ведь хотя она сейчас была почти в два раза старше, чем он тогда, в некотором смысле она находилась примерно на той же стадии внутреннего развития. И подобно тому, как он тогда был ужасно несознательным, интересуясь футболом, девочками, а также кое-какой техникой и другими вещами, она сейчас интересовалась мальчиками и шмотками. Поэтому, хотя он всё больше убеждался, что нужен ей теперь исключительно для доения его на деньги, он просто уже не мог, не хотел взять и отнять у большого капризного ребёнка этот праздник. Тем более теперь он знал: в её жизни на самом деле так мало радости!

Как и следовало ожидать, после пары часов хождения по магазинам и посещения МакДака Леночка заявила, что «сегодня мы к тебе уже не успеем. Но ты не обижайся – приеду в следующие выходные». Естественно, Джонни расстроился, однако не столько в силу самого факта, сколько из-за того отношения к себе, которое, как он чувствовал, за ним стояло.

Потом они поехали в Леночкин район и продолжили шоппинг там. Когда она купила, наконец, себе всю обувь, которая ей была нужна, уже начинало темнеть. Джонни подсчитал оставшиеся финансы и констатировал вслух, что с ней одно разорение. Это разозлило Леночку, и она протянула ему обратно купленную ей обувь. Мол, забери себе, если тебе жалко для меня. Естественно, Джонни не стал этого делать, и они пошли вместе в сторону Леночкиного дома, чтобы немного её проводить. При этом Леночка, словно стремясь его наказать, начала разговор о мужчинах и женщинах, постепенно превращавшийся из абстрактного во всё более оскорбительный и унижительный для Джонни. Наконец, Джонни захотел положить предел её наездам, и заявил: я, конечно, понимаю что ты мужененавистница...

По лицу Леночки Джонни сразу понял, что при этих словах она пришла в ярость. Но, в то же время, как ему показалось, в какую-то фальшивую, наигранную, артистическую ярость, не содержащую в себе реальных человеческих эмоций.

- Что?!

- Мужененавистница!

- Да пошёл ты на ХХХ!

После такого обмена любезностями Джонни развернулся и пошагал обратно. Через несколько минут ему позвонила Леночка и сказала, что она извиняется за то, что послала его так далеко. Однако он оскорбил её так, как никто и никогда её не оскорблял. И что она не знает, как она сдержалась и не вцепилась ему пощёчину. Джонни, однако же, расценил весь её пафос не как выражение реальной, искренней обиды, а как инструмент наказания его за то, что он сказал нечто ей не нравящееся. А ещё через какое-то время она прислала ему смс с извинениями. Однако Джонни почему-то был уверен, что она сама не знает толком, за что извиняется, не говоря уже о том, что она на самом деле ни в чём не раскаивается.

В один из следующих за той сценой дней Леночка проговорила о том, что её послали далеко и надолго ни за что, ни про что. По её словам, «мальчик», т.е. лучший друг её бывшего, сказал ей, что никогда не будет больше с ней общаться. Она говорила о том, как сильно это её расстроило. Потому что по её впечатлениям он был вполне адекватный человек, и она вроде не давала ему никакого повода... Джонни же, основываясь на сложившейся ситуации, подумал, что наверняка она продолжает охоту на своего бывшего, и при этом как-то недозволенно использовала личную информацию от мальчика информации.

Что же касается контактов самого Джонни с Леночкой, то 8 числа, будучи сильно расстроенным, он написал ей смс-ку, в которой выражал свои сожаления, что между ними всё так закончилось. На что Леночка ответила ему: «ты что, Мусь, ничего не закончилось, ты о чём?» Однако и он, и она при этом прекрасно понимали, что имеется в виду.

Естественно, ни через неделю, ни через две после сорвавшегося по причине опоздания Джонни на встречу визита, Леночка к нему в гости не приехала. Её поведение по отношению к нему становилось всё

более наглым и бесцеремонным. Так, она как-то перепутала, по её словам, время киносеанса на час, в результате чего у них по приходе в кинотеатр оказался лишний час в распоряжении. Она начала сетовать на то, что вот теперь ей час нечего делать, что, пожалуй, она пойдёт обратно домой. Естественно, Джонни был внутренне просто взбешён таким отношением, что ей лучше мотаться на транспорте туда и обратно до своего дома, нежели находиться в её компании. Однако он немного успокоился и даже был горд собой, когда ему удалось разгадать манипуляцию, спрятанную в её якобы ошибке. Она целенаправленно пришла на час раньше. Это давало ей законное основание (а что ещё делать?) в этот лишний час походить по магазинам торгового центра, где был расположен кинотеатр, и, естественно, развести Джонни на покупку ей какой-нибудь тряпки. Собственно, так оно в итоге и произошло. И Джонни потом долго с внутренним негодованием вспоминал, как Леночка, когда он предложил ей посидеть на лавочке, заявила, что на лавочках сидят только бомжи и пенсионеры.

Однако эти расходы на её шмотки были ещё цветочками по сравнению с тем, что началось далее, во второй половине апреля. Леночка заявила ему, что он слишком долго собирал деньги на их заграничную поездку, и дождался того, что ей стали задерживать зарплату, а потому ему придётся теперь ещё давать ей тысяч по двадцать в месяц, чтобы она не умерла с голода. Естественно, при этом первым желанием у Джонни, особенно с учётом того, что он знал, что скорее всего она врёт либо преувеличивает, было просто послать её раз и навсегда за такую наглую и бесцеремонную попытку её использовать. Однако для начала нужно было хотя бы уточнить детали. Вот только как это сделать? Естественно, первый его вопрос, адресованный Леночке, был почему бы просто не сменить работу, если тебе не платят зарплату? Естественно, она, как всегда, нашла что ответить. Сказав, что, во-первых, пока она уволится, и пока ей начнут платить зарплату на новом месте, пройдет минимум пара месяцев, а ей всё это время надо на что-то жить. Потом, накануне лета не так просто найти работу. Наконец, если она останется на своём текущем месте работы до июля, то у неё будет стаж год. А люди, работающие в одной организации хотя бы по году, ценятся гораздо больше, чем те, что постоянно прыгают с места на место.

Чтобы хоть как-то сориентироваться в сложившейся ситуации, Джонни стал опрашивать своих знакомых по аське и т.д. Разговор получался примерно таким:

- Ты случайно не в курсе, бывает сейчас такое, чтобы в Москве в гос. организации задерживали зарплату?

- Ещё как бывает!

- А как долго её могут не выплачивать?

- Да как угодно! Пока работник с голоду не помрёт! И если так случится, им удобно опять-таки!

И хотя последняя реплика представлялась для Джонни откровенным преувеличением, общая картина их ответов не давала ему особых оснований огульно обвинить Леночку во лжи. Хотя он и понимал прекрасно, что она лжёт. Но проверить это у него, увы, никакой возможности не было. Тем не менее, он подумал: надо исходить из того, что со стороны Леночки это наглая ложь и попытка его использовать как лоха самым беспардонным образом. К тому же, как формально, так и морально у него не было никаких обязательств её содержать. О чём, собственно, он и заявил ей. Как и следовало ожидать, её реакция, хотя и виртуальная, по своему тону напомнила ему её реакцию, когда он назвал её мужененавистницей. Теперь же она обвиняла его в том, что он поступает очень жестоко, толкая близкого человека на то, чтобы либо стоять на Ярославском шоссе, либо умереть с голода.

Естественно, Джонни становилось не по себе, когда он представлял себе изнеженную и капризную Леночку стоящей на Ярославском шоссе среди матёрых приезжих шлюх, прошедших огонь и воду. Она же там просто не выживет, - беспокоился Джонни. Правда, после недолгих размышлений он склонялся к более реальному взгляду на вещи. Согласно которому, не будет она стоять на Ярославке. Да и незачем. Просто будет потихоньку посасывать у начальников в располагающем к интиму уюте их кабинетов. Таков удел многих женщин в московских офисах. И не вина их в том, наверное, а беда. Конечно же, ему было жалко большого человека, которого жизнь толкает на то, чтобы постоянно подвергаться сексуальным унижениям. Хотя, с другой стороны, Джонни тут же почему-то цинично подумал, что сексуальным унижением для неё было бы переспать с таким, как он. Ведь было заметно, что как в конфликтных ситуациях, так и вообще по жизни, она уважала в людях – особенно в мужчинах – силу, способность повелевать другими людьми. А её начальник в этом плане был «настоящий мужик», располагающий определённой властью. Так что в целом, вероятно, брать за щёку то, чем угощает её начальник, ей было не так противно, как выполнять какую-то содержательную, общественно – полезную работу.

Однако это всё были его догадки. В чём-то обобщения наблюдений других людей, а в чём-то продукты его большого воображения. И, к сожалению, проверить свои догадки он никак не мог.

Единственное, в чём он мог быть точно уверен как в бесспорном факте, так это что Леночка, несомненно, была душевнобольным человеком.

Нет, она не была психотиком – у неё был прекрасный контакт с реальностью, не хуже чем у нормального человека. Не была она и невротиком – ей были чужды иррациональный страх, тревога, навязчивые явления, негативные интерпретации всего и вся и т.д. Леночка же словно была одержима каким-то моральным безумием, патологией характера, расстройством личности. Она всё время стремилась к удовлетворению каких-то своих личных, эгоистических интересов, абсолютно не считаясь с тем, сколь негативное влияние это может произвести на других людей. Это была именно болезнь, потому что тем

самым она приносила вред не только другим людям, но и, как это ни парадоксально, в первую очередь самой себе. И примеры такого поведения возникали постоянно.

Однажды после довольно неприятного разговора с Леночкой, а также грустных переживаний во время фильма, у Джонни возникло ощущение какого-то комка в горле. Такое с ним случалось и раньше время от времени. В такие моменты он почему-то чувствовал, что не может сделать глубокий вдох, и это ощущение в свою очередь вызывало тревогу, переходящую в страх. И угораздило же Леночку посмотреть на него как раз в такой момент, когда он пытался глубоко вздохнуть. Видимо, она сразу заметила что-то неладное, коль скоро сразу принялась расспрашивать: что с тобой? Тебе плохо? На что Джонни ответил, что нет, он просто вздыхает. Однако Леночка не унималась: Не ври. Ты врать не умеешь!

После выхода из кинотеатра она продолжила этот неприятный для Джонни разговор: «Почему ты задыхаешься? У тебя проблемы с сердцем?» Затем пояснила причину, по которой её это волновало: «Я собираюсь ехать с тобой за границу. И если ты там померёшь, что я буду делать?» Такая постановка вопроса произвела на Джонни столь неизгладимое впечатление, что он не удержался от комментария: ты хочешь сказать, что в моей преждевременной кончине тебя расстроит только то, что у тебя из-за этого могут быть мелкие организационные неудобства?! В ответ Леночка без тени стыда пояснила ему: у меня на первом месте Я, на втором тоже Я, а потом уже все остальные. Нарциссизм? Да, несомненно. Но Джонни смутно чувствовал, что было в ней также что-то значительно более мрачное, нежели просто нарциссизм в обиходном понимании этого термина.

Особенно агрессивно этот её нарциссизм проявлялся в денежных вопросах. Несмотря на то, что он даже чисто наличными, не считая ресторанов, шмоток и кино, давал ей больше денег, чем её зарплата, она всё время говорила ему: «ты мало зарабатываешь! Мне не хватает!» Пытаясь если не оправдаться, то хотя бы объяснить причину, Джонни говорил ей о том, что он честный человек, а потому не хочет и не может обманывать клиентов, как поступают многие. О том, что люди ему доверяют, и он не хочет подло злоупотреблять их доверием. Леночка, однако, на это отвечала озлобленно, что «лох это судьба». И добавляла, что «у него близкий человек сидит без денег, голодает, можно сказать. А он честный, видите ли!»

У него не могло не сложиться впечатление, что он становится всё более неприятен ей. Особенно её бесили его рассеянность и задумчивость. Она говорила ему: ты слишком много думаешь! Если ты хочешь общаться со мной... Потом, словно, опомнившись, она добавляла: нет, общаться мы будем в любом случае, как сейчас, но ничего больше между нами не будет. «Как сейчас» подразумевало, что каждый выходной они встречались в торговом центре у её станции метро, смотрели кино, потом сидели в ресторане или кафешке. Частенько они также ходили по торговым павильонам, чтобы купить ей шмотки. На его деньги, разумеется.

Она словно не упускала ни одной возможности, чтобы как-то унижить или хотя бы подколоть его. Например, однажды он что-то уронил на пол, наклонился поднять, но тут у него из карманов высыпалась на пол ещё целая куча железок. Наблюдая всё это, Леночка не удержалась от комментария относительно его неуклюжести: «я тебя теперь буду называть не Мусечка, а клюшечка. Ты моя клюшечка!»

Естественно, его очень интересовал вопрос о позитивных примерах. Каким же надо быть, чтобы ей понравиться? Некоторый свет в этом вопросе пролился, когда Леночка сказала ему: сегодня мы пойдём смотреть кино про настоящих мужчин. Фильм в основном состоял из автогонок, изредка перемежаемых драками. Джонни догадывался о том, что может её привлекать в этом фильме: зрелище, скорость, видеть смелых людей, победителей. Но Джонни видел и другую сторону: в каком-то смысле ему казалось, что это фильм для младшего и среднего школьного возраста. Потому что в нём не было реализма. В том плане, что если бы герои попали в аналогичную ситуацию в реальном мире, их уже давно в живых бы не было. Какой смысл так гнать, чтобы приехать на 1 секунду раньше такого же дебила, как ты? Какую пользу это принесёт человечеству? Дети в Африке перестанут голодать? Потом, хотя посмотреть или даже самому погонять в компьютерном симуляторе ему могло быть интересно, он знал, что в реальной жизни вряд ли смог бы так же. Для этого он был слишком трусливым невротиком, у которого было слишком много страха, экзистенциальной, метафизической тревоги. Всю жизнь чему-то учиться, развиваться, стремиться к чему-то, чтобы потом из-за «понтов», или чтобы кому-то что-то доказать, нарушить правила и быстрее всех приехать... в судебный морг? Нет, это было не для него. Если у него в этой жизни и могла быть какая-то смелость, то она состояла в том, что он по многим важным вопросам не шёл за стадом, а занимал собственную, независимую позицию. И победителем он мог быть, лишь отстаивая, доказывая и доводя до сведения других свою позицию, приобретая знания и решая новые задачи, на которые ранее не удавалось найти ответы. Примерно такими соображениями он поделился с Леночкой, чем, как и ожидал, вызвал с её стороны ещё большее отвращение.

Однако, несмотря на всё более негативное отношение к нему, она не брезговала связываться с ним вполне определённые планы. Так, она однажды заявила, что ему не стоит покупать себе машину, потому что он на ней малёно того что сам разобьётся, так ещё и людей угробит. А потому он должен купить машину ей. «Муся! Я хочу машинку!» Джонни находил примечательным, как при этом она словно исходила из того, что в хозяйственном плане он был её мужем. Сначала, правда, он был в наивной растерянности относительно того, каким образом она может планировать, что к тому времени, как он соберётся купить ей машину, она всё ещё будет рядом с ним. А потом сообразил, что это на самом деле никоим образом не ограничивает: она же может всё это время где-то шляться, спать с кем угодно направо и налево, по-прежнему считая при этом, что машину должен подарить ей именно он. Джонни всё время ловил себя на мысли, что постоянно исходит

из стереотипа, выработанного в процессе общения с женщинами, имеющими совесть. Такая женщина ещё и не возьмёт ценный подарок от человека, с которым у неё нет брачного союза, интимной близости и всё такое. Потому что иначе она будет себя чувствовать неловко, что она ему тоже что-то должна, что он так потратился на неё и т.д. Некоторые, чей неблагоприятный жизненный опыт отучил их верить в альтруизм, начали бы видеть в этом какой-то подвох. И только Леночка готова была воспринимать такие подарки как должное, как нечто само собой разумеющееся. Очевидно, у неё просто в принципе не было того, что другие люди привыкли называть совестью.

Хотя чисто теоретически Джонни прекрасно понимал, что надо избавляться от этого паразита, и чем скорее, тем лучше, его в то же время тянуло к ней, словно магической силой. Это особенно отчётливо проявилось в его общении в тот период с другой девушкой.

Когда в апреле стало ясно окончательно, что с Леночкой ничего хорошего не светит, чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей о ней, Джонни стал потихоньку зависать на сайте знакомств «кобра». Там он познакомился с милой девушкой, которую звали Оля. Она работала секретарём в какой-то фирме, и представлялась ему одной из немногих молодых представительниц этой профессии, которую он не хотел называть секретаршей, и уж однозначно никогда – секретуткой. Оля также всегда хотела быть психологом, а потому параллельно своей работе училась в каком-то то ли вечернем, то ли заочном институте. Учитывая серьёзный интерес Джонни к вопросам психологии, это сразу же открыло для них множество интересных тем. В тот год (2011) работающий народ отдыхал три дня на первые майские праздники. Из них первые два дня Джонни встречался с Леночкой, а на третий день Оля позвала его в театр. Они встретились за два часа до начала спектакля, чтобы успеть погулять и поговорить.

После короткого обмена дежурными, ничего особо не значащими фразами, Оля принялась рассказывать о наболевшем. Она говорила о том, что на улицах Москвы и ближайших окрестностей (Оля жила в Подмосковье, в Одинцово) полно гопников, мошенников, воров, бандитов, проституток и т.д. Что в таких условиях страшно жить и растить детей. А потому она очень хочет уехать в тихую, экологически чистую страну Новую Зеландию и работать там какой-нибудь гувернанткой.

В ответ Джонни сначала попробовал возразить, что и в НЗ с преступностью не так гладко. В частности, во время опроса лишь 7% молодых новозеландцев заявили о том, что они не участвовали ни в каких противоправных действиях. Кроме того, приехав туда, она будет там гастарбайтером, а гастарбайтеров не любят нигде. К тому же, в процессе разговора выяснилось, что Оля и английского языка толком не знает! И вдруг... Джонни перестал пытаться развеять её иллюзии относительно Новой Зеландии. Он неожиданно понял, что для Оли за широкими морями, за высокими горами, за дремучими лесами есть сказочная страна. Эта сказочная страна называется Новая Зеландия. И он понял, что не хочет отнимать у неё эту сказку, рассказывая, что там на самом деле не всё так прекрасно, как ей кажется.

После спектакля они с Олей долго стояли у входа в метро и разговаривали. Они оба прекрасно понимали, что больше никогда в жизни не встретятся. Джонни думал о том, что будь он нормальным человеком, мужчиной, ищущим простого мещанского счастья, семейного уюта, то он не мог бы мечтать о девушке лучше, чем Оля. А впрочем, как он может рассуждать, о чём он мечтал бы, будь он нормальным, если он ненормальный?! Так или иначе, ему нужно было быть рядом с другой ненормальной, его изумительной находкой Леночкой, какой бы полной его противоположностью и какой бы омерзительной дрянью она ни была. При этой мысли он почувствовал зябкую прохладу уже позднего весеннего вечера, подумал о том, что только не хватало ему простудиться, и распрощался с Олей.

На следующей неделе Джонни, у которого, к тому же, ввиду естественного сезонного спада в спросе накануне поры отпусков не очень хорошо шли дела с зарабатыванием денег, всё больше думал о том, что пора прекращать вообще контакты с Леночкой. Видимо, в таком его настрое не мог не сыграть свою роль контраст – прямо как небо и земля – между тем, как общалась с ним Оля, и как теперь общалась с ним Леночка. Об этом он и высказал открыто по телефону Леночке. Правда, не упоминая Олю, а просто подчеркнув, что чувствует, что он ей (Леночке) не нужен. «Давай я сама буду решать, кто мне нужен, а кто нет, хорошо?» – как всегда, не растерялась Леночка.

И всё же, несмотря на такой свой настрой, в выходные Джонни совершил чудовищную ошибку. Чтобы отложить деньги, не инвестировать и не тратить на что-то ещё, Джонни решил отдать их... на хранение Леночке, чтобы деньги на совместную поездку накапливались у неё. Естественно, Леночка могла только приветствовать такое начинание. Более того, словно извиняясь за своё хамское поведение по отношению к нему, в течение более часа, пока они сидели в ресторане и ели пиццу «Филадельфия», она рассказывала ему о трудностях на работе. О постоянных конфликтах. О смене начальства. О возможном уголовном преследовании их руководство и, как следствие, возможном таскании её по судам в качестве свидетеля. О том, что неизвестно когда ей теперь снова начнут выплачивать зарплату.

Джонни даже не пытался следить за её рассказом. Он в любом случае не мог ни разобраться толком, ни проверить, что в её рассказе ложь, что просто придумано, а что нет. Да и какой смысл? Ведь он уже верно уяснил для себя основной смысл этого её рассказа – представить свою злость и своё хамство по отношению к нему как следствие ситуационных, а не внутренних факторов.

Худшие сомнения Джонни относительно того, стоит ли отдавать Леночке деньги, откладываемые на поездку, оправдались. Теперь, когда у неё были его пятьдесят тысяч, она могла как угодно вытирать об него ноги, зная, что он никуда от неё не денется. Так, через неделю она решила, что ей не обязательно с ним

подолгу видется и просто попросила его привезти ему деньги на расходы на неделю, коль скоро ей не платят зарплату. И давай опять давить на то, что «ты же не хочешь, чтобы я голодала» и всё такое. А пообщаться с ним продолжительное время, мол, она в те выходные не могла, потому что давно собиралась поехать в Подмоскowie в гости к подруге.

При встрече с ней Джонни не выдержал. Просто эмоционально не выдержал. И сказал, что если он ей нужен только, чтобы постоянно брать у него деньги, то он, как уважающий себя человек, просто не видит больше смысла с ней видется. Тогда Леночка принялась обвинять его в нарушении данного ей почти полгода назад обещания её не бросать. Мол, я поняла, мужчина – хозяин своего слова. Захотел – дал, захотел – взял обратно. На что Джонни, стараясь сохранять спокойствие, ответил, что бросить можно только человека, которому ты дорог. На что Леночка безо всяких эмоций в голосе заверила его, что он ей дорог. Джонни понял, что продолжать этот разговор бессмысленно, повернулся и понуро зашагал прочь.

Неприятный разговор продолжился днём уже с пьяной Леночкой в аське. Она рассказала ему, что много выпила. А ещё, что у неё сильно болит живот внизу. А болит он потому, что она, видимо, перестаралась, когда трахала себя новым фаллоимитатором, который ей на днях подарила подруга. Джонни понимал, что это ужасно глупо, но всё равно не мог сдержаться, и признался ей, что он сам очень хотел бы оказаться на месте этого её фаллоимитатора. На что Леночка довольно предсказуемо ответила, что к этому не готова. Потому что боится. Потому что чувствует, что не может ему полностью доверять по той простой причине, что он постоянно хочет от неё сбежать. Джонни же на это отвечал, что он никогда на самом деле не хотел от неё сбежать, но что он прекрасно понимает, что нужен ей только затем, чтобы стрелять у него деньги. Леночка же в очередной раз принялась его заверять, что он ей очень дорог. Дороже, чем она хочет себе в этом признаться. Читая эти лживые слова, Джонни почувствовал себя омерзительно противно. Ему захотелось написать ей, чтобы впредь она стреляла деньги у своего фаллоимитатора, а потом рассказывала ему, как он ей дорог. Но он сдержался, и просто вышел из аськи в самых что ни на есть расстроенных чувствах. Единственное, что его малость успокоило и даже немного развеселило, так это что если она действительно ездила к любовнику, то знал бы он, что она в своём вранье называет его искусственным фаллосом. А впрочем, какая ему разница? Фаллос – он и есть фаллос,- цинично думал Джонни.

На следующей неделе Леночка, словно параноидальный шизофреник с манией величия, неоднократно спрашивала у него, могут ли её подслушивать через телефон, когда она по нему не разговаривает. Когда она задала ему этот вопрос в первый раз, Джонни просто усмехнулся. В ответ на что Леночка презрительно заметила ему, что помнит, как однажды говорила на эту тему с одним знакомым, большим специалистом по секретным службам, и тот рассказал ей, что можно подслушивать человека даже через выключенный телефон! Джонни внутренне цинично усмехнулся о том, как паразитический образ жизни ведёт к такой ущербности в понимании функционирования окружающего мира, однако спорить с Леночкой, ссылавшейся на воображаемые авторитеты, не стал. (Впрочем, Джонни всё же был уверен, что Леночкин хваленый «специалист» просто постыдился бы такое говорить в компании мужчин, даже не шибко образованных!) Вместо этого он предложил ей достать «батарею» (аккумулятор). Я надеюсь, ты понимаешь, что для того, чтобы передать хоть какую-то информацию в окружающий мир, телефону нужно электричество?

В пятницу они встретились, и у Джонни появился шанс немного приоткрыть завесу над Леночкиной манией преследования. В нарушение традиционного протокола их встречи, она повела его не в ресторан, а гулять в ближайшем сквере. Начала она с того, что протянула ему телефон, и в ответ на недоумённый взгляд «как всегда тупившего» Джонни пояснила, что «нужно вынуть батарею». Затем, спросив у него, хорошая ли у него память, и услышав в ответ что-то вроде «так себе», принялась перечислять имена, фамилии и отчества тех, с кем она работала. Джонни даже не пытался их запомнить, так как подумал что она, скорее всего, не станет ему называть реальные имена. Заметил лишь для себя, что её покровителя и (скорее всего) любовника звали Пётр. Пётр Иванович, кажется.

Смысл Леночкиного рассказа сводился к тому, что у них в организации имел место масштабный делёж, «распил» и разворовывание казённых средств, и были две враждующие между собой группировки, каждая из которых норовила загрести себе большую часть, а в идеале – всё, оставив другую сторону не у дел. Основным предметом Леночкиной гордости было то, как благодаря её владению искусством лжи, манипуляций, сплетен, кражи и перепрятывания документов, а также доносам и умению подслушать важный разговор в нужное время и в нужном месте, именно она, Леночка, принесла победу команде Петра Ивановича. Более того, благодаря её умелым действиям, они находятся на пути к полной нейтрализации конкурирующей группы, сумев заинтересовать её деятельностью прокуратуры. Единственная издержка, по её словам, состояла в том, что проигравшая сторона теперь может догадаться и, похоже, уже догадалась, чьих это рук дело. И, как следствие, её теперь, наверно, захотят убить.

Когда они зашли после прогулки в ресторан, Леночка решила рассказать ещё одну, на сей раз довольно пикантную историю. Точнее, показать. И стала демонстрировать ему в своём телефоне одну за другой огромное количество смс, полученных от коллеги. Все они на разные лады сообщали примерно одно и то же: «Лена, я тебя хочу со страшной силой!» Сразу же бросалось в глаза, что ни одно из этих, если можно так выразиться, «романтических посланий» не выражало никаких чувств, кроме похоти. Очевидно, это был один из женатых ухажёров с её работы, которого Леночка то ли не собиралась удовлетворять, то ли, что более вероятно, всё же удовлетворяла время от времени, но не так часто, как тому хотелось бы. Джонни

не мог не обратить внимания, что фамилия того мужика была то ли Ручейков, то ли Родников. И, казалось бы, фамилия эта должна была ассоциироваться у него с кристально чистой водой, однако вместо этого он почему-то чувствовал себя так, словно из Леночкиного телефона на него прорвало самую что ни на есть клоаку человеческих взаимоотношений.

Поняв, наконец, что Джонни совершенно не в восторге от её переписки, Леночка перешла в наступление. «Если бы я знала, что ты будешь так неадекватно реагировать, я бы не стала тебе ничего показывать». Из её слов получалось, что она прикалывалась, а он воспринял это слишком всерьёз. Однако ему было уже не до приколов. «Вам, мужчинам, не понять женщину. Вы привыкли считать: сучка не захочет – кобель не вскочит. Вы не понимаете, каково приходится слабой, незащитной женщине, когда она одна и некому её защитить». Снова услышав эту шарманку про слабую женщину, которую ему не раз заводили проститутки и содержанки с сайтов знакомств, Джонни вдруг испытал такое отращение ко всему этому миру продажных дур, что ему захотелось послать её раз и навсегда, прямо «здесь и теперь». Даже забив на всё – от пятидесяти тысяч рублей, отданных ей на поездку, до несбывшихся надежд, казавшихся теперь такими иллюзорными. Однако когда они уже вышли на улицу, Джонни постарался немного взять себя в руки и сказал: ну если ты так боишься, давай я эти несколько дней буду встречать тебя с работы. На что Леночка ответила: «не надо. Им всё равно, одного убить или двоих. Ты ничего не сделаешь. У них есть деньги, власть, связи, у тебя ничего этого нет». А потом прибавила: «И не вздумай приезжать туда и меня там ждать – тогда я просто буду ходить через другой выход – ты просто зря проездишь». Такое обращение с ним, словно со школьником, безответно влюблённым в одноклассницу, просто взбесило его. И он попытался достаточно резко ответить, что если нужно, он найдёт возможность защитить человека, который ему дорог, просто кому-то не хватает ума оценить его по достоинству. Естественно, Леночке упоминание о недостатке у неё ума явно не понравилось, и она сказала, что если он будет умничать, то он сейчас же развернётся и пойдёт обратно к метро. Такая формулировка почему-то показалась Джонни особенно обидной, и ему снова остро захотелось послать её раз и навсегда. Тем временем Леночка продолжала: «ты, конечно, хороший и замечательный, и я, может быть, даже поеду с тобой отдыхать за границу, но мы с тобой совершенно разные и ты живёшь в совершенно другом мире – придуманном мире своих бредовых фантазий. А я живу в реальном мире, с реальными людьми». На этом месте Джонни понял, что не может и не хочет это больше терпеть. Он развернулся на 180 градусов и пошагал обратно к метро. Ты куда?- окликнула его Леночка. Джонни ответил, что ему неприятен весь этого разговор, а потому он не хочет больше его продолжать и лучше вернётся в мир своих бредовых фантазий. Вот видишь,- усмехнулась Леночка. «Как же ты можешь меня защищать, если ты даже не способен вести себя как мужчина. Стоит тебе сказать что-нибудь такое, что тебе не понравится, как ты сразу же обижаешься или устраиваешь истерику, словно барышня!» При таких словах Джонни почувствовал нестерпимое желание хорошенко съездить по её смазливой роже, да так сильно, чтобы её начальник потом долго видел, как у неё перекошено лицо, когда она будет у него отсасывать. И думал при этом, что она, наверное, делала то же самое кому-то ещё, но делала это плохо или попыталась откусить, или ещё что. Однако, кое-как взяв себя в руки, Джонни пару мгновений постоял в нерешительности, а затем пошагал прочь.

Сев в маршрутку, которая повезла его в сторону дома, Джонни серьёзно задумался, пытаюсь немного успокоиться. Почему эта такая милая с виду молодая женщина стала вызывать у него такие приступы ярости? Куда при этом деваются его нежные чувства к ней, которые ещё недавно, казалось, были столь сильны, что он был уверен, что они будут присутствовать в нём всегда? С одной стороны, как бы это ни было неприятно, он был вынужден признать, что, как и подобает невротикам, он действительно был слишком обидчив, склонен принимать чужие слова и поступки слишком близко к сердцу. С другой же стороны, Джонни не мог не отметить, что его гнев был совершенно адекватной, вполне натуральной реакцией на её несправедливость и унижительное для его достоинства отношение к нему. Была ли она стервой? Многие бы сказали, что да! Была ли она сучкой? Естественно! Однако для него она была в первую очередь больным человеком. Но разумно ли злиться, обижаться, желать отомстить больному человеку за то, что она во многом произвольно и даже себе во вред демонстрирует проявления своей болезни? Даже несмотря на то, что он сам ненормальный, не лучше ли было бы ему научиться сдерживаться? Причём не давя в себе злобу и злость, а чувствуя себя при этом спокойно и гармонично. Разве ей или ему лучше оттого, что он даёт волю эмоциям? С этими мыслями, однако, Джонни не удержался ещё раз дать волю эмоциям, решив написать Леночке гадкую, обидную смс-ку. В ней он говорил, что ей нечего бояться. Мол, её противники люди не глупые и понимают, что даже если пешка оказалась в нужное время на нужной клетке доски, чтобы повлиять на ход партии, она всё равно лишь пешка по жизни, которая никогда не станет ферзём, а потому не станут руки марать из-за такой мелкой фигуры. Про себя же он подумал в тот момент относительно Леночки ещё циничнее: сколько ты ни давай нужным людям, всё равно ты не выйдешь в дамки – только в давалки.

Вспомнив про Леночкин страх, Джонни не мог не отметить, что сам характер Леночкиного страха представлял собой нечто необычное, и это обстоятельство представлялось ему проявлением её загадочного душевного расстройства. Он привык наблюдать женщин, которые чувствовали свой страх как бы всей своей нервной системой, не только центральной. Они плакали от страха, дрожали всем телом и т.д. Леночка же явно была не такой. Её страх был словно полностью интеллектуальным. Он состоял в том, что она как будто

знала, что её ждёт что-то неприятное, и готовилась к этому. Но в её страхе не было трепета, и уже это само по себе было страшно.

Организационно Джонни решил поступить с Леночкой следующим образом. Он постарается забыть все нанесённые ему ею обиды, насколько у него это получится, и поговорить с ней по-хорошему, по-человечески. А чтобы она не пыталась уйти от разговора и не давила на его психику своим хищным взглядом (ох уж этот взгляд!), а также чтобы у него было время собраться с мыслями и постараться сказать самое важное, он решил написать ей письмо. Если она проникнется, постарается его понять и отнестись к нему по-человечески (на что, впрочем, положила руку на сердце, он не особо надеялся), он будет ради неё стараться. Если же нет... После совместной поездки за границу, где, как оно надеялся, оказавшись рядом с ней на несколько дней, он всё же должен выяснить, что у неё не так с психикой, ему останется только послать её раз и навсегда, чтобы больше не терпеть её выходки и унижительное отношение к себе.

Однако, то и дело отчётливо представляя себе картинку, как она сначала удалит его письмо, не читая, а затем будет поливать его всяческой словесной грязью, Джонни целую неделю никак не мог собраться даже начать писать это письмо. Подтолкнул его к этому неприятный телефонный разговор с Леночкой. Когда он спросил у неё, встретятся ли они на этих выходных, Леночка ответила, что нет. Когда же Джонни попытался поинтересоваться почему, она неприязненно заявила, что если он сам считает, что мир вертится вокруг него, то другие так не считают, а потому она пойдёт гулять с Веркой. Джонни, конечно, уже привык к тому, что Верка могла выступать в роли прикрытия для встречи с любовником и вообще кем угодно, однако сделал вид, что поверил. Отметив только: ну да, Верка же скоро выходит замуж... Упоминание скорого замужества Верки явно не понравилось Леночке, а потому в ответ она, как обычно делала в подобных случаях, резко спросила: зачем ты об этом говоришь, что она скоро выйдет замуж, будто я этого не знаю? Возможно, в этом вопросе она увидела для себя что-то неприятное, - заключил Джонни. И ответил, что просто тогда им с Веркой будет уже сложнее общаться. В общем, разговор получился каким-то тяжёлым, и после него до вечера Джонни ещё долго предавался неприятным мыслям, а потом сел за комп и всю ночь писал Леночке письмо:

*****

Дорогая Леночка,

Поверь, мне очень тяжело писать тебе это письмо. Нет, речь не о том, что мы с тобой никогда не будем вместе – это я понял уже давно, а потом это мои личные трудности и я не вижу смысла говорить с тобой об этом. Просто есть очень важные вещи, о которых я давно хотел сказать тебе. Заметь, я сразу хочу оговориться, что никоим образом не претендую на однозначную правоту своих суждений и не считаю себя обладателем монополии на истину, а всего лишь хочу поделиться с очень дорогим – несмотря ни на что – мне человеком своим видением сложившейся ситуации. Я отдаю себе отчёт в том, что уже слишком поздно, т.к. говорить об этом имело смысл тогда, когда ты ещё могла всерьёз воспринимать меня если не как “мальчика”, то хотя бы как человека. Почему же так произошло? Сразу хочу отметить, что я не виню тебя ни в чём. Оглядываясь назад, я с горечью осознаю, как часто и как больно я мог травмировать твою и без того немало пережившую психику. Но, так или иначе, у меня сложилось впечатление, что последние два с половиной месяца ты словно по капле выдавливала из себя все остатки симпатии ко мне, пыталась растоптать слабые зелёные ростки тёплых чувств. Что ж, я вынужден с горечью признать, тебе это удалось. Прекратились все нежности типа: “Мусенька, я всегда жду твоего звоночка”. Активизировались наезды: смени одежду, не тупи, не тормози, не теряй свои вещи! Да, знаю за собой такое – стал над этим работать. На что только не пойдёшь ради человека, которого любишь! Потом: научись, наконец, обманывать людей. С этим не так однозначно, но даже в этом, возможно, можно было найти рациональное зерно. Но дальше пошло ещё веселее: будешь пить со мной, или выкину с самолёта! А потом, наконец, уже шах и мат: мол, если хочешь со мной общаться, то ты должен перестать думать. Как же я могу перестать думать, если я по жизни интеллектual, и мышление это практически моё всё?! Начать с того, что сама по себе такая постановка вопроса возмутительна. Так как если человек тебе действительно нужен, то ты ему не ставишь ультиматумы. Ты можешь попросить его о чём-то, и он постарается пойти тебе навстречу. Мне, может, тоже многое не очень нравится, и не без оснований, но я не говорю тебе об этом. Могу представить себе реакцию, если бы я это сделал: “да пошёл ты!” Но я так не могу и не хочу тебе так сказать. Я принимаю и ценю тебя такой, какая ты есть. Потом, правда, ты словно опомнилась и сказала (видимо, быстро сообразила, что тебе будет не очень на руку если я немедленно раз и навсегда исчезну из твоей жизни – гораздо удобнее меня держать где-то на заднем плане, лишь бы не надоедал и не высывался): нет, мы можем и дальше так общаться как сейчас (я хожу за тобой по магазинам как хвостик, а когда надоедаю-стою за дверью), но ничего больше не будет. Последнее, впрочем, показалось мне достаточно странным, т.к. я прекрасно понимаю, что ничего больше между нами так и так никогда не будет, и я могу всё что угодно на это ставить, настолько я в этом уверен... А поскольку пока ты не считала целесообразным избавиться от меня совсем, в ход шли надуманные предлоги типа: “доверять полностью человеку, который так и норовит от меня сбежать, я, увы, не могу”. Или: “но мне нужно время и осознание того что <ты> здесь, рядом и никуда не исчезнешь”. Хм... Ты говорила, что тебе нужно время... Но мы с тобой активно сначала переписывались, а затем общались в течение девяти с лишним месяцев. Это значительный срок в масштабах человеческой жизни. Это время, достаточное для того, чтобы из пары крошечных клеток развился целый организм, сантиметров 50 в длину! Так что это, по всей видимости, не вопрос времени. Ладно, что бы это ни было, нет, так нет. Я

нашёл в себе силы понять и принять этот факт. Я уже смирился с тем, что ты просто пренебрегла тем, кто в течение почти полугода терпеливо писал тебе длинные письма, пытаясь сосватать человеку, который был тебе нужен. Ты отвергла человека, который пытался поддержать пусть отдалившуюся и ставшую тем самым почти совсем чужой, но всё же дорогую его сердцу женщину. Ты не доверяешь тому, кто старается помочь тебе, чтобы тебе не пришлось торговать собой или как-то иначе унижаться. Даже не постеснялась такого искусственного предлога что я, мол, не пью, а таким людям нельзя доверять. По твоим же словам получается, что тебя этому научили люди, которые оставили тебя без честно заработанных тобою средств к существованию, которые они, разумеется, не постеснялись положить себе в карман. Это заодно должно было сделать тебя более сговорчивой, чтобы им можно было тебя использовать как что-то вроде куклы из секс-шопа. А потом выкинуть. Потому что зачем беречь то, чем уже наигрался, если можешь позволить купить себе что-то новенькое? Зато им можно доверять! Они же настоящие мужчины! Миллионами ворочают. Не сеют, не пашут и вообще руки не испачкают, чтобы что-то создать своим трудом. Зато они замечательно наловчились обманывать других людей – а как иначе бизнес построишь? Вот только чего многие женщины не учитывают, восхищаясь такими людьми, так это что тот, кто обманывает, обманывает всех! Он не делает исключений. Обрюхатил одну женщину – и спит спокойно с другой. Это же так по-мужски! Как говорится, если у тебя нет женщины, то у кого-то их две! Даже если ты не хочешь иметь детей, возможно, ты можешь себе представить, что чувствует беременная женщина, когда её мужик пялит другую. А впрочем, может ничего уже и не чувствует – главное, что она особо не нуждается и с хозяйственной точки зрения он пока с ней. Ладно, хватит о них. Надеюсь только, что ты не решишь, что я им завидую. Ты же знаешь, что я не помешан на материальных ценностях, хотя и могу понять женщин в этом плане. Да, стоит признать, у них лучше с вниманием женщин. Но с их отношением к женщинам это для них всего лишь дырки, и кому как, а мне лично если специально этим вопросом не заниматься, то я себе ничуть не хуже дырку могу изобразить из ладошки левой руки. Если, конечно, нет комплексов, чтобы хвалиться на работе или где-то ещё: мол, у меня две жены, три жены, десять жён... А у меня нет таких комплексов, так как общаюсь с женщинами ради самих женщин и себя, для души и тела... если повезёт. А если специально заниматься упомянутым вопросом, то может получиться, конечно, просто изумительно, но я уже однажды чуть не стал на этом пути сексуальным рабом нелюбимой женщины. Она выбрала другого, как следствие моих экспериментов по удовлетворению собственной похоти исковеркав ему жизнь – у мальчика за эти несколько лет мать умерла и отец спился (он был известным человеком и до знакомства сына с носителем “красивого мужского имени” не проявлял особой склонности). Ладно, извини, отвлекся. Вернусь к существу вопроса. Вот, по сути, избавилась ты от меня. И что в результате? “Я очень хочу чтобы меня кто-то защитил, что бы кто обнял и сказал, что все будет хорошо несмотря ни на что, что он со мной. Я всего лишь слабая женщина, которой так нужна поддержка. Но я не получаю её ни то кого. И мне плохо и мне нужна помощь. Очень нужна” Конечно, полоумный лох, который может только тупить и хлопать ушами, пока нормальные мужики расхватывают лучшие куски от жизни, такой кого же может защитить? Да и какая поддержка может быть от него, если он никто, ноль по жизни... так что он не в счёт!.. Ладно, не может так не может, удачи найти того, кто, по твоему мнению, сможет тебя нормально защитить и поддержать. Только что-то мне подсказывает, что здесь не всё так просто!

О мальчиках, девочках и об эгоцентризме.

Хотя тебе обычно не нравятся отвлечённые вступления, но, поскольку, на самом деле это во-первых, важно для понимания темы, а во-вторых, в этом письме много такого, что разозлит тебя гораздо больше, начну издали. Вспоминаю наш разговор, ещё в те, лучшие по сравнению с нынешними времена, когда ты сказала очень показательную вещь. Мол, хотя на Востоке у одного мужчины целый гарем, сразу несколько женщин, зато он их всех хорошо обеспечивает. На что я цинично заметил, что когда у кого-то сразу несколько женщин, значит, у кого-то другого их нет вообще! А ты хладнокровно ответила, что если у кого-то нет женщины, то это, мол, исключительно его проблемы. На самом же деле, мы все на этой планете взаимосвязаны, как наглядно поясняют следующие примеры.

У З. Фрейда было много бредовых идей, но некоторые из них довольно интересны. Например, каждого мужика можно представить как некий кипящий чайник, наполненный некой жизненной энергией (либидо). Он выпускает свой пар через носик – эрос, которым он норовит тыкать повсюду, когда у него есть такая возможность. А ещё он накрыт сверху крышкой – танатос (смерть). Так вот, если заткнуть носик и долго удерживать в таком положении, то через какое-то время у чайника может напрочь снести крышку, в результате чего субъект становится неуправляемым, сея гибель и разрушение. И получается, что у кого-то там гарем, а мы здесь видим станции метро, забрызганные кровью. Или как с теми двумя американскими школьниками. Весь Пиндостан потом вопил: “ах, какие звери, перестреляли своих одноклассников! Даже девочек, которые умоляли их пощадить” И как-то забыли при этом, как те, которые впоследствии устроили стрельбу, когда-то просили своих одноклассников не издеваться над ними. Те же девочки хихикали и подбадривали будущих “настоящих мужчин”, которые издевались над своими соучениками. Ведь сильный имеет право глумиться над слабым, не так ли? Допустим, что так. Вот только часто за такие вещи рано или поздно приходится расплачиваться, причём не в мифической загробной жизни, а вполне реальной своей... Впрочем, я рассказал тебе об этой концепции не применительно к терактам и школьной стрельбе как таковым, а в связи с тем, что она имеет к нашему разговору весьма непосредственное отношение. Но об этом чуть позже. Пока же поговорим о мальчиках и девочках.

Ты говорила о том, что тебе не повезло, что ты родилась девочкой. Различные чисто “женские” заболевания и связанный с ними дискомфорт, внезапные перепады настроения и прочие негативные моменты. Конечно, это лишь одна сторона вопроса, потому что с другой стороны мальчики живут в среднем на 15 лет меньше, и многие из них с радостью (или без радости) были бы готовы стойко переносить женские болезни и впасть в истерики, лишь бы пожить подольше. Чтобы хоть как-то компенсировать такую несправедливость Судьбы, мальчики должны всячески заботиться о девочках, оберегать их и всё такое. Весомый аргумент в пользу того, чтобы мальчики не ленились заботиться о девочках, состоит в том, что у девочек есть то, что составляет главную радость в жизни большинства мальчиков... Такова позиция многих женщин, но... На самом деле, в современном обществе женщина, какой бы слабой и беззащитной она ни была, если, конечно, она не инвалид первой группы или что-то в этом роде, в принципе способна заработать себе на жизнь. И, опять-таки, в принципе, если подойти к ситуации с умом и со знанием дела, она способна добиться от наглого и похотливого начальника, чтобы он платил ей законно заработанную ею зарплату без того, чтобы спать с ним. Конечно, ты можешь возразить, что мне это кажется потому, что я живу в другом мире, а именно своих бредовых фантазий. Конечно, это твоё право так считать, но на самом деле моё мнение основано на реальном опыте людей, которые решили для себя похожие проблемы и обращались ко мне за помощью в решении других проблем. Нет-нет, я никому никого не ставлю в пример, просто ссылаюсь на прецедент. Разумеется, я в курсе, что многие женщины предпочитают, чтобы все проблемы за них решал мужчина – на то он и мужчина, но... В реальности, применительно к очень многим мужчинам, мир устроен так, что если мужчина видит, что женщина хочет, чтобы он всё делал за неё лишь на основании того факта, что у неё на теле на одну дырку больше, то он воспринимает её не как человека, а как дырку от человека. При таком раскладе многие женщины сетуют на то, что многих мужчин и назвать-то таковыми не могут. И чего они этим добиваются, спрашивается? Того, что мужчины стыдливо осознают свою неправоту и изо всех сил начинают стремиться к женскому идеалу “настоящего мужчины”? Как бы не так! Скорее, к эскалации, пусть и во многом тайной, враждебности мужчин по отношению к женщинам. И смысл? Для меня, например, любая женщина настоящая. Она же не кукла! Даже если она, я не знаю, скажем, с одной грудью или что-то в этом роде. В этом месте мне любят задавать провокационный вопрос: а смог бы я сойтись с такой женщиной? Возможно, ответ покажется тебе предсказуемым, но не его мотивация. Скорее всего нет, и вот почему. Вероятно, такая женщина занимала бы следующую позицию: я ущербная и ты ущербный, поэтому мы вместе. И с вождением пялилась бы в телевизор или куда-то ещё, где в виртуальном мире обитают “полноценные” люди, и мечтала бы о такой жизни. Но всё дело в том, что я-то себя ущербным не считаю! И для меня важно, когда люди принимают и ценят друг друга такими, какие они есть. Возможно, помогая друг другу хотя бы морально, добрым словом, стать лучше...

С учётом сказанного выше становится понятно, почему женщины с такой жадностью набрасываются на “настоящего мужчину”, когда таковой им встречается. Вот только часто случается так, что у женщины ещё и лапша с ушей не успела попадать, а его уже и след простыл!..

Знаешь, на поверхности мы с тобой очень разные. Это не удивительно. У каждого из нас свой, особый жизненный опыт, разный багаж накопленных за жизнь знаний. Но на самом деле, при разумном подходе, не разжигающем разногласия, это даже здорово, когда люди в определённом смысле дополняют друг друга, так как тогда каждый может взять для себя “лучшее из двух миров”. Главное, чтобы люди были нужны друг другу и чтобы каждый желал другому добра. А ещё, есть некий фундаментальный момент, который нас объединяет: мы с тобой психи. Конечно, ты в этом плане гораздо лучше смотришься, и даже в течение какого-то времени ты можешь вполне успешно выдавать себя за вполне нормальную девушку, но... Именно это, наряду с весьма привлекательной внешностью, сослужило тебе очень плохую службу. Конечно, на какое-то время ты можешь отхватить себе очень даже приличного с точки зрения традиционных женских взглядов мужика. Он будет рассказывать тебе, какой ты станешь замечательной женой, и что он обязательно когда-нибудь тебя полюбит... Когда-нибудь... только не в этой жизни! Ибо у таких правильных обычно слишком узкий диапазон приемлемости, и тебе будет очень сложно в него вписаться. Он очень быстро смекнёт, что на одном половом влечении (а для чего ещё ты можешь быть ему нужна, если так разобраться?!) он с тобой далеко не уедет, тебя будут дрессировать, словно зверюшку. И в какой-то момент ты сломаешься. И тебя безжалостно пошлют. И будет там плач и скрежет зубов.

Конечно, всегда есть также вариант завести мальчика попроще. Он, конечно, во многом не будет тебя устраивать, зато будет лезть из кожи вон, дабы удовлетворить твои разнообразные капризы. А чтобы мальчик был постоянно в тонусе, тебе поможет книжка “как сделать мальчика зависимым”, или что-то в этом роде. И будет он испытывать к тебе щенячью привязанность... пока не встретит более опытного “кинолога”. Или до мальчика может дойти, что на самом деле его просто используют, и тогда он может очень расстроиться и начать мстить, и мсть его будет ужасна, но такое случается нечасто. А вот что точно случается всякий раз, и о чём забыл упомянуть автор, комфортно живущий и отдыхающий на дорогих курортах на деньги, собранные с несчастных женщин вроде тебя, так это что отношения, построенные на использовании одного человека другим, всегда получаются гнилыми. Чтобы построить действительно хорошие отношения, надо уметь не только брать, но и отдавать. Не отдаваться, т.е. отдавать своё тело, а отдавать себя, частичку своей души. Я понимаю, что многие женщины уверены, что им это незачем, т.к. тот, кто за ними бегает вроде и так старается. За тобой, например, мальчик бегал четыре года, и ты его использовала, как могла. Пока не поняла, что у тебя к нему ничего нет, точнее, пока не нашла другого. На

самом деле, ты это знала всю дорогу, но ведь он за тобой так красиво ухаживал... Конечно, это всё не было только игрой в одни ворота, и ты ему оказала неоценимую помощь, выбрав ему правильную одежду, сделал его более представительным и всё такое, благодаря чему он вскоре после вашего расставания быстро нашёл себе женщину. Кстати, что-то мне подсказывает, что он мог её вполне найти *до* вашего расставания! И учитывая, как часто вы виделись, просто мог тебе её тебе до времени не продемонстрировать!

Ладно, я понимаю, конечно, что зря я всё это пишу, не буду больше лезть в твою личную жизнь, тем более что тебе до меня давно уже дела нет. Мне просто очень жаль, что ты в итоге заняла по отношению ко мне такую позицию. Я признаю, что сделал много ошибок, мог чем-то тебя расстроить или обидеть, не сделал для тебя всего, что было в моих силах. Но я старался. Что ж, вероятно, чтобы понять, кто тебе в этой жизни друг, кто желает тебе только добра и кто действительно мог бы тебе помочь, тебе предстоит пройти ещё через много боли и разочарований. К сожалению, не в моих силах тебя от этого уберечь. И как бы ты теперь ко мне ни относилась, я постараюсь тебе помочь, чтобы тебе и твоей маме не приходилось бедствовать, с одной стороны, и чтобы тебе не приходилось торговать собой – с другой. До того момента, как у тебя появится тот, кто будет тебя содержать – тогда ты сама про меня благополучно забудешь, т.к. всякая надобность во мне для тебя отпадёт. Нет-нет, я никоим образом не пытаюсь тебя к чему-либо подталкивать, и, как я сказал, я буду стараться тебе помогать в этом плане столько, сколько я тебе буду нужен для этой цели. Просто я исхожу из того представляющегося мне очевидным факта, что, коль скоро ты не собираешься уйти в монастырь, то тебе рано или поздно кто-то понадобится...

Я хорошо осознаю также, что в этом письме было достаточно резких выражений, поэтому я очень прошу у тебя прощения, если что-то тебе показалось неприятным или обидным, а ведь что-то наверняка показалось... А ещё, я не извиняюсь за то, что не могу сделать тебя счастливой, т.к. убеждён, что сделать себя счастливым может только сам человек. Но прости меня за то, что не сумел помочь тебе найти твой путь к счастью. И я хочу, чтобы ты знала: я никогда, никогда не хотел от тебя сбежать. Если бы только видела, как тяжело мне было избавляться от вещей, которые я когда-то приготовил для тебя, зная, что они уже никогда больше не понадобятся! Тапочки, халатик, полотенце... “МуСя!!!!!!!!!!!!!! Где фока тапок!!!!!!!!!!!!!!” Я уже не муся, а тапочки с сердечками и со словом “любовь” так и не дождались...

Несмотря на это, я искренне желаю тебе всего наилучшего. Пусть всё у тебя будет хорошо.

*****

Джонни отправил ей своё письмо в 8 утра в понедельник. И тут же отправил ей смс с информацией о том, что он написал ей важное письмо, после чего на час выключил телефон, оправдывая это тем, что ему надо доспать, т.к. он не выспался. Что, кстати, было правдой, т.к. он чуть ли не до рассвета писал это злосчастное письмо. Джонни не случайно выбрал для отправки своего письма именно 8 часов утра. Он знал, что Леночка выходит из дома на работу в 7.45. Таким образом, предполагалось, что примерно с 8 до 9 она вынуждена будет думать о нём и его письме, что, согласно замыслу Джонни, должно придать ей нужный тонус. В первой смс, отправленной Леночкой, очевидно, как только она пришла на работу, было написано: «Зачем? Я ведь хотела с тобой поехать отдыхать...» На что Джонни отвечал, что он-то как хотел с ней поехать, всё это время, начиная с зимы, но при таком отношении... Во втором смс Леночка спрашивала, зачем было выбрасывать халат и тапочки. Так Джонни понял, что она дочитала до конца его послание. Однако содержательного диалога в тот день не получилось, т.к. в третьей смс, видимо, убедившись к тому времени, что у Джонни нет твёрдого и бесповоротного намерения её послать раз и навсегда, Леночка написала, что она сейчас не в состоянии об этом говорить, т.к. плохо себя чувствует. И хотя Джонни прекрасно понимал, что её «плохое самочувствие» в тот день было не более чем лживой отмазкой, он также отлично осознавал, что обсуждать ещё что-то в тот день было бессмысленно.

На следующий день, оправившись после первой своей реакции, Леночка спросила у него по телефону: «что это за истероидные письма я получаю от тебя?» Джонни попытался ответить, что письмо вовсе не истероидное, а содержит в себе массу важных и содержательных вещей, которые он хотел до неё донести. А то, что у письма немного эмоциональный тон, так это знаешь, накопело. Леночка же сказала, что ничего, кроме его беспомощной истерики, она там не увидела. А если накопело, мол, то напиши и – не отправляй. Так Джонни окончательно понял про Леночку, что, каким в итоге ни окажется её диагноз, договориться с ней по-человечески не получится никогда. Она просто не понимает по-хорошему...

Когда через несколько дней Джонни вылез в аську и ничего ей не написал, она спросила у него: почему ты мне не пишешь? Джонни ответил: не вижу смысла. Я вообще настроен тебя «отпустить». Однако Леночка тогда принялась настаивать, что «не надо меня никуда отпускать, я не хочу этого». И Джонни не мог не признать, что был тронут до глубины души, когда примерно через неделю после инцидента с письмом Леночка ему написала: «Большое тебе спасибо, что ты меня ещё терпишь, несмотря на мой несносный характер». Какой бы лживой на самом деле ни была её благодарность.

Однако никаких реальных подвижек в том направлении, чтобы её легче стало легче терпеть, за этим признанием, увы, не последовало. С одной стороны, конечно, Леночка купила себе платье для Веркиной свадьбы всего где-то за пять тысяч, хотя собиралась за двадцать. Потом призналась, что в июне ей всё же выплатили двадцать пять тысяч рублей зарплаты. (Каким бы омерзительным ни было поведение Леночки, она порой восхищала Джонни с точки зрения мастерства психологических манипуляций. Так, если бы она не стала говорить ему, что ей заплатили зарплату в июне, то логично было ожидать, что в июле Джонни уже не поверил бы, что ей всё это время не платили зарплату. Когда же она созналась, что в июне ей выдали

зарплату, это должно было поселить в сознании Джонни доверие, что когда ей действительно платят зарплату, она в этом сознаётся. Джонни просёк этот стратегический ход и решил ей подыграть. Он написал ей что-то вроде «спасибо, что не скрываешь факт выплаты тебе зарплаты в этом месяце и не пользуешься этим, чтобы стрелкнуть у меня ещё денег». На что Леночка ответила: «Я не манипулирую людьми». Но Джонни прекрасно понимал, что оба утверждения, «не пользуешься» и «не манипулирую людьми», на самом деле были ложными.) Однако вскоре, как и следовало ожидать, всё вернулось на круги своя.

В известной степени показательной была ситуация вокруг Веркиной свадьбы. Естественно, он не мог и надеяться с ней туда пойти. Ведь мало того что формально он был Леночке абсолютно никем и ей ещё неудобно было с ним куда-то показываться, так ещё и по очевидным причинам ей совершенно не нужны были с ним общие знакомые. Когда Джонни поинтересовался, что интересного было на свадьбе, Леночка рассказала ему, как разведённый мужик отпиливал свой замок с моста. (Впрочем, Джонни не поверил про замок. Он решил, небось, в интернете прочитала или слышала от кого прикол, и решила сюда приплести. Уж больно маловероятно чтобы она сама попала на такого мужика.) Когда же Джонни поинтересовался, что же интересного было на самой свадьбе, Леночка сказала, что там было очень скучно, тем более что она там была одна. И добавила, что она считает, что нужно устраивать свадьбу так, чтобы гостям было интересно. Отсюда напрашивались следующие выводы. Конечно, Джонни уже знал про Леночкину склонность к скуке и не видел ничего удивительного в том, что ей было скучно одной на чужой свадьбе, даже если это была свадьба её лучшей подруги. Однако применительно к Веркиной свадьбе наиболее примечательной была даже не склонность к скуке.

В данном случае больше всего обращало на себя внимание, что Леночка вовсе не радовалась за подругу. А зачем, собственно? Если общение Леночки с мужиками в основном сводилось к тому, чтобы чисто материально с них что-то поиметь, и в исключительных случаях – поиметь самого мужика, то на лучшую подругу она во многом смотрела, как на соперницу. А здесь этой сопернице удалось то, что самой Леночке было практически недоступно в силу её заболевания – Верка нашла себе мужа, с которым реально собиралась прожить всю жизнь, растить детей и т.д.

Джонни также сразу почему-то вспомнил, как Леночка говорила, что если Верка первой поедет в Италию, то она, Леночка, этого себе не простит. Конечно, Джонни прекрасно понял, что это как раз ему она не простит. Однако ещё больше его тогда поразило не это, а нездоровый дух бессмысленного соперничества у Леночки, отчётливо проступавший в такой постановке вопроса.

На следующей неделе Джонни оказался перед непростой дилеммой. У него нарисовались интересные поставщики, и он не хотел упускать шанс закупить кучу всего по весьма выгодным ценам. Однако это означало, что он на неделю-другую окажется на полной мели и не сможет давать Леночке запрашиваемые ею суммы. И он сделал выбор, который считал верным и разумным. Однако в выходные ему пришлось испытать негативные последствия такого выбора. Он отдал Леночке на расходы всего две тысячи. «Мне этого не хватит на неделю, даже чтобы только пообедать в столовой», – заявила она. Потом, естественно, всплыл вопрос о дне рождения. Конечно же, в сам день рождения Джонни поздравил её, отправив смс. Теперь речь шла о другом. Леночка говорила ему медленно, словно идиоту, тщательно произнося слова: «Меня зовут Лена. У меня был день рождения. Мне исполнилось 24 года. Где мой подарок?» Джонни сказал, что, к сожалению, на подарок у него не было денег, потому что все деньги он итак отдавал ей. «То, что у тебя не было денег – это твои проблемы. Меня они совершенно не волнуют. Я тебя ещё раз спрашиваю, где мой подарок?» Однако делать было нечего, и Леночке ничего не оставалось, кроме как проинформировать и без того неловко чувствовавшего себя Джонни о том, что после загранпоездки его главная задача – как можно скорее скопить денег на давно запрошенный ею подарок – водительские права для неё. Что, естественно, неявно подразумевало, что следующим его подарком ей будет автомобиль.

Видимо, слова Джонни об отсутствии денег и соответственно подарка так расстроили Леночку, что в следующие выходные она даже не соизволила с ним встретиться. Правда, в воскресенье вечером она всё же позвонила ему и стала рассказывать о том, как ей грустно и одиноко. Джонни же при этом думал обиженно: Естественно, тебе одиноко. Ведь я же для тебя не мужчина, не человек даже просто, а так только, чтобы деньги стрелять. Поэтому я не считаюсь, я пустое место, правда? И когда Леночка завела речь о том, что ей нужны деньги на текущие расходы, он робко попытался спросить у неё: послушай, почему я должен тебя содержать? Ты мне что, жена? Однако Леночку такой вопрос совершенно не смутил, и она хладнокровно ответила: я твоя Нахлебница!

В своих тщетных попытках достучаться до Леночки, пробудить у неё какие-то человеческие чувства к себе и вообще, Джонни перепробовал много всего. Он даже пробовал скачивать и изучать всяческие пособия по окучиванию женщин, о которых сам же в разговорах с другими презрительно отзывался как о шарлатанстве, но всё же вынужден был на них обратить внимание в иллюзорной надежде: а вдруг? Потом слушал пару раз аудио-курс: как научиться общаться с людьми. Однако ни то, ни другое ему не помогло.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о Леночке, Джонни несколько дней подряд зависал на том самом сайте, где они познакомились когда-то с Леночкой, теша себя призрачной надеждой, что возможно у него получится переключиться на кого-то ещё. Поводом к возобновлению визитов на тот сайт послужило то, что робот с сайта, заметив, что Джонни там давным-давно не появлялся, прислал ему письмо с извещением, что Джонни сделали на сайте «особо важной персоной». Это давало ему возможность смотреть фотографии

девушек крупным планом, что для Джонни, которому от девушек всю жизнь доставались лишь фотки, было несомненным плюсом. Подобное извещение приходило ему и в феврале, однако в те дни, когда Леночка собственной персоной приезжала к нему ночевать, он даже не удосужился заглянуть на сайт. Теперь же, когда стало ясно, что с Леночкой никаких положительных перспектив нет и быть не может, он пытался найти утешение там.

Однако нескольких дней пристального разглядывания на сайте наглых профессиональных содержанок, а также безликих в человеческом плане офисных служащих, которые реагировали на него презрительно, а чаще просто никак, что те, что другие, Джонни погрузился во мглу отчаяния.

Небольшой просвет наметился, как ему показалось, через неделю, когда они с Леночкой провели вместе большую часть дня, сидели сначала в кафе, потом пошли в кино, потом снова в кафе. По пути в кино, на протяжении части фильма и по пути из кино они даже держались за руки. Однако Джонни уже давно не питал никаких иллюзий относительно неё. В частности, он догадывался, что мама её в отъезде, а потому Леночку просто некому покормить, вот она и ходит по ресторанам.

В следующую пятницу он заметил Леночку в аське и решил ей написать, просто спросить как дела. На что она ответила: вот интересно, если бы я не вылезла в аську, ты бы вообще про меня не вспомнил, да? На это Джонни сказал, что помнит про неё постоянно, но помнит он также и о том, что поскольку ей от него кроме денег ничего не нужно, то какой смысл писать, когда мало денег? Леночка уверенно ответила ему: ты совершенно неправ. Однако на самом деле, конечно, они оба знали, что это так.

Следующий день, суббота 16 июля, оказался наполненным событиями. Причём Джонни даже сразу не мог дать себе отчёт, насколько. Утром его разбудила Леночка своим звонком и сказала: «не фиг спать!» Потом принялась жаловаться ему на то, что у неё опять болит живот внизу, т.к. она полночи развлекалась с фаллоимитатором. Джонни такое начало разговора, конечно, не понравилось. Его так и тянуло спросить у неё, звали ли этого фаллоса так же, как того что в мае, или нет, однако он деликатно промолчал и слушал дальше. Потом она стала говорить ему, чтобы он не пытался понять женщину, потому что он всё равно никогда её не поймёт. Такой поворот разговора нравился ему ещё меньше, поскольку он чувствовал в нём указание на его интеллектуальное бессилие. А также на то, что она сделала или собирается сделать нечто такое, что не вписывается в рамки человеческого понимания. Дальше разговор становился ещё «веселее»: «Не отпускай меня никуда. Я не хочу этого, понимаешь?» От этих слов Джонни стало ещё больше не по себе. Потом она неожиданно попросила его: приезжай сегодня ко мне в гости, хорошо? Джонни сказал, что он бы с удовольствием, но у него сегодня клиент. Тогда Леночка сказала: приезжай тогда после клиента, хорошо? Заодно и денежек побольше привезёшь.

В честь такого случая, что Леночка в первый раз пригласила его к себе домой, ему захотелось сделать для неё что-то приятное. Однако, когда она спросила: «зачем ЭТО?», покосившись на принесённые им розы, он почти пожалел о своём благом намерении. После чего Леночка взяла у него цветы таким движением, по которому чувствовалось, что она привыкла их как веники в помойку выкидывать. Правда, потом Леночка проявила неожиданное гостеприимство по отношению к нему, усадив его за стол и даже накормив салатом а-ля оливье из магазина, разогретым в микроволновке. Пока Джонни ел салат, Леночка рассказывала ему историю одной своей знакомой и спрашивала, что ей лучше посоветовать. Джонни при этом отметил про себя, что почему-то слишком многие Леночкины знакомые встречаются с женатыми мужчинами. К чему бы это? - недоумевал он. И зачем на самом деле она рассказывает это мне? Неужели ей на самом деле так важно предстать перед той разрушительницей чужой семьи таким знатоком человеческих душ, что она решила ещё проконсультироваться со мной?

Потом Леночка, как всегда непринуждённо, сменила тему. И поведала ему о том, как одна её подруга заметила некоторое охлаждение со стороны своего молодого человека. Тогда Леночка, по её словам, сказала ей, что может у него ещё кто-то есть, или он на сайте знакомств с кем-то встречается. Однако подруга ей не верила. И тогда Леночка, как она сказала, специально чтобы показать подруге, нашла её молодого человека на сайте знакомств. Ты же знаешь, что там можно просматривать анкеты без регистрации, - пояснила она. Однако потом, по её словам, Леночка стала говорить подруге, чтобы та сильно не расстраивалась. Мол, ты же знаешь, как бывает: люди сидят всю жизнь каждый на сайтах знакомств, и при этом у них общие дети растут. А есть люди, которые ни на каких сайтах не сидят, а просто разбегаются, и всё. Джонни, естественно, был удивлён и даже немало насторожен рассказом Леночки, однако так никогда и не понял, *зачем* она тогда ему это сказала!

Потом они пошли в комнату, и Леночка сказала: я хочу тебе показать фильм «о чём говорят мужчины». В процессе просмотра фильма Джонни особенно насторожился один момент. Когда Леночка вышла в туалет, Джонни дотянулся до компьютера и остановил фильм, чтобы она ничего не пропустила. Однако когда она вернулась, он сказала что не надо так делать, потому что я уже смотрела этот фильм не раз. На Джонни произвело тогда впечатление не только и не столько то, что она это сказала, сколько то, что по её поведению было видно, что она опасалась того, что он будет рыться в её компьютере. Джонни, конечно, мог догадываться, что там скрывается такое... однако в любом случае пытаться улучшить его момент чтобы порыться в её компе он не стал бы – слишком высок был риск.

По окончании фильма Леночка взяла у него деньги, высказала своё фи, что так мало и выпроводила его из квартиры.

В понедельник позвонила Леночка и поинтересовалась когда, наконец, у него будут деньги, чтобы они могли поехать нормально отдохнуть. Потому что ей нужно либо брать отпуск через неделю, но тогда на имеющиеся семьдесят тысяч они смогут поехать только в Турцию, либо планировать на какое-то другое время. Джонни ответил: поступай, как тебе будет удобнее. Это разозлило Леночку: почему ты не можешь хоть раз повести себя как мужчина и принять решение? Кто из нас тут вообще мальчик, ты ли я? Вопрос с принятием решения в случае с Леночкой был для Джонни очень непростым. Из своего обширного опыта наблюдений за женщинами на сайтах знакомств, Джонни был в курсе, что им очень нравится, когда мужчина читает их мысли. Но Джонни понимал, что если смотреть на вещи реально, для этого в первую очередь нужна нормальная, здоровая коммуникация между людьми, когда они друг другу откровенно, искренне, рассказывают о том, что им интересно, что им нравится, а что нет. Для Леночки же её «мнение», как правило, было не устойчивым, выстраданным убеждением, а скорее гибким инструментом манипуляции. Потом, Джонни понимал, что даже если первоначально ему удастся угадать или как-то иначе почувствовать или разгадать её предпочтение в том или ином вопросе, как чуть что не так – виноват всегда будет он. Потому что одна из наиболее отчётливо заметных черт её характера состояла в том, что она никогда реально не брала ответственность и вину на себя, даже если было понятно, что именно она была причиной той или иной неприятной ситуации. Однако когда Джонни изложил эти соображения Леночке, она была очень недовольна и сказала что с его стороны всё это отмазки, и что если он хотел бы и был готов что-то делать, то делал бы, а так он просто ищет причины избежать этого.

Но, так или иначе, через пару часов после этого непростого для Джонни разговора позвонила Леночка и сообщила, что в ночь на воскресенье они вылетают в Турцию. Вечером они встретились в ресторане, и Джонни передал ей свои документы и ещё немного денег для оформления поездки.

На следующий день вечером Джонни ковырялся в компьютере, стараясь выполнить заказ, чтобы получить ещё немного денег, поменять их на доллары и взять с собой в Турцию. Однако мысли его при этом всё время вертелись вокруг Леночки. Ему не давал покоя её рассказ о том, как она нашла парня подруги на сайте знакомств. Наконец, Джонни не выдержал, подошёл к своему компу, вылез на сайт, где они когда-то познакомились с Леночкой, и... увидел там Леночку. Естественно, он был просто в шоке. Она мало того что искала (по крайней мере, если верить её анкете) там себе мужика для регулярного секса и в перспективе брака, так ещё и подняла свою анкету в поиске пару часов назад.

Невротическое сознание Джонни услужливо рисовало ему, как Леночка совокупляется с приглянувшимся ей мужиком, пока он совокупляется с чужими старыми компьютерами, дабы исполнять очередной её каприз. Но что он, Джонни, мог сделать, кроме того, чтобы просто послать её насовсем? Он мучительно искал и не находил удовлетворительного ответа на этот вопрос. Думал об этом полночи, даже не выспался толком. А утром ему позвонила Леночка, как ни в чём не бывало, и сказала, что этим вечером нужно её покормить в ресторане. Джонни согласился, решив, что им есть что обсудить.

По пути на встречу с Леночкой Джонни должен был заехать в один компьютерный магазин. В дороге он не сдержался, и отправил ей смс. Джонни писал, что она может сколько угодно знакомиться с мужиками, но вряд ли кто станет возиться с ней и её капризами так, как он, Джонни. Ответ Леночки был резким и агрессивным: «ты меня за**д уже своим нытьём! У меня здесь много дел на работе, а ты вместо того, чтобы деньги зарабатывать, занимаешься всякой х**ней!» На это Джонни ответил, что он её ни разу ни е**д, и что он сомневается, что те, которые будут её е**ь, позаботятся о ней лучше. Леночка же, как обычно, ушла от разговора по существу, написав, что сейчас не может переписываться, мол, при встрече поговорим.

То ли Леночкины ответы на него так повлияли, то ли его внутренний настрой изменился, однако по пути на встречу с Леночкой после магазина Джонни стал склонен думать, что сейчас не лучшее время поднимать с ней тему её знакомств. В самом деле, он не хотел все шесть дней в Турции выяснять с ней отношения. У него там будет время разобраться в ней получше и понять, чем больна её душа, насколько к ней вообще применимо это понятие. Если выяснится, что состояние её безнадежно и ей нереально помочь, то он может послать её сразу по возвращении в Москву. Если же выяснится, что шанс есть, пусть и небольшой, то у него по возвращении в Москву будет время разобраться и действовать по науке. А может (а тут в нём заговорил самый что ни на есть трусливый невротик) они просто вместе разобьются в самолёте, и тогда... А что тогда? А тогда ничего. И никогда!

При встрече Леночка сразу же перешла в наступление:

- Ну? Что ты там за стероидные смс мне пишешь?

- Ладно, проехали уже!

- Нет, не проехали! Что это ты сразу голову в шею втянул, как кот, который насрал под ковёр и знает, что его сейчас будут бить?

В то же время, Джонни не мог не отметить, что, несмотря на такое отношение к нему со стороны Леночки, ей было не всё равно, с кем он встречается даже по делу. Один из его поставщиков сказал, что ему во что бы то ни стало надо продать память именно в этот день. Поэтому Джонни ничего не оставалось, кроме как позвать его в ресторан, где он сидел с Леночкой. Увидев, что Джонни встречается с парнем, Леночка отметила: я думала, мало ли, вдруг ты девочку мне сюда приведёшь! Естественно, Джонни был несказанно удивлён столь эгоцентричной формулировкой: в самом деле, если бы он и привёл девочку, то скорее себе, а не ей!

Когда за день до вылета Джонни рассказал свою историю с Леночкой товарищу, тот только покачал головой: ты добрый человек, Джонни! Я уверен, что она смеётся над тобой у тебя за спиной! Она сама, наверное, удивляется, как ей повезло, что она лоха такого нашла! Сам подумай – ты на меня не обижайся только,- какой ещё идиот будет постоянно давать деньги бабе, с которой у него ничего нет, не было и не будет! Нет, конечно, может, ты на что-то ещё надеешься, вот она под это так и будет тебя разводить, пока у тебя все деньги не закончатся, и тогда она точно тебя пошлёт!

Это ещё больше испортило ему настроение, как и то, что под конец разговора друг у него стрельнул несколько тысяч типа в долг на ремонт своей машины. Видимо, руководствуясь такой логикой, что всё равно иначе Джонни все деньги отдаст ЭТОЙ. Конечно же, он их никогда не вернёт, как и те несколько десятков, что он уже должен.

В Турцию Джонни вылетал с неважным настроением. Однако уже по пути его ждали сюрпризы. Неожиданно, ещё в Домодедово перед вылетом, Леночка завела с ним разговор о том, чтобы он купил ей машинку. Недорогую, что-нибудь типа Пыжика 307 или 308.

В самолёте, уже на подлёте к Анталии, Леночка положила на него свою голову. И Джонни думал о том, что если действительно она его просто использует, и у неё нет к нему никаких чувств, никакой даже чисто дружеской привязанности, то какой же нужно быть гениальной актрисой, чтобы вот так себя вести!

Однако на этом Леночкины нежности практически закончились. Не спавшему прошедшей ночью ни минуты невроту Джонни, для которого любое путешествие было целым событием, оказавшемуся первый раз в жизни в чужой стране вообще и в Турции в частности, было непросто сориентироваться. В результате, как по дороге в отель, так и уже в отеле он время от времени ошибался с «куда идти» и «что делать дальше». Это бесило Леночку, которая со страшной силой ругалась на него за то, что он «ужасно тупит и тормозит». От этого Джонни начинал нервничать, и, как следствие, тупил и тормозил ещё больше. Он объяснял себе это так, что у него гиппокамп и другие используемые в этих ситуациях отделы ЦНС хуже функционируют в условиях постоянного стресса, нагнетаемого её постоянными наездами и негативным отношением. Получался замкнутый круг.

На третий день вечером Джонни не выдержал и сказал ей, что она ведёт себя очень глупо. Лучше бы нормально разговаривала с ним и ума набралась, ей бы не помешало. На это Леночка презрительно заметила, что не видит смысла. Мол, ты только строишь из себя такого умного и умничаешь, а на самом деле ты самый обычный, только ещё к тому же постоянно тормозишь и тупишь. Попивая красное вино, она говорила ему презрительным тоном: вот раз ты такой умный, посоветуй, что мне делать. Мне на работе не нравится моя начальница. Но уходить с этой работы я не хочу. Какая разница почему? Просто не хочу! И вот скажи, что мне делать, чтобы убрать начальницу? Распиши мне мои действия по шагам, чтобы в результате её не стало. У нас там лестница очень крутая, так что я могла бы, конечно, аккуратно подножку ей сделать или верёвку тонкую натянуть, чтобы она навернулась. Но она при этом вряд ли убьётся насмерть, просто окажется на пару месяцев в больнице, а потом вернётся снова. И она спит с более высоким начальником, так что позиции её в организации достаточно прочные. И что ты мне можешь посоветовать? С кем мне тогда нужно переспать? С министром? С замминистра? Так меня туда на порог не пустят! Ничего не можешь посоветовать?! Вот и не х** тогда строить из себя, что ты такой умный. Джонни попытался спокойно объяснить ей, что, возможно, он бы хотел побыть президентом США или королём Великобритании. Но, поскольку он ни в одной из этих стран не родился, то ему, очевидно, это не светит. Леночка, однако же, сказала ему, что это неудачное сравнение. Так как в отличие от его примера, убрать её начальницу вполне реально. Просто он не может это сделать, потому что не знает, как.

На следующий день стиль её разговора с ним стал ещё более негативным и хамским. К этому, видимо, её подтолкнуло высказанное Джонни намерение сократить её довольствие. Сначала она завела с ним разговор о том, что ей понадобится пара сотен долларов, чтобы купить в duty-free на обратном пути своим коллегам алкогольные напитки в подарок. На что Джонни ответил: зачем покупать им подарки? За то, что тебе не платят зарплату? Его просто бесило то, как нагло и бесстыдно она пыталась его использовать, чтобы произвести положительное впечатление на других. Другого лоха себе поищи деньги стрелять на такие цели! На это Леночка ответила: хорошо, я тебя поняла. И сказала это таким тоном, словно пытаясь ему показать, что он ещё пожалеет об этом.

Второй неприятный разговор случился, когда Джонни обратил внимание, как Леночка шлёт в роуминге одну смс за другой. Естественно, он тут же прикинул, как за считанные минуты с её счёта уходят сотни рублей, а потом подумал о том, кто потом будет платить за её переписку. Однако самым неприятным для него была, пожалуй, мысль о том, что она за его счёт, небось, переписывается с кобелями с сайта знакомств. Естественно, про знакомства он ей сказать там, в Турции, не был готов. А спросил у неё просто: сколько же денег у тебя уходит? В ответ Леночка соврала, что, если спишут много денег, то она просто выкинет симку. Такое её заявление показалось ему настолько абсурдным, что он удивлялся, как она может так врать. Неужели она действительно считает, что я в такое поверю, – недоумевал он. На всякий случай, правда, он задал ей вопрос: так у тебя же тогда номер поменяется?! Но Леночка ответила: ну и что!

А ещё, видимо, ей очень не понравилось, когда в тот же день утром, послушав её очередную наглую ложь, он попросил её по возможности всегда говорить ему правду. На что она, как обычно, сделала очень честные глаза и невозмутимо ответила, что она практически всегда ему говорит правду и только правду.

Месть, которая проявлялась в её отношении к нему, не заставила себя долго ждать. Так, когда они вместе купались, и он вплотную подошёл к ней, она сказала, чтобы он соблюдал её личное пространство. А когда он в ответ посмотрел на неё обиженным взглядом, она резко сказала, что не надо на неё так смотреть, как мышь на крупу. Мол, если тебе неприятно, то когда приедем в Москву, не будем с тобой больше общаться. Естественно, Джонни был в шоке от такого заявления, хотя и был уверен, что при таком «общении», что имело место между ними, это было не в её интересах, потому что в Москве она, очевидно, захочет на нём паразитировать и дальше.

Видимо, решив, что раз он не хочет все деньги тратить на алкоголь для её покровителей с работы, то надо потратить его деньги как-то иначе, Леночка предложила съездить на экскурсию на водопады. Впрочем, Джонни был вовсе не против, особенно учитывая, что потратить деньги на экскурсию ему было куда приятней, нежели на алкоголь в подарок её хахалям.

Однако на экскурсии его ждало самое настоящее шоу. Когда они шли к главному водопаду, Леночка неудачно выпрямилась в ущелье и ударилась головой о каменный свод. В результате она держалась за голову и плакала, а Джонни бегал вокруг неё, пытаясь убедить приложить что-нибудь холодное к голове. Например, её кепку, которую он намочил водой из водопада. У неё же случился приступ агрессии, в котором она повторяла: «я тебя ненавижу», обвиняя Джонни в том, что он не уберёт её от того, что она неудачно распрямилась. Конечно же, он в очередной раз винил себя в своей отрешённости от реального мира, погружённости в свои мысли, когда за Леночкой нужен глаз да глаз. Но всё-таки ему почему-то казалось, что это уже слишком. Также ему казалось, что у человека, получившего серьёзную черепно-мозговую травму, главным приоритетом должно быть получение первой помощи, а не выяснение отношений. А ещё, он никак не мог отделаться от ощущения, что даже плакала она как-то ненатурально, словно плохой актёр. Не было в её истерике той глубины чувства, которая обычно характеризует подобные женские проявления. Кроме того, когда на обратном пути таксист, хорошо говоривший по-русски, спросил у неё, понравилось ли им на водопадах, она безо всяких всхлипываний бодрым тоном ответила, что да.

Вечером, попивая коньяк, она решила с ним поговорить по душам. Ради такого случая обычно не пьющий Джонни даже разрешил ей добавить немного коньяка в кока-колу, которую он пил по такому случаю вместо традиционного для него сока. После нескольких общих слов Леночка предложила: давай выпьем за тебя. Я не знаю, кем ты мне приходишься. Ты мне не друг, не муж и не любовник. Ты мне не нравишься. Я очень хотела бы видеть в тебе мужчину, но ты в чём-то как женщина, а в чём-то как ребёнок, но не мужчина. И если ты к своим годам не стал мужчиной, то ты им уже и не станешь. Как человек, ты даже слабее меня! Чуть что тебе не понравится – ты сразу в истерику. Мужчина должен уметь быть жёстким, когда надо уметь ударить кулаком по столу. Ты живёшь там в каком-то своём мире бредовых фантазий и совершенно не приспособлен к реальной жизни. Ты постоянно теряешься в пространстве и времени. Ты не умеешь радоваться жизни здесь и сейчас. В ответ Джонни начал смущённо мямлить что-то о том, как с таким её отношением к нему здесь и сейчас радоваться ему особо нечему. Он осознаёт, что был неправ, занимая с ней недостаточно жёсткую позицию. Эх, если бы он мог вернуться в то время в начале года. Когда она говорила ему, как сильно он ей нужен, когда она собиралась переезжать к нему... Она продолжала: тебе сейчас будет больно, но я тебе кое-что расскажу про то время. И она поведала ему о том, как в то самое время она якшалась с женатым мужиком со своей работы, как он ей настолько понравился, что она сразу же стала забывать своего бывшего. Как до встречи с тем мужчиной она приходила на работу за сорок минут до начала трудового дня и всё это время плакала о своём бывшем. А, между прочим, это именно по вине Джонни она тогда прекратила преследовать своего бывшего. А если бы не прекратила, как ей потом сказали, ещё пара месяцев, и её бывший был бы полностью в её распоряжении. Мол, ты просто в реальных людях, в женщинах особо не разбираешься, потому что ты с ними даже не встречаешься, ты просто не видишь их в реальной жизни, и потому не знаешь, какие они. У тебя есть только твой собственный бред о том, как устроены люди. Когда Джонни слушал её рассказ, ему вдруг почему-то захотелось стукнуть кулаком... не по столу, а по её лицу... хорошенько так. Чтобы эта сука умылась своей кровью и надолго потеряла товарный вид! Чтобы ей на Ярославке никто больше чем по двести пятьдесят рублей не давал за час траха. (Ему почему-то в тот крайне неприятный для него момент вспомнилось, как примерно в то время, когда она начала рассказывать ему байки о том, как ей не платят зарплату, она говорила ему, что если у неё не будет денег, то ей что, с голоду подохнуть, или на Ярославке стоять? У него ещё тогда в голове роились циничные мысли типа: «ну если это единственное, как ты можешь себе на жизнь заработать...»). А ещё он думал о том, что эта тепличная фифа, привыкшая паразитировать на домашних мальчиках, просто не выжила бы среди матёрых, агрессивных приезжих шлюх, прошедших огонь и воду. Не говоря уже о дискомфорте и явных опасностях, сопряжённых с самими актами оказания «услуг».) Но эмоции эмоциями, а действовать на их основании он не мог. И дело даже не в возможных организационных неприятностях с турками. Которые хотя и могли бы, если что, понять такие крайние меры в случае, «если женщина забыл свой место», но законы всё же диктовали иное. Но дело даже не в этом. Он всю свою сознательную жизнь был категорическим противником насилия, тем более по отношению к женщине, особенно душевнобольной женщине. Но как же быть? Неужели он мог оставить вот такое отношение к себе безнаказанным? Первое, что приходило в голову – послать её на XXX сразу по возвращении в Москву. Даже можно не посылать, а просто перестать давать деньги, и она исчезнет из его жизни раз и навсегда сама собой. Но чего он этим добьётся? Она очень быстро нового лоха себе найдёт в инете. А если с этим будут сложности, пока будет

искать, пойдёт на работе к начальнику, ноги раздвинет... благо ей не привыкать! А скорее, и то, и другое. И что было самым неприятным со всём этим, так это что он всё острее чувствовал, что просто не может вот так взять и выкинуть её из своей жизни и из своей головы. Он уже почти не надеялся сыграть какую-то позитивную роль в её жизни, помочь ей по существу. Однако многое из того, что с ней связано, так и оставалось в его голове мучительной загадкой.

Тем временем Леночка продолжала: «Я не знаю, кем ты мне станешь со временем: просто другом, мужем или любовником. Но я здесь, с тобой, и я рада этому. А ещё, я очень надеюсь, что ты и дальше будешь рядом со мной». То ли алкоголь на Леночку так подействовал, то ли ещё что, но остаток того вечера они провели очень дружно. Они пошли и сделали себе временные татуировки – Леночке цветочек, а Джонни – портрет Че Гевары. Он был дорожке стандартного невыразительного рисунка, однако Джонни заявил, что он хотя бы в этом хочет «быть как Че». Хотя он, конечно же, всю жизнь старался использовать более мирные методы, нежели легендарный революционер.

Когда уже собирались ложиться спать, Леночка неожиданно плюхнулась рядом с ним на кровать, обняла его сзади и сказала о том, что иногда ей так не хватает мужской ласки. И Джонни немного поласкал её через бельё.

Утром, выходя из туалета, Джонни увидел перед собой Леночку, которая, судя по выражению на её лице, очень туда стремилась. Выйдя оттуда, она сказала, что, наверное, съела что-нибудь не то, потому что у неё какое-то желудочно-кишечное расстройство. Джонни не пошёл на завтрак, а сидел всё время около её постели, пытаясь уговорить её побольше пить и грея своими ладошками ступни её ног, которые, по её словам, у неё почему-то были холодные в то утро, несмотря на жару за окном. Леночка время от времени бегала в туалет, а Джонни терялся в догадках, действительно ли она неважно себя чувствовала, или это всего лишь очередной её спектакль, которые она такой мастер устраивать. А ещё, он думал тогда о том, что систематическая патологическая ложь имеет такое негативное последствие, что самые доверчивые люди могут перестать верить лжецу, и не поверить ему, когда он скажет, что ему плохо, и соответственно не помочь.

Во второй половине того же дня Леночка произвела на него впечатление тем, что выглядело как нехарактерная для неё забота о нём. Когда Джонни пришёл к бассейну, около которого загорала Леночка, она сказала, что тут только что давали мороженое. И что она взяла на его долю тоже, но оно растаяло, и она его выкинула. И тут же вернулась с ещё одной порцией, которую протянула ему. Джонни взял мороженое, поблагодарил Леночку и серьёзно задумался о том, как иногда простыми, малыми вещами можно дать понять человеку, что о нём заботятся. Вот он вроде постоянно старается что-то сделать для Леночки, а сам забывает по принести ей что-то, то налить. Но себя, как справедливо указывает ему в таких случаях Леночка, он при этом почему-то не забывает...

Собираясь в Турцию, Джонни почему-то тешил себя иллюзией, что, может, когда Леночка отдохнёт, она не будет такой недовольной. Не тут-то было! Хотя, впрочем, от чего ей отдыхать, если она на работе не очень-то напрягалась. Так или иначе, за день до отъезда на прямой вопрос она ответила, что ей было скучно. Мол, на дискотеку не сходишь, потому что Джонни танцевать не умеет. Даже в карты не поиграешь, потому что опять-таки Джонни не умеет. А учить она его не собирается, потому что он уже взрослый мальчик. И если он чего-то не умеет, то это его проблема, не её. В общем, опять она недовольна, и опять в этом виноват не кто иной, как Джонни.

Первая неделя по возвращении из Турции выдалась для Джонни омерзительной. Леночка сидела на сайте знакомств. А ещё, не постеснялась написать ему, что ей звонил её бывший, пьяный в зюю, и предлагал заняться сексом. «Я сказала: НЕТ». А нашему герою сказала: давай встретимся в пятницу, ты мне дашь денежку. Он решил, что это уже слишком и настроился не давать. Его особенно бесило то, что она собиралась с ним встретиться именно в пятницу, потому что выходные собиралась провести с любовником (такова была его догадка).

В четверг вечером Джонни сказал ей: какого хрена я тебе должен давать денег, если ты себе мужика ищешь? Вот как найдёшь, пусть он тебе денег и даёт. Тут она устроила ему целый спектакль с психической атакой. Она вдруг стала называть его на Вы. Она так не делала даже тогда, когда они только познакомились в интернете. Мол, я же ясно сказала, что никого себе не ищу и не собираюсь, а Вы мне не поверили. Теперь Вы мне чужой человек. А поскольку просто так можно брать деньги только у своих людей, я возьму их у Вас в долг. Надеюсь, Вы не станете сомневаться в том, что я всегда возвращаю свои долги! А потом ещё написала ему смс, в которой говорила, что ей его жаль, что он мог бы быть самодостаточным человеком. Что за бред вообще?!

Когда на следующий день, полностью деморализованный, он размышлял над тем, что бы всё это значило, раздался её звонок. Она бодрым голосом, как ни в чём не бывало, сообщила ему: мы с тобой встретимся в воскресенье.

В воскресенье она ему позвонила откуда-то явно издалека, потому что её было плохо слышно. Джонни моментально понял, что она поехала на дачу к одному из своих любовников.

В тот же день к вечеру они встретились, чтобы вместе идти в кино. Точнее, кино в данной ситуации было предложено, потому что Джонни прекрасно отдавал себе отчёт в том, что ей нужно было у него просто взять деньги на свои карманные расходы, а также, чтобы отложить на дублёнку, которую она давно мечтала себе купить. Джонни страшно презирал себя за то, что вообще продолжает в сложившейся ситуации с ней

общаться. И в то же время он не видел для себя на тот момент другого выхода, потому что очень хотел разобраться в этой страшной загадке и понять, что же она за человек. Потому что если бы общение между ними тогда прекратилось, она бы так и осталась для него мучительной загадкой, которая до конца его дней не давала бы ему покоя.

Она встретила с ним по пути домой оттуда. Хотя, естественно, он не имел никакой возможности проверить, версия про любовника косвенно подтверждалась. Когда Джонни встретился с Леночкой в тот день, он был просто поражён: никогда, пожалуй, он не видел её ещё такой красивой и нарядной. Он просто не удержался, сделал ей комплимент на эту тему, и спросил: откуда ты такая? На что Леночка, не моргнув своими как всегда честными глазами, ответила: я же тебе говорила, что я ездила к девочке на дачу! Они просто со своим гражданским мужем поругались и теперь не спят вместе, так что я езжу туда к девочке на выходные и ночью там у неё. Если бы ему кто-то со стороны рассказывал такие истории, ему было бы интересно, что бы сказал её любовник, если бы знал, что его за глаза называют то фаллоимитатором, то девочкой. Однако в тот вечер Джонни было не до веселья.

Джонни не стал расспрашивать Леночку, зачем она так наряжалась на дачу к девочке. Вместо этого он спросил её про ситуацию на работе и как там поживает её начальница, не упала ли она ещё с Леночкиной помощью с лестницы? Леночка ответила, что ей удалось благополучно уйти от начальницы, перейдя в юридический отдел. К тому самому Петру Ивановичу. Джонни при этом почему-то вспомнил, как Леночка однажды в июне позвонила ему ночью, когда она, по его представлениям, давно должна была спать. И рассказала о том, как будучи пьяной, так откровенно приставала к этому самому Петру Ивановичу на глазах у всех, что он пытался смущённо шептать ей: «Лена, я люблю свою жену. Я дорожу своей семьёй. У меня дети. Лена!..»

Джонни не стал развивать тему отсутствия у Леночки юридического образования – ему было и так ясно, что мужчины из юридического отдела ценили её за иные способности. Зато сам факт её перехода в другой отдел позволил ему кое-что проверить. Судя по тому, что её организация вывесила в интернете вакансию на Леночкину должность с указанием Леночки в качестве контакта, Джонни сделал вывод, что она говорила правду о своём переходе в другой отдел. Хотя, собственно, как раз в этом-то он не сомневался! Зато выяснилось, что Леночка всю дорогу врала о своей заработной плате, умышленно занижая её размер. Джонни узнал об этом из того, что соискателю на её место обещали на десять тысяч больше того, чем она получала, если верить её словам. Правда, здесь был ещё такой нюанс, что теоретически возможен был вариант, что её работодатели ввали соискателю про его реальную зарплату. Однако Джонни исключил этот вариант как маловероятный. Ему же всё-таки хотелось надеяться, что там не все такие, как Леночкины любовники и сама Леночка.

В следующие выходные, когда они сидели в ресторане, Джонни сказал Леночке: я знаю, что ты знакомишься с мужиками на сайте знакомств. Вначале она стала отпираться: мол, это очень серьёзное обвинение! Я пересмотрю все сайты знакомств, и если я себя там не найду, ты меня больше не увидишь! Потому что я точно знаю, что нигде свою анкету за последний год не размещала! Он спросил её, как она тогда объяснит, что её анкета висит на том сайте, где они когда-то познакомилась? Более того, она сама фактически тогда намекнула ему об этом. Её ответ поразил его, словно удар грома: так это ТЫ меня там разместил! От неожиданности Джонни некоторое время не находил что сказать, но потом кое-как пришёл в себя и пробормотал: я?! Да мне-то зачем это надо?! Какие у меня могут быть мотивы? Она, как всегда, не замедлила ответить: как какие мотивы? Чтобы избавиться от меня! И не давать мне денег! -Хм. А тебе не кажется, что в таком случае мне проще было бы просто сказать тебе, что денег нет, и всё? -Мусь, так я же тебе не поверю!

После этих слов Леночки Джонни молча протянул ей конверт, в котором лежали тридцать тысяч, полученные им за эту неделю. Это же надо такое сказать! Какая актриса! Он чувствовал себя уже не просто лохом, а лохом – Меценатом!

То ли еда в ресторане была неважной, то ли он недостаточно хорошо помыл фрукты дома, но в середине следующей недели Джонни почувствовал себя плохо. Ситуация усугубилась тем, что он был настолько погружён в неприятные раздумья, что сразу не придал значения слабости и прочим признакам недомогания и вовремя не начал принимать меры для лечения, что значительно ухудшило в итоге его состояние. У него была очень высокая температура и прочие признаки то ли микробного отравления, то ли кишечной инфекции. Но даже лёжа в полубреду, он не мог не думать напряжённо о сложившейся глупой и крайне унижительной для него ситуации вокруг Леночки. В какой-то момент, собравшись с силами, он дополз до своего единственного преданного друга – старого раздолбанного компьютера, и написал Леночке в аську о том, что с ним произошло. Она же, как и следовало ожидать, не проявив и тени сострадания, восприняла это скорее как забавный курьёз, рисовала весёлые смайлики и всё такое. «Чего нахомячился-то, Мусь?»

И вдруг, среди полубреда, в его больной голове родилась изумительная догадка. Он неожиданно осознал, в каком направлении надо копать в поиске истины и даже удивился, почему он не пришёл к этому раньше. И в этом ему помог изумительный источник знаний, которым он регулярно пользовался. В это жестокое время, когда многие стремились использовать ближнего своего по максимуму, Джонни всегда восхищался людьми, которые были готовы бескорыстно помогать другим. Одним из величайших изобретений современности он считал Википедию, где благородные знающие люди, не ища золота и славы,

делились со всеми нуждающимися одной из важнейших ценностей нашего времени – информацией. Джонни ввёл в поисковую строку Википедии то, что он считал в первую очередь характеризующим Леночкино поведение: «отсутствие эмпатии». И ему открылась разгадка тайны её характера, над которой он бился практически с тех пор, как познакомился с Леночкой. Джонни принялся жадно впитывать слова великой виртуальной энциклопедии, описывающие ставшего для него таким важным и дорогим человека. Так вот ты какая, оказывается,- подумал он. Теперь он понимал, что Леночка – психопатка. У этой милой, очаровательной девушки было чудовищное расстройство личности, которое родило её с самыми жестокими и беспощадными серийными убийцами. Проявлялось оно в том, что Леночка обладала следующими чертами:

- **Внешнее обаяние и хорошо подвешенный язык.** Леночка производила неизгладимое впечатление на мужчин не только неотразимой внешностью, но и тем обстоятельством, что никогда не терялась. Знала, что сказать в любой ситуации. Как говорится, не лезла за словом в карман, и могла без труда поддержать практически любой разговор, если вообще видела для себя какой-то смысл в том, чтобы его поддерживать. Джонни прекрасно понимал, насколько это важно. Он знал за собой, что отпугивал женщин не только и не столько тем, что особо не следил за своим внешним видом, сколько тем, что, выражаясь словами Леночки, постоянно тупил и тормозил.

Обычно расстройство личности, о котором шла речь, встречается у мужчин. При этом их хорошо подвешенный язык интерпретируется женщинами как проявление уверенности в себе и воспринимается позитивно. Это может в значительной степени объяснить феномен, давно подмеченный Джонни: такие мужчины получают в своё распоряжение многих значительно более привлекательных женщин, чем те, на которых они могли бы рассчитывать, исходя из своего статуса, объективного материального положения и т.д. Иными словами, психопаты словно вызывают у окружающих немой вопрос: откуда у *такого... такая*?! Теперь, уже после Леночки, Джонни видел объяснение этого феномена в следующем. Встречая по жизни значительное число мужчин, проявляющих к ним интерес, привлекательные женщины, частично в силу элементарной нехватки временных ресурсов, а больше в силу своей недалёкости, вынуждены оценивать претендентов (или тех, кого они идентифицируют как претендентов) по чисто внешним признакам. И получается что-то вроде... Джонни почему-то представлял себе пример с преподавателем в институте. Если студент начинает отвечать вопрос билета уверенно, то вначале препод внимательно слушает, однако буквально через пару минут речь учащегося уже сливается для него в одну сплошную «несущую частоту»: бу-бу-бу, и внимание преподавателя начинает плыть. Он вспоминает про ТО своего автомобиля, про ремонт квартиры, про строительство на даче. Потом его взгляд скользит по стройным ногам готовящейся отвечать студентки, отмечая про себя словно с сожалением, что в своё время его однокурсницы были значительно скромнее. Её короткая юбка не вылезает у него из головы, он начинает фантазировать, что вот бы эту юбку задрать... Потом, словно разбуженный столкновением с неким табу внутри своего сознания, он поднимает голову, и просит уверенного в себе студента переходить к следующему вопросу. Неуверенный же студент, который мычит и мямлит, постоянно запинаясь, раздражает преподавателя уже одним тем обстоятельством, что на таком студенте нужно постоянно держать внимание. А если таких социально несостоятельных студентов целая группа, поток, курс? Нет, такой дефективный студент однозначно должен быть наказан за свою ущербность!

Аналогично, когда привлекательная девушка встречает парня, который всё время тормозит, запинаясь и т.д., она быстро приходит к выводу, что он либо невротик по жизни, либо его так часто посылали, что неуверенность в себе и страх в общении с женщинами, постоянное ожидание неудачи сформировались у него на поведенческом уровне. Ни в том, ни в другом случае, очевидно, такой парень ей не нужен, и она сразу ставит ему неуд, посылая куда подальше. Какой же это мужчина, если он не уверен даже в том, что он сам говорит?! При этом для того, чтобы сделать такие выводы, не нужно быть большого ума. Девушка может быть блондинкой из анекдота, пишущей слово «не в ротик» раздельно, и понимать всё это на интуитивном уровне. В самом деле, ситуация является настолько распространённой, что её постоянно упоминают в своих инструктажах гуру «пикапа». (Джонни считал это направление зловещим знаменем времени. Во-первых, оно низводило женщину до положения добычи, в которой охотника интересовало уже не только и не столько наслаждение самим половым актом, сколько сам факт, что «здесь был Вася», после нужно было двигаться дальше, к новым победам. Конечно, он мог долго хранить её фотографию, и с гордостью демонстрировать друзьям, подобно тому, как опытные охотники хранят чучела убитых животных, особенно тех, что считаются особо ценной или просто нелёгкой добычей. Однако уже уложенная девушка переставала представлять интерес как женщина. Как человек же она не интересовала такого охотника никогда. Во-вторых, сами по себе подобного рода «образовательные программы» представляли собой шарлатанство и обман. В самом деле, те, кто в силу своего материального положения и социального статуса пользовались успехом, в них не нуждались. Как не нуждались и те, кто, подобно психопатам, обладали соответствующими личностными данными. По отношению же к мальчику в очках с картинки «у него никогда не будет девушки» это было всего лишь очередным обманом и разочарованием, коих и без этого было в его жизни немало. И никакие более чем сомнительные теории типа НЛП не могли бы здесь помочь, даже если бы кто-то искренне попытался его наставить в этих вопросах.) Они учат своих клиентов, что если мальчик будет тормозить, то пока он сообразит что сказать, девочки рядом уже не будет!

- **Грандиозное чувство собственной значимости.** Здесь достаточно сказать, что, со слов Леночки, её бывший постоянно говорил ей: на тебе свет клином не сошёлся. Очевидно, сама она считала иначе. Также не могло не обращать на себя внимания то обстоятельство, что у Леночки был очень сильно выраженный двойной стандарт: она почему-то считала себя вправе поступать с людьми как угодно, однако сама требовала, чтобы с ней обращались хорошо.

- **Потребность в стимуляции или склонность к скуке.** Джонни уже привык к Леночкиным разговорам о том, как ей скучно.

- **Патологическая ложь.** Ещё в свои юные годы Джонни классифицировал ложь так, что люди врут либо для того, чтобы получить нечестным путём превосходство перед другими, либо для того, чтобы быть принятыми в сообществе себе подобных и не быть в нём отвергнутыми. Несомненно, иногда Леночкино враньё преследовало чисто корыстные цели. Именно это имело место в случаях с невыплаченной зарплатой, или когда она не стыдилась говорить о том, что её мама инвалид, который не работает, и в то же время не получает пособие по инвалидности, а также во многих других ситуациях. Она могла так корыстно врать даже по мелочи, например, сетуя на то, что ей якобы подняли оплату за восточные танцы, или что её заставили платить задним числом за месяц, в который она на танцы не ходила. Но это ещё несложно было понять, по крайней мере, учитывая стоявшие за этим мотивы.

Куда труднее было понять, зачем, начиная с раннего периода их знакомства, она врала ему во многих мелочах. При этом она порой рассказывала совершенно неправдоподобные истории, словно ей доставлял удовольствие сам процесс вранья. Так, однажды она рассказала ему, как её знакомые, мальчик с девочкой, на девятке или короче на каком-то тазике, стали ездить наперегонки с джипом, и в итоге обогнали джип. Однако за это быки, ехавшие на джипе, расстреляли все стёкла в этой девятке. Кстати, примерно полгода спустя она рассказала ему уже другую историю со стрельбой по стёклам – на сей раз уже в её квартире. Мол, сидела она как-то дома, и вдруг... Примечательно, что на самом деле как раз за год до её рассказа, т.е. примерно в то время, о котором она говорила в своей байке, в её районе действительно появился псих, который по невыясненным причинам стрелял по окнам детского сада. Также она рассказывала историю, как девушки пошли в гости к малознакомым молодым людям, где их схватили и силой вывезли в рабство за границу.

Бросалось в глаза практически полное отсутствие страха, тревоги перед разоблачением её лжи. Когда ей указывали на вопиющее несоответствие между тем, что она рассказывала, и реальной жизнью, она могла упорно продолжать настаивать на своём вранье, бесстыдно глядя собеседнику прямо в глаза. Либо корректировала по мере надобности свою историю так, чтобы собеседник мог в неё поверить, никоим образом не пытаясь оправдаться за враньё, в котором уже только что была уличена.

- **Обман и манипуляции.** Её бывший, её начальник, и вообще те, с кем она имела дело продолжительное время, находили её манипуляторшей. Джонни видел два наиболее зловещих аспекта её манипуляций в следующем. Она говорила ему, как, очевидно, и каждому из тех мужчин, на которых она паразитировала: «Ты для меня так важен, ты мне так дорог, что я даже боюсь тебе в этом признаться.» И что только ни сделаешь для человека, которому ты так важен и дорог, верно?

- **Отсутствие раскаяния или чувства вины.** Ей было совершенно наплевать на потери, боль и страдание своих жертв, ведь это же были *их* проблемы, не *её!* Она просто презирала своих жертв, не испытывая к ним не малейшего сочувствия.

- **Неглубокие чувства.** Леночка в своих проявлениях чувств по различным поводам производила на Джонни впечатление то ли эмоционального робота, то ли плохого артиста. От неё в такие моменты веяло ледяным холодом её сердца.

- **Бессердечность и отсутствие эмпатии.** Она была холодной, презрительной и бестактной, обычно считая ниже своего достоинства учитывать интересы других людей.

- **Паразитический стиль жизни.** Здесь всё было слишком очевидно. Джонни достаточно этого испытал на собственной шкуре!

- **Несдержанное поведение.** По её словам, люди то и дело её бесили, и Джонни сполна испытал это на себе. Часто случалось так, что при малейшем несоответствии его поведения её ожиданиям Леночка начинала на него материться.

- **Промискуитет.** Хотя она никогда не «давала» самому Джонни, ему не нужно было «держаться свечку», чтобы понять по убедительным косвенным признакам, что ей было чем «гордиться» в этом вопросе.

- **Отсутствие реалистичных долгосрочных целей**

Леночкина неспособность реалистично планировать своё будущее отчётливо проявлялась, в частности, в той позиции, которую она занимала по центральному для женщины вопросу – отношению к детям. Джонни теперь прекрасно понимал: с одной стороны, найдётся море желающих совершить с ней сам половой процесс, который может привести к рождению детей, так что ей было бы из кого выбирать отца для своего ребёнка. С другой – из неё получилась бы примерно такая же мать, как Дайан Даунс, отбывающая с 1984 года пожизненное тюремное заключение за расстрел собственных детей. Когда Даунс узнала, что её новый любовник по фамилии Никербокер терпеть не может детей, она посадила всех своих троих детей в машину, выехала на безлюдное место, и расстреляла их из ружья 22 калибра. Девочка Черил 7 лет погибла сразу, а ещё двое детей, 3 и 8 лет, получили на всю жизнь физические и моральные увечья. Примечательно, что Даунс утверждала, что на неё напал неизвестный, хотя объективные факты, включая результаты

экспертиз, твердили совсем о другом. Она и теперь, отбывая пожизненное тюремное заключение, не отступает от своих слов, лишь меняя подробности и сочиняя всё новые и новые детали сцены преступления. Больше всего в этой истории Джонни «впечатляло» то, что, согласно показаниям свидетелей, Даунс въехала на территорию больницы на скорости 5-7 миль (8-10 километров) в час. Очевидно, это было сделано преднамеренно, чтобы тяжело раненные дети успели истечь кровью прежде, чем им будет оказана квалифицированная помощь.

Аналогия с Дайан Даунс возникала у Джонни, когда он вспоминал, как ещё в те времена, когда Леночка консультировалась с ним, как ей заполучить обратно своего любовника, она рассказала ему о том, как одна её знакомая – приезжая шлюха, окучила богатенького, родив от него ребёнка. Шлюха подсказывала ей, что надо, мол, родить ребёнка от своего бывшего. А поскольку тот вроде как любит детей и хочет, чтобы у него были собственные дети, это можно использовать как инструмент, чтобы им манипулировать. Правда, у самого её бывшего, судя по всему, были другие планы, раз он говорил ей, что не сможет быть хорошим отцом её ребёнку, будучи женат на другой женщине. Можно только догадываться, как она бы стала избавляться от ребёнка, когда поняла бы, что он оказался для неё бесполезен как инструмент манипуляций тем мужчиной. Видимо, даже сама она понимала эту проблему, когда говорила: Это ведь не кукла. Вот если бы можно было так, чтобы на год-другой, а потом раз – и нет его. В этом «раз – и нет его» было что-то жестокое, звериное, не по-человечески злое...

Она говорила о том, что пока не встретила мужчину, от которого хотела бы иметь детей. (Если не считать бывшего, который сам её бросил.) Но, поскольку на момент того разговора она позиционировала себя как мужененавистница, и сама признавала, что если и выйдет замуж, то через год разведётся, она говорила, что родила бы ребёнка «для себя». Последнее звучало особенно впечатляюще со стороны социального паразита, который о себе-то не может толком позаботиться. А тут, наверное, ей пришлось бы использовать целую команду идиотов, в чьи задачи входило бы заботиться не только о ней самой, но также о её ребёнке от другого мужика. Ну а поскольку таких идиотов скорее всего просто бы не нашлось, вероятно, ей пришлось бы повесить уже ставшего для неё бесполезным и неинтересным ребёнка на свою многострадальную маму, уже и без того измотанную своим взрослым антисоциальным ребёнком. Или сдать в приют или ещё что-нибудь в этом роде. Она бы, может, и продала его, если бы не страх перед уголовным преследованием и тюремным заключением.

- **Импульсивность.** Джонни давно привык к тому, что у Леночки то и дело, словно ниоткуда возникали новые планы, которые потом так же стремительно менялись или исчезали. Складывалось впечатление, что она сначала делала, потом имела дело с последствиями. А подумаю я об этом потом, если будет время, - объясняла она своё поведение.

- **Безответственность.** В любом цивилизованном обществе есть общепринятые представления о том, как человеку подобает поступать в моральном плане среди людей. Например, что на работе хорошо бы работать, а не плести интриги. Что следует отплатить добром человеку, который делает для тебя что-то хорошее. Что не стоит расстраивать человека, который очень на тебя надеется и рассчитывает, особенно если ты уверяла его, что это непременно состоится. Как следствие маминого воспитания Леночка, несомненно, была в курсе этих представлений. Однако считала их досадными, неудобными предрассудками, и всячески избегала следования им, если ей этого не хотелось.

- **Отказ брать на себя ответственность за свои действия.** Даже когда было ясно, что наступившие негативные события были следствием её поступков или слов, Леночка, как правило, не брала ответственность на себя. У неё практически всегда виновата была либо жертва, либо обстоятельства непреодолимой силы. В тех же редких случаях, когда она делала вид, что извиняется, в ответ на прямой вопрос «за что» она либо затруднялась ответить, либо (что более вероятно!) целенаправленно уклонялась от ответа. Создавалось ощущение, что она действительно внутренне не признавала себя виноватой, не чувствовала она на себе такую ответственность.

- **Была «трудным подростком».** С одной стороны, детство и юность Леночки были тайнами, покрытыми мраком, под завесу которого было практически невозможно проникнуть. Разве что Леночка спяну могла рассказать какую-нибудь мелочь типа как они с парнями и девчонками пили самогонку на даче и курили наркотическую траву, однако это само по себе ещё ничего не говорит. Единственным бесспорным фактом, пожалуй, заключался в том, что её в своё время выгнали из средней школы, и ей пришлось доучиваться экстерном или что-то в этом роде.

Теперь, когда Джонни открыл для себя правду про Леночку, к нему пришло понимание, что та же самая причина была в корне его проблем с некоторыми другими людьми в его жизни. Одним из таких людей был Андрей Валенков, в прошлом барабанщик известной металлической команды. Всё началось с острого чувства жалости. Жалости и стыда. За пару месяцев до знакомства с Андреем Джонни начал систематически ковыряться с компьютерным железом, пытаясь заработать этим себе на жизнь. Он покупал у разных людей всяческий хлам, собирал из него компьютеры, а затем пытался их продавать через Интернет. Первые месяцы были для него особенно тяжёлыми. И в то же время, будучи натурой любознательной, он был поражён тем, как много он узнавал каждый день. Нет, не о компьютерах, о которых он уже тогда знал немало. О людях. О том, на что они готовы идти, чтобы получить выгоду. Его всё больше поражала невольная лживость школьных учителей, вещавших ученикам о том, как знания открывают путь к успеху. На самом же деле для большинства действительно успешных типов рецепт успеха состоит в правильно подобранном сочетании

насилия и обмана. Каждый торговец автомобилями «с пробегом» знает, что царская дорога в страну материального достатка проложена по ушам клиентов.

Примерно такие мысли роились голове у Джонни, когда известный в прошлом музыкант поинтересовался у него, берёт ли он железо себе или для перепродажи. При встрече Андрей повёл себя неожиданно, и, как показалось Джонни, не вполне адекватно. Вместо того чтобы по-быстрому совершить сделку, откланяться и уехать, он горячо приветствовал Джонни – так, словно тот был его старым другом, с которым сто лет не виделись. Андрей принялся ему рассказывать о том, как он был барабанщиком в группе «Зараза». О том, как они создавали свою команду, какие трудности им пришлось преодолеть, как их обожали поклонники. Наконец, он рассказал о том, как в 2002 году был вынужден покинуть коллектив из-за разногласий с другими участниками. Какие трудности пришлось ему пережить с тех пор, перебиваясь случайными заработками, в то же время сохраняя верность главной любви своей жизни – тяжёлой музыке. В результате этого рассказа в сознании у Джонни на некоторое время сформировалась яркая картинка творческого человека, несмотря ни на что преданного своему делу. Себя же он видел в этой ситуации презренным барыгой, стремящимся нажиться на жизненных трудностях талантливого человека. Здесь следует отметить, что хотя Джонни никогда не был поклонником тяжёлой музыки, он всегда уважал её исполнителей как людей, которые стремятся раскрыться в своём творчестве, в противоположность насквозь продажным «попсовикам». Поэтому когда Андрей перешёл, наконец, к делу, Джонни неожиданно для себя отдал Андрею по его просьбе даже больше денег, чем та сумма, о которой они вначале договаривались. Андрей поблагодарил его, сказав, что, несмотря на то, что едва знает Джонни, он чувствует, что тот действительно хороший человек. Прощаясь, он выразил надежду, что их контакты продолжатся, и добавил, чтобы тот при случае заглянул на сайт, посвящённый его музыкальным проектам.

С одной стороны, Джонни вроде как был рад встрече с необычным человеком, повеявшей на него свежим ветром новых впечатлений, немного развеивающим его беспросветное одиночество. Но вместе с тем было у него какое-то смутное, некомфортное, тревожное чувство, что, возможно, его просто развели, навешав ему лапши на уши, чтобы продать хлам, который, возможно, даже не работает. Уж как-то слишком хорошо, легко и непринуждённо работал Андрей своим хорошо подвешенным языком для человека, перенесшего столько жизненных невзгод, как следовало из его рассказа. А может, он просто держался молодцом, кто знает? Но по возвращении домой Джонни убедился, что хлам работал, и на какое-то время забыл про Андрея.

Андрей напомнил ему о себе примерно через полгода. Он позвонил ему и спросил, не сохранился ли у него тот комп, что он продал ему тогда, в мае. Джонни этот вопрос счёл абсурдным и надуманным, т.к. считал, самоочевидным, что он покупал тогда тот комп не для того, чтобы подолгу хранить у себя. Дальнейшее развитие разговора вначале показалось Джонни вполне закономерным. Он ответил: нет, конечно. Андрей сказал: очень жаль. И спросил у Джонни, нет ли у него какого-нибудь сносного компьютера, который тот мог бы ему продать за тысячу рублей. Поняв провокационный характер вопроса, Джонни отвечал, что комп за тысячу рублей у него был бы только в том случае, если бы ему кто принёс такой комп как на помойку и отдал задаром. Правда, он не уверен, что в таком случае Андрей бы счёл такой компьютер «сносным». А компьютер, собранный своими руками, он за тысячу продавать будет. Он не настолько бедствует, чтобы работать за такие деньги. Однако Андрей не собирался оставлять его в покое. Он стал канючить: ну Джонни, ну пожалуйста, выручи, поищи что-нибудь, мне очень надо. Словно для большей убедительности, он принялся рассказывать лживую историю о том, зачем ему нужен этот компьютер. Андрей говорил о том, что общается с Анжелой К., дочерью легенды русского рока. Что она так же, как и он (и как, разумеется, её отец), занимается музыкой. Что ей для каких-то целей в какую-то то ли детскую, то ли ещё какую студию нужен старенький компьютер. И как он, Андрей, очень хочет сделать ей такой подарок. Однако, к сожалению, не располагает большими деньгами на реализацию этого доброго дела. А потому обращается за помощью к другу. Естественно, Джонни был просто в шоке от того, что Андрей, видевший его единственным раз в жизни, когда ему стало что-то нужно, уже считал Джонни своим другом. Точнее, говорил Джонни об этом, что отнюдь не одно и то же, – Джонни ведь был не настолько наивен, чтобы этого не понимать. А ещё, он был удивлён, каким спокойным и невозмутимым голосом Андрей врал про эту Анжелу. Словно сама ложь Андрея была органической составляющей его биографии! Неужели Андрей не понимал, что ему вряд ли поверят? Конечно, можно допустить, что даже девушка из такой семьи, имеющая с ним бесспорные общие интересы и увлечения, может общаться чисто по-дружески с таким с чисто женских, житейских позиций неудачником, как Андрей. Однако в любом случае ясно, что ей уж точно не нужен от него никакой хлам в качестве подарка, даже дела типа организации студии. Куда вероятней, что Андрею это нужно было для себя самого, и просто денег у него была всего эта тысяча. Или перепродать хотел несведущему музыкальному знакомому, и хоть что-то наварить себе на бедность.

Впрочем, каковы бы ни были реальные мотивы Андрея, на протяжении остатка разговора Джонни больше всего волновали уже не они. Ему значительно важнее было понять, почему он сам не может просто твёрдо отказать и сбросить телефон. Он вспомнил, как почти десять лет назад читал о том, насколько важно бывает в жизни уметь в нужный момент решительно сказать «нет». И с ужасом думал о том, что с тех пор для него в этом вопросе ничего по существу не изменилось в лучшую сторону. Сколько раз в таких ситуациях он презирал себя за то, что не может «быть мужчиной»! Что он не может сказать другому человеку: «Пошёл ты на ***!» так, чтобы тот человек собрал свои вещи и действительно пошёл. Каждый раз

его отказ словно подавал сигнал собеседнику: нажми на меня посильнее, уговори меня, и я сдамся. В результате, между прочим, собеседник получал ещё и положительное подкрепление на дальнейшие «уговоры». Именно к этому всё шло и в этот раз, и Джонни это болезненно чувствовал. Поистине, в очередной раз он убеждался, что доброта наказуема и имеет свои оборотные стороны. А может, тогда и не доброта она вовсе, а просто слабость? И он решил пойти на хитрость, которая, как он в тот момент считал, позволит ему сделать так, чтобы и Андрей отвалил, и он сам не терпел убытков. У него как раз был старенький комп, в котором на системной плате не работали порты PS/2. Клиенты комп с таким косяком, скорее всего, за нормальные деньги всё равно не купили бы. Андрей же, если у него, как уже у многих, клавиатура и мышка имеют интерфейс USB, не ощутит этой проблемы. А если нет, то, будучи поставленным перед фактом, Андрей будет вынужден отправиться в магазин «К-центр» рядом с его домом, и приобрести новую клавиатуру и мышку с USB-интерфейсом. В итоге, Джонни продемонстрировал приехавшему к нему в гости Андрею, что компьютер очень даже сносно по скорости и стабильно работает, и довольный Андрей отдал ему тысячу рублей и уехал.

Когда Андрей позвонил ему и начал выговаривать, Джонни сделал удивлённый вид. Мол, кто ж знал? У меня было подключено через USB и всё работало. Сказал, что этих мышки и клавиатуры уже нет. Мол, пойди и купи себе в магазине, я и так продал тебе недорого. Андрей ответил, что так с друзьями не поступают (интересно, с каких это пор он стал считать себя моим другом?- недоумевал про себя Джонни) и что он как-нибудь заглянет к нему забрать свой долг. Джонни тогда успокоил себя мыслью, что Андрей даже с учётом своего очевидно незавидного материального положения ради этого на другой конец города не пойдёт – уж слишком ничтожен мотив, и счёл этот инцидент исчерпанным.

Однако вскоре ему снова позвонил Андрей. При этом, он ни словом не обмолвился о долге, а с энтузиазмом в голосе поведал о своих творческих планах записать, наконец, альбом с забавным названием типа Письмена Троллей или что-то в этом роде. И всё бы замечательно, если бы не одна проблема, что его собственный старенький компьютер не справляется с современными программами обработки звука. И что ему нужна помощь друга. Что он как-нибудь приедет поговорить с ним о модернизации своего компа. Они предварительно договорились на определённый день. Однако в этот день, так и не дождавшись звонка Андрея, Джонни отправился по неотложным делам в компьютерный магазин Восход, расположенный на Савёловской, практически на другом конце города. В магазине, как там часто случалось под Новый год, была огромная очередь, сулившая возвращение поздно ночью. Но деваться было некуда, и Джонни терпеливо ждал. Когда вдруг ему позвонил Андрей и сказал, что приехал к нему домой, что там мама Джонни усадила его за стол и напоила чаем, и что он его ждёт. От этого Джонни стало не по себе. С одной стороны, ему было невыносимо стыдно за «мы же с тобой договаривались на этот день». Хотя, казалось бы, это была проблема Андрея, что в наш-то век мобильных телефонов мог бы и позвонить перед выездом! С другой, была у него почему-то очень нехорошая мысль о том, что Андрей сидел у него дома, среди всех его компьютерных деталей, разложенных повсюду на поверхностях, и мог легко что-нибудь у него...

Домой Джонни возвращался в отвратительном настроении, с нехорошим предчувствием. Из невесёлых раздумий его вывел Андрей, бодро шагавший ему навстречу. Нет, Андрей не пришёл в ярость, увидев Джонни. Напротив, он обнял его как старого друга, приговаривая: «ты хороший человек, Джонни». Такое поведение показалось последнему вопиюще неадекватным. Он уже не то чтобы заподозрил недоброе, но практически уже был в этом уверен. Однако среди бардака, постоянно царившего в его холостяцкой норе, было трудно что-то отыскать, даже крупный предмет, за обозримое время. Не то чтобы достоверно убедиться в пропаже чего бы то ни было. Неужели этот довольно известный в прошлом исполнитель действительно мог у него что-то спереть? Но зачем так позориться? Эти тревожные мысли долго не давали Джонни уснуть в ту ночь. Они же были первыми мыслями, посетившими его голову после пробуждения. Из раздумья его вывел звонок в дверь. Когда Джонни открыл её, на пороге стоял улыбающийся Андрей, держащий в руках здоровенную коробку со своим компьютером. Словно отвечая на немой вопрос во взгляде Джонни, он заявил: я же тебе говорил, что приеду к тебе модернизировать свой студийный компьютер, который мне нужен для записи нового альбома. Ты мне не рад? На это Джонни не нашёлся что ответить, и молча отступил в сторону, давая Андрею возможность войти в квартиру.

Впоследствии, не раз мучительно возвращаясь мыслями к тому дню, Джонни задавался вопросом: почему тогда он изначально не договорился с Андреем об оплате модернизации компьютера? На самом деле у него и до и после того случая бывало, и не раз, когда он работал с машинами постоянных клиентов, не объявляя им цену изначально, но по окончании работ они неизменно спрашивали у него: «сколько с меня?» И когда Джонни объявлял им цену (естественно, адекватную; даже, наверное, в силу его скромности, несколько заниженную по сравнению с аналогичными предложениями на рынке), они с удовлетворёнными лицами молча доставали деньги и платили. Почему же он наивно полагал, что так будет и в этот раз? А как иначе, - думал Джонни, мог поступить человек, если у него есть совесть?! А если нет совести? Вот к такому повороту событий Джонни оказался морально не готов, и Андрей этим воспользовался. Как и предвещали худшие опасения, когда процедура модернизации компа была закончена, Андрей упаковал его в коробку, поблагодарил Джонни за проделанную работу и собрался уходить. Когда растерянный Джонни спросил у Андрея, правда ли тот рассчитывает, что ему всё это делали бесплатно, тот неожиданно начал контратаку: «Ты посмотри, сколько у тебя здесь железа! И тебе жалко для друга?!» С каких это пор ты стал мне другом, - подумал про себя раздосадованный Джонни. И принялся в ответ говорить, что сам он считает копейки, что

всё это достаётся ему тяжёлым трудом, что отсутствие у Андрея денег на оборудование – это ещё не есть достаточное основание для того, чтобы паразитировать на других.

Естественно, он понимал всю унижительную глупость для себя в сложившейся ситуации, и был готов к тому, что Андрей ему скажет: ну тогда, раз ты такой жмот, выкручивай всё обратно. Впоследствии такой приём применяла к нему Леночка, когда после её шоппинга он укоризненно смотрел на несколько пар приобретённых туфель и прочее. В такой ситуации она озлобленно протягивала все коробки с туфлями ему: мол, на, забирай, если тебе жалко для меня. Чемставляла его ещё большим идиотом. Однако зря, что ли, Андрей таскал на себе к нему этот здоровенный корпус Deluxe, выполненный в стиле автомобиля BMW? Поэтому у Андрея были планы поинтересней. Он вдруг, словно переключившись в другой режим, принял за взаимность рассказывать Джонни, как благодаря помощи последнего он скоро запишет новый альбом, который непременно затмит собой все творения группы «Зараза», сделанные как с участием Андрея, так – и это ему было особенно приятно отметить, – без его участия. Джонни, который вдруг чувствовал ещё больший дискомфорт, будучи погружённым в этот словесный понос, в результате смог только растерянно выдать из себя: ладно, хрен с тобой, желаю творческих успехов. При этих словах Андрей просиял, крепко пожал ему руку и распрощался.

Обескураженный же и деморализованный Джонни, который в итоге остался без денег, пытался собраться с силами и найти у себя дома детали, чтобы делать комп клиенту, который, как он надеялся, ему хоть что-то заплатит. Он мог только успокаивать себя тем, что, наверное, в ночь перед этим Андрей у него ничего из дома не спёр, иначе он не заявился бы к нему на следующий день. Потому что иначе насколько же должен был человек бессовестным и его ни во что не ставить, насколько быть уверенным в своей безнаказанности, чтобы повести себя подобным образом, приехав к нему, как ни в чём не бывало, на следующий день?! И вот здесь-то его ждало самое «интересное»: некоторых деталей, которые были необходимы для сборки клиентского компа, не было! Нет-нет, он прекрасно знал, что они не завалились куда-то в его бардаке. Их просто элементарно спёрли! И он даже знал, кто. Набрав номер Андрея, он удивительным для себя самого угрожающим тоном поинтересовался, не брал ли тот совершенно случайно его компьютерные детали. Джонни был на 100% уверен, что Андрей уйдёт в отказ, выставив его тем самым полным идиотом, тем более что он, Джонни, реально в такой ситуации может сделать? Однако неожиданно Андрей повёл себя совершенно непредсказуемым образом. Он сказал, что брал с собой жёсткий диск от старого компа, чтобы скопировать данные, что при отъезде по ошибке взял не свой, что он очень извиняется и что сейчас приедет, чтобы обменяться обратно. Джонни осмотрелся и действительно увидел чужой жёсткий диск в 4 раза меньшего объёма, нежели тот, что пропал у него. Через час с небольшим приехал Андрей, извинился за «ошибку» с дисками и вообще вёл себя очень обходительно, даже великодушно, и разрешил Джонни оставить себе его старый диск небольшого объёма. Однако он категорически отрицал свою связь с исчезновением других, более дорогих, деталей. Чего он только ни говорил тогда, чтобы Джонни ему поверил! Вспоминал своего покойного отца, который, со слов Андрея, всегда учил его жить честно и не брать чужого. Клялся жизнью и здоровьем своей матери, что он не знал, куда и почему исчезли детали. «У тебя же тут бардак, всё лежит на поверхности, ты сам найти ничего не можешь. Вот кто-то и взял, или ты сам куда-то засунул». После продолжительного довольно неприятного разговора он отпустил Андрея, от разговора с которым у него на душе остался какой-то неприятный, тяжёлый осадок. Особенно от слов: «я же знаю, какой ты доверчивый человек». «Все меня за лоха держат, и этот тоже», – с горечью подумал Джонни. При этой мысли у него почему-то возникало желание взять Андрея за шкуру и бить его лицом об стену до тех пор, пока тот не сознается в крысятничестве и не вернёт детали. Но тут же у него возникала и другая мысль: справедливо ли будет бить несчастного неудачника в телогрейке, у которого нет ни навыков, ни ума честно заработать себе на жизнь, когда в этом городе полно успешных господ, процветающих на разворовывании того, что осталось от некогда великой страны. А их так просто за шкуру не возьмёшь!..

После этого его контакты с Андреем прекратились. Как ему казалось, навсегда. Несмотря на весну – традиционно неблагоприятное для продаж компьютерного оборудования время, его ситуация в материальном плане стала понемножку улучшаться. И хотя она никогда не была блестящей, Джонни потихоньку вылезал из финансовой ямы. Во многом он связывал это с новым поставщиком – Сергеем Туповским. Сергей снабжал его непривычно качественным, практически новым оборудованием. Положительным свойством Сергея – если это можно было так назвать – было то, что он хотя и торговался, в итоге отдавал по очень приятной цене. «Только забирай сегодня, а то барыгам отнесу на рынок», – говорил он. С одной стороны, конечно, такая срочность наводила его на нехорошие мысли относительно Сергея. Однако, поскольку на тот момент она ему была выгодна, помогая хоть немного выправить финансовую ситуацию, он до поры до времени не стал вдаваться в расследование причин такой поспешности. Конечно, порой Сергей делал вещи, которые вызывали у него однозначное омерзение. Например, когда умышленно выводил из строя практически новое казённое оборудование и клал полученные по факту наступления гарантийного случая деньги себе в карман. Однако до поры до времени Джонни предпочитал сильно не заморачиваться по этому вопросу, т.к. он пока не имел и не мог предвидеть для себя лучшего поставщика, нежели Сергей.

Увы, идиллия с Сергеем продолжалась недолго. Впоследствии, не раз мысленно возвращаясь к этой ситуации, Джонни отмечал, что со всеми этими людьми он неизменно делал одну ошибку: он предполагал, что они будут действовать в своих интересах. Однако это были люди, жившие здесь и сейчас, и они неизменно предпочитали действовать ради своей сиюминутной выгоды, ради моментального

удовлетворения своих недалёких потребностей, в итоге нанося не вред не только ему, но и, что очень существенно, долгосрочный вред себе. В какой-то момент Сергей начал говорить ему, что в связи с его, Сергея, временными трудностями, было бы очень хорошо, если бы Джонни предварительно оплатил новую партию оборудования, потом ещё одну, а та вот-вот придет. Джонни уже недвусмысленно намекал ему, что если он задумал какую глупость, то это реально не в его интересах. Сергей кивал головой, соглашался, однако оборудование так и не появлялось. Наконец однажды, под влиянием прямого нажима со стороны Джонни, Сергей рассказал, что у них на работе была проверка, что имеет место серьёзная недостача комплектующих, что у него будут брать показания и будут проверять на полиграфе. И что он не представляет, как он из этого выпутается. Джонни всерьёз повёлся, по крайней мере, частично, на этот рассказ. Судя по тому, что он стал продумывать вопрос, как Сергею обмануть долбаный полиграф. Однако так и не придумал ничего вразумительного, да это и в любом случае не имело смысла, пожалуй, т.к. проверять-то собирались Сергея, а не его. Тем паче, что ему представлялось куда более вероятным, что Сергея просто взяли за жопу голыми руками, безо всякого полиграфа. Его даже особенно не беспокоили угрызения по поводу того, как Сергей добывал такое качественное железо. Джонни успокаивал свою совесть мыслями о том, что, небось, у руководителя компании, где работал Сергей, доход в любом случае на порядки выше, чем у Сергея и у самого Джонни вместе взятых. Так что ничего, сильно не обеднеет, если поделится,- цинично думал он. Джонни даже испытывал некое смутное злорадство при мысли о таком своего рода частичном восстановлении социальной справедливости. Далее, однако, события принимали ещё более безрадостный для него оборот.

Сергей всё время просил потерпеть в связи со сложностями. А чтобы как-то компенсировать Джонни его неудобства, вызвался помочь ему с реализацией готовых компьютеров. Единственное, что требовалось – это отдать ему компьютеры и ждать, пока Сергей их реализует и вернёт ему деньги... Потом, не раз мучительно оглядываясь назад на эту историю, Джонни пытался вспомнить, что Сергей ему наплёл такого, что он как последний лох решился на столь идиотский шаг. Однако вспоминалась ему при этом лишь ерунда наподобие той, что Сергей говорил ему, когда занимал у него десять тысяч на поездку со своей Таней в Питер. Здесь следует отметить, что Таня и вообще их пара просто приятно поражала его на фоне омерзительной меркантильности значительного числа молодых женщин. Джонни не мог считать, и имел для этого веские основания, Таню достаточно умной. Однако сам факт, что она до сих пор была с Сергеем, с которого нечего взять даже по меркам трудного Таниного детства в семье подмосковных алкоголиков, вызывало у него что-то вроде уважения. Поэтому, когда Сергей сказал ему, что, несмотря на их серьёзные временные трудности с деньгами, пока не закончилось лето, Таня очень хочет съездить в Питер, посмотреть на Исаакиевский собор и всё такое, Джонни долго морщился, но в итоге отслонявил ему в долг ещё десять тысяч. Нет-нет, Джонни прекрасно понимал, что какой там собор, если она за 19 или сколько там лет своей жизни ничего особо не видела, кроме вредоносного мусорного бабского журнала «Метрополитен» и прочей макулатуры. Но ведь, если так разобратся, это же не вина её была, а беда. А он всего лишь хотел, чтобы у «этих» было всё хорошо...

Новости от Сергея оправдывали его самые мрачные предчувствия. Момент истины в истории с Сергеем наступил тогда, когда благодаря случайности и непредусмотрительности Сергея, с ним познакомился Андрей Денисов, давно и хорошо знавший последнего, практически с детства. Как и следовало ожидать, Андрей Д. поведал ему о том, что никаких денег Сергей уже не вернёт, потому что, как минимум, их у него нет, не было и не будет; что с работы его поперли по известной причине и т.д. А ещё Андрей рассказал Джонни о том, что Сергей давно и плотно сидит на героине. Чем в значительной мере объяснялась его выгодное во многом для Джонни стремление поскорей получить деньги, приводившее к снижению цены на реализуемое Сергеем оборудование.

После этого разговора контакты Джонни с Сергеем фактически прекратились. Ему удалось лишь вернуть себе десятку – другую тысяч рублей из долга, ушедшего уже далеко за сотню, когда у него на пороге появлялся трясущийся и непрестанно чешущийся в нетерпеливом ожидании очередной дозы Сергей, приносивший ему сдавать за бесценнок очередную порцию невесть откуда взявшегося у него компьютерного оборудования.

Также, в самый разгар неприятной истории с одалживанием Сергею, перед Джонни, основательно деморализованным происходящим с Сергеем, снова возник на горизонте «музыкант» Андрей Валенков. Андрей начал с того, что поинтересовался у Джонни, словно у старого друга, как у того дела. Джонни ответил как есть. Точнее, как ему это виделось: хреново. Рассказал про крайне неприятную ситуацию с некогда многообещающим поставщиком, и о том, что у него, как следствие, теперь неважно с деньгами. И вдруг Андрей предложил ему помочь. Он сказал, что у него есть для Джонни пара хороших клиентов – коллег Андрея по цеху, которым нужны компьютеры, чтобы поставить их в музыкальную студию. Вопреки тревожным ожиданиям Джонни, сделка прошла очень гладко, ничего в итоге из квартиры не пропало, и вообще у него почему-то осталось приятное впечатление.

Джонни чувствовал, что во всём этом, несомненно, есть какой-то подвох, но до времени не был уверен, что сможет его нащупать. Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, он решил спросить Андрея, как у того дела. Андрей охотно и подробно рассказал ему о процессе подготовки нового альбома, о том, что практически всё уже готово, а также о трудностях, которые стоят на пути к тому, чтобы уладить дела со студией звукозаписи. Трудности, по словам Андрея, состояли в первую очередь в нехватке денежных

средств. Естественно, при упоминании денежных средств у Джонни вдруг возникло нехорошее ощущение. Однако, закончив очередную свою мысль, Андрей попрощался с ним и уехал. В течение нескольких дней после визита Андрея Валенкова и сосватанных им клиентов, Джонни никак не мог выкинуть из головы эту загадку. Очевидно, Андрей приезжал не просто так! Но зачем? Ведь клиенты сами отдали ему деньги, так что нажиться в роли посредника он не мог. Каковы были мотивы, цели его визита? И вроде из квартиры ничего не пропало...

Через несколько дней всё начало проясняться со звонком Андрея Валенкова. Как и следовало ожидать, Андрей начал с того, что поинтересовался, рад ли Джонни тому, что Андрей безвозмездно подогнал ему клиентов. Создавалось впечатление, что всё это говорилось не просто так, и теперь Джонни как-то должен отплатить Андрею за такой благородный жест. Как именно, прояснилось тут же. «Я вот чего звоню-то: мне очень нужна твоя помощь. Выручай, друг». Интересно, почему люди, когда хотят тебя использовать, начинают называть тебя другом?-подумал Джонни. Как и следовало ожидать, Андрей поведал ему про чисто материальные трудности с записью своего нового альбома «Письмена Троллей-2». И сказал, что сейчас решается его, Андрея, судьба, и она в руках у Джонни. А не хватает Андрею-то всего каких-то тридцати трёх тысяч рублей! Когда Джонни попробовал упереться, что он сам на мели и что у него даже нет таких денег, Андрей сказал: «ну может, ты займёшь у кого-нибудь для меня, потому что мне не у кого».

Разумеется, Джонни сам не привык делать долги, т.к. если бы кто и одолжил, он чувствовал бы себя при этом омерзительно. Он колебался, не зная как ему поступить. С одной стороны, всё это очень походило на развод. С другой же стороны, возможно, он мог быть единственным шансом талантливого человека на творческое и жизненное возрождение. Впоследствии, не раз возвращаясь мысленно к тем злополучным для него дням, он задавался вопросом: что же делало Андрея столь убедительным?

Андрей говорил очень складно и уверенно. Он отнюдь не ограничивался просьбой «дай мне денег». У него был бизнес-план. И хотя Джонни понимал, что, скорее всего, весь этот бизнес-план – полная лажа и развод, убедительно опровергнуть аргументы Андрея он тоже не мог. Фактически всё сводилось к тому, что, как за полгода до этого ему цинично заметил Андрей, он очень доверчивый человек. Действительно, Джонни не мог не доверять человеку до тех пор, пока человек ему не доказывал обратное. И, каким бы болезненным ни был его жизненный опыт, он не хотел оскорблять человека недоверием. К тому же, Андрей – известный в определённых кругах человек, и зачем ему даже в неблагоприятной жизненной ситуации ставить на карту своё честное имя? Ведь можно при желании и некоторых усилиях заработать немного денег, а честь и доверие людей уже не вернёшь. Примерно такие мысли вертелись в голове у Джонни, когда она наблюдал, как экс-музыкант выводит на бумаге: «...Валенков Андрей Владиленович, номер паспорта xxx xxx, серия xx xx, зарегистрированный по адресу ул. Декабристов...» Впоследствии, глядя на эту расписку, Джонни цинично хмыкал про себя, что дедушка Ленин, наверное, преворачивался в Мавзолее от того, какого достойного человека в его честь назвали! И декабристы туда же. Примечательно, что Андрей просил не 30 и не 35, а ровно 33 тысячи рублей. Очевидно, такая точность также в некотором роде была инструментом психологического воздействия.

Это напоминало Джонни не раз повторявшуюся историю из его злополучной многолетней эпопеи знакомств в интернете. Не раз бывало так, что очаровательная с виду девушка отвечала ему. Его недоумение по поводу того, что же она такого интересного в нём для себя увидела, быстро рассеивалось её словами примерно такого плана: Ты пишешь, что ты добрый и заботливый человек. Это хорошо. Но я не верю словам – я верю поступкам. И у тебя сегодня есть шанс совершить благородный поступок – помочь девушке в трудной ситуации. Всё, что тебе нужно для этого сделать – это положить 1700 (одну тысячу семьсот) рублей вот на этот номер телефона. Я знаю, что для настоящего мужчины это вообще не деньги... Джонни при этом живо представлял себе мальчика-старшеклассника, пытающегося научиться зарабатывать деньги так, как это нынче особенно модно – обманом, разводя людей на деньги. К тому же, это значительно проще, нежели систематически приобретать фундаментальные знания, сидя за партой, а потом зарабатывать себе на жизнь честным, созидательным трудом. Тем более что на этом особо много не заработаешь, и тебя же потом, несмотря на все твои труды, будут презирать.

Джонни был поражён тем, сколько различных методов обмана и манипуляции применяли люди в этой жестокой игре друг против друга. Следующий мальчик-девочка, например, разместил какие-то уж больно откровенные, вульгарные фотки, поэтому в данном случае Джонни был морально подготовлен к его реплике: «у меня сейчас небольшая проблема с финансами, мой телефон временно заблокировали, звонила маме на родину и наговорила в минус. В общем, хочу спросить, не мог бы ты помочь решить этот вопрос, я верну денежку тебе. Буду очень тебе признательна за помощь». Примечательно, что здесь человек не стеснялся дать ему понять: «я не местная». Также Джонни отметил про себя, что в данном случае человек сначала пытался как бы «просунуть ногу в дверь», чтобы ему пообещали помощь материально, а потом уже по ситуации договариваться о конкретной сумме. Очевидно, любая денежка на счету будет в такой ситуации победой, т.е. успешным разводом. Осознав это, Джонни озлобленно подумал, что хорошо бы этот мальчик закрыл эту дверь после того, как он что-то в неё просунул. Тогда, возможно, он бы почувствовал, каково достаётся людям, которых постоянно обманывают.

Когда, как и следовало ожидать, Андрей не вернул деньги в срок, обозначенный в расписке, Джонни позвонил ему и потребовал объяснений. В ответ Андрей сначала стал жаловаться на жизнь, заявляя, что он также взял кредит в банке, что ему теперь всё время звонят, угрожают судом, а у него совсем нет денег и т.д.

На это Джонни сказал, что Андрей сам виноват, что об этом не подумал. Что по вине Андрея у него самого теперь тоже нет денег и т.д. Тогда Андрей нагло ответил ему, что отсутствие денег у Джонни это личная проблема Джонни, не его. И что если у него дела совсем плохи, то он может посодействовать ему, забрав у него товар, продавая его и отдавая Джонни деньги по факту продажи, забирая себе большой процент, потому что иначе ему не интересно. От такого заявления у Джонни просто перехватило дух, и на мгновение возникло желание немедленно поехать на улицу Декабристов и убить Андрея. Может, лежать в луже собственной крови ему будет интересней?.. Немного придя в себя эмоционально, он сообразил, что расписка Андрея, возможно, даёт ему интересный инструмент законного давления. И хотя этот вариант почему-то сразу представился ему проявлением слабости и низости, он решил пощупать почву. Кто знает, а вдруг Андрей не только с ним так поступал?

Поиск в Google с соответствующим образом подобранными ключевыми словами принёс ему поистине обескураживающие результаты. Как оказалось, Андрей уже довольно долго вёл на разных сайтах громкую кампанию по поводу записи нового альбома. Правда, слышно при этом было в основном не музыку, а саму кампанию. Выяснилось также, что Андрей пытался заработать немного денег, продавая по 300 рублей DVD-диск, содержащий кустарным способом записанное видео, где Андрей рассказывает свою версию истории группы «Зараза», преувеличивая до откровенно нескромных размеров свою роль в создании и развитии коллектива.

Дальнейший поиск раскрыл перед Джонни на одном из форумов такое, что просто повергло его в шок. Парень на форуме, очевидно, хорошо знавший Андрея, в пылу разгорячённого виртуального диалога, выставленного на всеобщее обозрение, прямым текстом обвинял последнего в том, что Андрей:

- Не возвращал долги;
- Крал вещи и наличные деньги из квартир своих друзей.

Примечательно, что в ответ Андрей не пытался отрицать факты, а угрожал автору этих утверждений прямой физической расправой.

Также Джонни наткнулся на следующее заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, официально заявляем, что уходим из проекта Андрея Валенкова "Битва Титанов". По причине не выполнения последним наложенных на него долговых обязательств, подтвержденных расписками и ввиду нецелесообразности продолжения дальнейшего сотрудничества»...

Однако лучше всего понять, с кем он имеет дело в лице Андрея и Сергея, Джонни помогли... их женщины. Впервые это нехорошее ощущение возникло у него тогда, когда он помогал Сергею после смерти его бабушки выносить диван на свалку. Тогда Джонни впервые отчётливо понял, что для Сергея похороны бабушки – это что-то вроде выброса на свалку старого, ненужного дивана.

Хотя Сергей уже обычно даже не пытался стрелять деньги, не оставляя ничего в залог, однажды он всё же сумел развести Джонни на пару тысяч при следующих обстоятельствах. Было известно, что после кончины бабушки, оставшись по жизни один на один с таким сыном, его мать окончательно спилась. И вот однажды, после его отсутствия дома несколько дней кряду, Сергею никто не открыл дверь, несмотря на многочисленные настойчивые звонки в дверь, на городской и на мобильный телефон матери. Ключа у Сергея не было – то ли потерял где-то в ходе своего наркотического шабаша, то ли забыл изначально. В связи с чем, он кланчил деньги у Джонни, чтобы заплатить спасателям, которые взломают дверь. Сергей выражал явное беспокойство о том, что возможно его мать уже умерла. Однако его в этом волновала вовсе не безвозвратная потеря самого близкого человека, родившего его на белый свет и вырастившего, а перспектива иметь дело с неприятным запахом от её разлагающегося трупа.

После этой истории контакты Джонни с Сергеем прекратились. Лишь примерно полтора года спустя Джонни позвонила Таня, бывшая девушка Сергея, и умоляла отдать ей просто так, без выкупа, её документы, некогда оставленные Сергеем в залог. С её слов, Сергей был отправлен на принудительное лечение от наркотической зависимости, после чего окончательно пропал без вести. Она же осталась с маленьким ребёнком (от Сергея) на руках, фактически без средств, и эти документы ей нужны, чтобы устроиться на работу. И хотя она заглазно называла Джонни дураком за то, что он так доверяет людям, а также участвовала (по необходимости?) в махинациях Сергея, в этот раз Джонни почему-то стало её очень жалко. Ведь она, если так разобраться, будучи матерью ребёнка, отцом которого был Сергей, пострадала в этой истории куда больше, чем сам Джонни. И ей ещё предстоит страдать и страдать.

На тот момент следы Сергея терялись, тем более что они с матерью давно продали квартиру и, получив значительную доплату (как-никак, ей нужны были деньги на алкоголь, ему на героин, а никто из них двоих, естественно, систематически не работал), перебрались в подмосковный Подольск.

Однако во второй половине 2011 года Сергей неожиданно позвонил Джонни под каким-то надуманным предлогом (выяснить обстановку?) и как бы случайно обмолвился, что перебрался из Подольска в Расторгуево, очевидно, в ещё меньшую квартиру, в очередной раз получив доплату. Примечательно, что на вопрос о том, «а как же Таня?», онотреагировал неприязненно: «Откуда я-то знаю? У меня давно уже другие бабы...» Очевидно, при таком раскладе не было смысла спрашивать у него, интересуется ли он судьбой своего ребёнка – ответ был и без того очевиден.

Хотя Джонни вначале очень сложно было представить себе Андрея Валенкова с какой-нибудь женщиной, начало 2009 года принесло неожиданную встречу. Ему неожиданно позвонил Андрей, и после традиционных заверений о том, что дела вот-вот наладятся, альбом наконец-то будет записан, и тогда

Джонни получит обратно весь долг чуть ли не с процентами, Андрей сказал: к тебе заедет девушка от меня и привезёт кое-какие железки. Вначале Джонни это даже не воспринял всерьёз, расценив как очередной прогон, направленный на отсрочку выплаты долга. Однако, увидев девушку на пороге своей квартиры, он просто обомлел – настолько она была привлекательной. Эффект был таким, что он даже вынужден был закрыть глаза на отсутствие в привезённом девушкой комплекте оптического привода, хотя именно приводов ему обычно не хватало, когда он собирал компьютеры. Ему не терпелось узнать, что это за девушка. Поэтому, как только закрыл за ней дверь, он собрал комп из привезённых ею деталей, включил его, и тут потихоньку стала вырисовываться её история.

Лена (так её звали) приехала покорять Москву с тем, чтобы реализовать свой давний интерес к тяжёлой музыке в роли не только слушателя, но и исполнителя. На этом пути ей встретился Андрей, у которого было имя, а также связи. Он выразил намерение ей помочь, познакомить с кем нужно и всё такое. Конечно же, Джонни очень трудно было понять, что там на самом деле у них происходило: как они сошлись, как развивались их отношения и т.д. Хотя Андрей вкратце излагал текущую ситуацию в своём блоге и более подробно ему лично, Джонни приходилось учитывать следующее. Хотя до существенного понимания таких людей, как Андрей, достигнутого им в итоге благодаря Леночке («его» Леночке) оставалось ещё более двух лет, Джонни уже тогда, летом 2009 года, понимал, что нельзя безоглядно верить ни одному слову Андрея. Да и какое дело ему, если так разобраться, до их отношений – его это не касается. Был разве что один момент, который ещё тогда, в 2009 году, произвёл на него впечатление. Рассказав ему тогда про свою Лену, Андрей добавил, что они разругались, у неё начались проблемы с сердцем, и она вернулась в Липецк, где попала в больницу. Но когда Джонни, поражённый упоминанием о том, что у девушки в таком возрасте проблемы с сердцем, поинтересовался у Андрея, стало ли ей лучше, тот посмотрел на него удивлённо. Мол, откуда я знаю? Это же её проблемы, не мои. Такой ответ просто поразил Джонни. Конечно, у него самого никогда не было никаких близких отношений с противоположным полом, соответственно не было и девушки. А если бы и была, то с таким психом как Джонни, размолвки были бы неизбежны. Однако он был уверен, что, случись с ним аналогичная ситуация, он мгновенно на время забыл бы все разногласия, и постарался бы прийти девушке на помощь, быть с ней, поддерживать её. Хотя, с другой стороны, почему это должно волновать Андрея? Ведь у него же нет проблем с сердцем! Как говорится, нет сердца – нет проблем.

Следующая весьма показательная встреча с Андреем Валенковым произошла поздней осенью 2010 года при малоприятных для Джонни обстоятельствах. Как-то ему, как всегда неожиданно, позвонил Андрей Валенков и сказал, что у него есть кое-какое временно ненужное ему компьютерное железо, взамен которого ему нужны деньги. И что по этому вопросу он, Андрей, заглянет в гости к Джонни на днях. Джонни вначале не придал этой декларации особого значения, поскольку давно знал из своего опыта с Андреем Валенковым и Сергеем Туповским, что такие заявления на практике в большинстве случаев оказываются пустым звуком. О том, что он зря не придал этому значения, он понял только тогда, когда, проехав с другим Андреем (Денисовым) большую часть пути до АШАНа, услышал звонок и недовольный голос в трубке: «Джонни, ну ты где? Я приехал и тут тебя жду...» Однако в планы Джонни не входило резко поворачивать и возвращаться обратно своим ходом только по той причине, что Андрей припёрся без предупреждения. Поэтому он заявил Андрею, что будет только через полтора-два часа, так что пусть тот сам решает, ждать или нет. Только бы маме хватило ума не пускать его в квартиру,- подумал Джонни. Однако вскоре, услышав звонок с городского телефона в своей квартире, он понял, что его опасения подтвердились. Вот ведь сволочь: подгоняет меня, звоня мне за мои же деньги!- подумал он. Однако тут же он сообразил, что расходы на звонок покажутся ему такой ерундой, если «музыкант» найдёт, чем поживиться в его квартире. И кто может помешать этому?! Андрей Денисов гнал машину, как только мог в сложившихся обстоятельствах. «Я зайду с тобой, если ты не против, посмотрю хоть на этого... Нет-нет, ты не бойся, я его бить не буду». Когда они зашли в квартиру, Джонни первым делом проверил деньги, за сохранность которых он переживал больше всего, отпустил с благодарностью Андрея Денисова, и перешёл к разговору о деле с Андреем Валенковым. Тот, однако, не мог не поинтересоваться: зачем это к тебе бандиты ходят? Пробурчав в ответ что-то вроде: «вот ты у него и спроси», рассчитавшись с экс-музыкантом и отпустив его, Джонни обратил вопросительный взор на свою маму. Мама принялась ему объяснять, что у Андрея, как тот ей рассказал, порвались ботинки и промокли ноги, ей стало его жалко, и она его пустила. И, словно пытаясь оправдаться, она добавила, что всё это время старалась не сводить с него глаз. У Джонни же на тот момент не было никаких сомнений в том, зачем Андрей врал относительно промоклых ног.

Момент истины в истории с Андреем, однако, наступил весной следующего, 2011 года. К тому времени Андрей уже благополучно промотал доплату, которую он получил при переезде из Отрадного в подмосковный Ногинск. Потратил он и деньги, полученные при продаже за бесценок автомобиля, приобретённого им на доплату при смене места жительства. Поэтому, чтобы получить хоть какие-то деньги, он повёз сдавать остатки от своего компьютера – того самого, в корпусе Deluxe со светящимися фарами а-ля БМВ, что Джонни когда-то модернизировал в ущерб себе. Однако на сей раз Джонни, который догадывался, что ему откроется на этот раз, повёл себя хитрее, тем более что каждая копейка была теперь у него на счету – ведь помимо расходов на Леночку ему приходилось ещё откладывать деньги на поездку с ней за границу. Джонни проинформировал Андрея, что у него всего вот столько денег... Андрей был крайне недоволен, однако понимал, что это всё же больше, чем ему предложили бы спекулянты на радиорынках, а потому сообщил Джонни, что остальные деньги заберёт у него позже. Однако, как только входная дверь его

квартиры закрылась за Андреем, Джонни ринулся к оставленному Андреем компьютеру. Он знал, что искать. Все эти годы хранил он бумажку от торговца с серийными номерами украденных у него тогда, в конце 2007 года, процессоров. Хотя как гарантийное обязательство эта бумажка давно потеряла свою актуальность, для Джонни она была словно пропитана лакмусом, который должен был показать, если что, вину Андрея. И вот он дождался этого момента. Сняв дрожащими руками систему охлаждения и стерев остатки термопасты салфеткой, Джонни принялся жадно разглядывать серийный номер. Как и следовало ожидать, номер в точности совпал с одним из номеров на бумажке. Теперь он знал на 100%: его тогда обокрал Андрей.

Поэтому когда через несколько дней ему позвонил Андрей и потребовал оставшиеся деньги за свой компьютер, Джонни объявил ему, что денег тот не получит и вот по какой причине. Как поведёт себя человек, имеющий совесть, которому только что представили абсолютно неопровержимое доказательство того, что он совершил кражу из квартиры человека, которого он называл своим другом? Как минимум, ему должно было в такой ситуации стать очень стыдно и неловко. Однако это явно был не случай Андрея. Совершенно не ступившись, Андрей хладнокровно заявил, что это было давно. И заявил, что если бы он считал нужным, он мог бы обокрасть квартиру Джонни по полной программе тогда, когда мама Джонни сжалась над ним, поверив его вранью относительно промокших ног. Мол, это Джонни должен ещё ему спасибо сказать, что он так не поступил. Как и в конце 2007 года, от такой наглости у Джонни подступил комок к горлу, не дававший ему ни глотнуть, ни вдохнуть. Как и тогда, ему сильно захотелось если не убить Андрея, то, как минимум, хорошенько разбить ему морду. Примечательно, что в тот период, за несколько месяцев до того, как он начал по-настоящему распутывать историю с Леночкой, у него возникло неверное видение причин морального падения Андрея, в котором он тогда винил в первую очередь факторы внешней среды. Он живо, как ему казалось, представил себе это жалкого типа, чьё бедственное положение опустило его на самое дно человеческой морали. Он почему-то вспомнил, как однажды Андрей у него забыл пакет с какими-то документами. Просмотрев эти бумажки, Джонни понял, что Андрей пытался зарабатывать себе на жизнь, расклеивая объявления. Примечательно, правда, что сам Андрей говорил об этом, что он работает в сфере PR. Джонни, правда, увидел здесь PR только в том, как Андрей об этом говорил. Судя по бумажкам, для расклейки объявлений Андрею приходилось ездить из Отрадного в Южное Бутово. И Джонни вдруг почему-то стало очень жалко этого несчастного человека. Он смотрел на этот огромный список домов, подъездов, которые нужно было обклеить за мизерные деньги, и подумал о том, что сам он никогда не стал бы таким заниматься.

Перелистывание журнала Андрея на сервисе «в контакте» наглядно показывало, что безобразные поступки Андрея отнюдь не были артефактом доброты или доверчивости Джонни. Примечательно, что в отличие от Джонни, который всегда по жизни был один – даже в интернете, там, где, казалось бы, Джонни должен был бы чувствовать себя как рыба в воде, – у Андрея была очень насыщенная социальная жизнь. В частности, каждый год с днём рождения его поздравляло такое количество людей, что Джонни утомился только перелистывать в контакте эти поздравления. Тем не менее, далеко не все были благодушно настроены по отношению к Андрею. Нашёл он и такие записи: «Андрей Валенков - кидало, вор, крыса и чмошник! Имейте в виду: все, что он рассказывает – пи****», «НЕ ДАВАЙТЕ ЕМУ ДЕНЕГ В ДОЛГ!!! ОН ЗА 5 тысяч МАТЬ ПРОДАСТ», «Когда ты прорезаешься в социальных сетях, я сразу вспоминаю о том, сколько ты мне должен. Отдавать-то собираешься?»

Однако наиболее адекватное представление о том, что же представляет собой Андрей, у Джонни сформировалось лишь тогда, когда он уже начал по-настоящему разбираться в Леночке. В свете достигнутого понимания вполне логичными представлялись записи в дневнике Андрея наподобие следующей: «Только что вернулся с тушения пожара в соседнем подъезде на 4м этаже. В коммуналке выгорело все. Видел реально труп. А точнее, то, что у него осталось, а именно скелет, кишки. Вы уж простите, дорогие мои, что я так описываю. Просто я понял, что при виде трупа мне как то параллельно». То, что раньше его бы скорее шокировало, теперь добавляло вполне органичный штрих к портрету Андрея. Однако, хотя Джонни не представлял, как он может получить обратно то, что он одалживал Андрею и Сергею – скорее всего, никак, – в остальном с ними практически всё было настолько ясно, что в дальнейшем он просто не собирался поддерживать с ним никаких контактов.

Всё было неизмеримо сложнее с Леночкой. Конечно, же, теперь он отлично понимал, что у него нет и может быть в принципе никаких перспектив с ней ни как с женщиной, ни как с человеком. И даже несмотря на то, что теперь он знал о ней главное, знал самое ужасное, он всё равно просто не мог взять и оставить её. Ситуация усугублялась тем, что он сдуру не раз говорил ей о своём открытии. Она же, словно не воспринимая всё это всерьёз, заявляла ему, что он просто начитался всякой ерунды в интернете, что надо общаться с реальными людьми и тогда делать выводы. Последнее было ему особенно неприятно. Ведь он понимал, что реальные люди, как правило, просто не хотят общаться с ним, и только Интернет останется навсегда его единственным настоящим другом, который его никогда не предаст.

Теперь, когда Джонни знал, что Леночка не сука, не стерва, сделавшая бесчеловечный выбор, а неизлечимо душевнобольной человек и потому не виновата в этом, он, несмотря ни на что, хотел помогать ей, заботиться о ней. Как-то, вернувшись то ли от любовника, то ли с очередной попойки, она позвонила ему и сказала, что ей плохо и позвала к себе домой. Он был рад сходить в магазин и купить ей продукты, пока она лежала и приходила в себя. Он переживал за её здоровье, видя, что она ест одну колбасу и всё такое,

однако даже со своими новыми знаниями убедить её в чём-либо не мог, что только добавляло ему переживаний за неё.

Как-то в середине недели она сказала ему: приберись дома. Я приеду к тебе в воскресенье. На вопрос о цели её визита отвечала уклончиво: мне нужно кое-что посмотреть. И добавила: мне будет нужна твоя помощь. Расскажу обо всём, когда приеду. Поскольку прибирался он, как всегда, до самого последнего момента, даже не выпался толком в тот день, он опять немного опоздал на встречу с ней, чем привёл её в озлобленное состояние. Придя к нему домой, Леночка выразила своё неудовольствие тем, что «у тебя как всегда, бардак. Вот мою маму бы сюда – она вечно недовольна, когда у меня одна юбка не на месте висит». Долго, однако, на эту тему распинаться она не стала, практически сразу перейдя к тому, в чём ей требовалась его помощь. «Я уже большая девочка. Мне уже 24 года. Я больше не хочу жить с мамой. Я хочу жить отдельно и быть независимой. Поэтому ты будешь снимать мне квартиру. Чтобы тебе хватило денег, это будет не в Москве, а где-нибудь в ближайшем Подмосковье. Возможно, время от времени я смогу приглашать тебя к себе в гости». Такой поворот разговора привёл его во внутреннее бешенство. «Ага, эта дрянь знакомится на сайте с мужиками, и будет кобелей этих туда водить! А я, значит, ещё должен буду ей эту хату оплачивать! Да пошла ты на х**!» Вслух, однако, он ей сказал, что для него это не запланированные расходы и что он подумает.

Словно почувствовав его нерешительность, Леночка применила запрещённый приём. Подойдя к нему вплотную, она принялась тереться своим носиком об его нос. Это было для него просто невыносимо. Чем больше Джонни пытался внушить себе равнодушие, а ещё лучше – отвращение к ней, тем более нестерпимо чувствовал он, как ему хочется её поцеловать. В губы. Испугавшись этого чувства, он резко отстранился и стал говорить ей: «Конечно, я буду снимать ей квартиру, а она будет в это время себе мужика искать и кобелей своих туда водить. Ага. Там себе лоха и поищи!» При этих словах она сжала ладони в кулачки и принялась что есть силы избивать его, жутко ругаясь матом и приговаривая: «Я говорила тебе, что я ни с кем не знакомлюсь, никого себе не ищу!» Вероятно, он действительно был слишком доверчивым, потому что каждое проявление патологической лжи просто изумляло его. На обратном пути, когда Джонни провожал её, Леночка была настроена довольно враждебно, а он обдумывал, как ему лучше послать её. Так, чтобы уже навсегда. Потому что больше выносить такое у него просто не было сил. Да и какой смысл позволять так себя унижать, ради чего? Человек органически болен, ему уже ничем не поможешь, как бы ни хотелось. Только пустая трата ресурсов.

В четверг на следующей неделе она позвонила ему и спросила: «почему ты не звонишь? Ты меня бросил?». Сначала Джонни решил схитрить и сказал: «К сожалению, у меня сейчас нет денег. Мне нечего тебе дать». Пару месяцев, даже месяц, назад после такого заявления Леночка без промедления спустила бы на него собак. Но не сейчас. В этот раз она почувствовала, что дело приобретает серьёзный оборот, и вела себя гораздо деликатней. «Нет денег сейчас – дашь в следующий раз. Давай просто встретимся, поговорим». Но Джонни почему-то в тот вечер был настроен особенно негативно, и подумал что не хочет играть с ней в эту игру. Неожиданно он заявил Леночке, что много думал обо всём и больше не собирался ей звонить. В ходе последовавшего за этим очень неприятного для него разговора он пытался объяснить ей, что не видит смысла играть дальше эту глупую и унижительную роль. В итоге она бросила трубку и написала ему в смс, что он поступил с ней так же подло, как её бывший. Мол, тот её бросил, когда наигрался, и ты туда же. Джонни отвечал, что как минимум, некорректно сравнивать человека, с которым у неё были полноценные отношения, с тем, кем она просто пользовалась. Она зло ответила ему: о какой корректности может идти речь, если ты предаёшь человека, который без тебя пропадёт, и это ты знаешь. Словно уходя от ответа на этот вопрос, который он счёл бесстыдно манипулятивным, Джонни написал последний аккорд: «не нравится тебе человек – не надо на нём паразитировать. Просто отдай другой девочке – она будет счастлива». Конечно же, Джонни прекрасно понимал, что такой «девочки» не было, нет, и никогда не будет. Но в то же время он так хотел сказать этой ***, что он полноценный человек, достойный того, чтобы его любили, любили таким, какой он есть. Разумеется, на эту его реплику никакого ответа уже не последовало, и следующие дни Джонни провёл в мучительных раздумьях наедине с воображаемой девочкой, с которой Леночка его оставила по его же просьбе. Поэтому он был чуть ли не вне себя от радости, когда примерно через неделю Леночка написала ему по почте: «Муся, я скучаю...» Тогда он сразу же ответил ей что он тоже очень скучает, но что же делать, кому сейчас легко? На что она ответила: «А чего тогда вредничаешь-то? Позвонил бы, в кино бы сходили...»

На протяжении следующих двух недель Джонни вёл переписку с Леночкой, в которой он мучительно разрывался между желанием не терять с ней контакта и пониманием того, что, не испытывая к нему никаких чувств, кроме презрения, она его просто использует. Она писала ему:

«Дело в том, что человек, оказавшийся надолго рядом с тобой, будет играть одну из двух ролей (разумеется, я не претендую на стопроцентную точность картины, но в общих чертах примерно так):

- Жертва. Добрый, заботливый мальчик, который испытывает к тебе сильные искренние чувства, готовый на многое ради тебя, даже где-то в ущерб себе. И хотя он тебе не очень нравится и вообще ты от него не в восторге, пока на горизонте нет более заманчивых вариантов, ты используешь его в чисто практических целях. Он готов стараться для тебя, но не в силах тебе угодить. Так, он не способен удовлетворить характерную, особенную для твоего типа личности особую потребность в стимуляции, и тебе становится с ним всё более и более скучно. Он начинает тебя раздражать, ты всё больше капризничаешь, человек всё более отчётливо чувствует, что сам по себе он для тебя никакой ценности не представляет, и ты не избавляешься пока от него только из чисто прагматических соображений. И тут на сцену выходит

- Охотник. С ним всегда интересно. Ведь он способен дать тебе то, чего тебе так не хватало: стимуляцию, остроту ощущений и т.д. С ним твоя жизнь превращается в увлекательнейшую игру. Но – без шансов выиграть. Ибо для него ты можешь быть чем угодно: доступным источником сексуального разнообразия, тем, чем можно похвастаться перед друзьями и т.д. Но только не полноценным партнёром по жизни, не равным по достоинству человеком. Сначала ты не можешь даже понять, с кем имеешь дело, и что это за человек, потому что упомянутая специфика твоей личности делает тебя неспособной хорошо разбираться в людях. А потом уже слишком поздно. Ты беспомощно болтаешься у него на крючке, фактически лишённая своей воли, которая у тебя и так не очень. Увы, аномалия твоей личности даёт тебе не только изумительный талант манипулирования людьми, но и делает тебя чрезвычайно уязвимой. Поэтому, коль скоро ты попала на крючок охотника, и он нащупал твои болевые точки... Как бы это ни завершилось (А это обречено закончиться, т.к. если он достиг статуса и получил навыки, которые позволили ему стать охотником на людей, он прекрасно понимает, что не хотел бы провести остаток своей жизни с такой, как ты. Хотя он может, конечно же, преследуя свои цели, внушить тебе совсем другое), психическая травма в итоге тебе гарантирована.

Таким образом, поскольку я теперь представляю, с кем имею дело в твоём лице, и не хотел бы видеть себя ни в одной из перечисленных выше ролей (в первой быть не хочу, во второй не могу и не хочу), то дальнейшее взаимодействие с тобой последнее время представлялось мне таким образом. Я не стремлюсь прекратить с тобой всякие контакты навсегда, так как каждый раз, когда ты будешь выброшена на свалку жизни очередным охотником, я могу оказаться едва ли не единственным человеком, который поможет тебе залечить душевные и иные раны. В этом плане, я думаю, ты можешь на меня рассчитывать, что пока я не помру или пока твои мужики тебя окончательно не угробят, или ты сама себя окончательно не угробишь, если ты придёшь ко мне и скажешь что тебе плохо, я просто не смогу тебя оттолкнуть – я не такой человек. А потом, ты снова в бой, а я буду заниматься другими людьми и своими делами.

А ещё я хочу, чтобы ты знала, что мне отнюдь не безразлична твоя судьба, и мне не всё равно, что с тобой будет дальше. Просто я также отдаю себе отчёт в том, что как человек я для тебя слишком мало значу, а, следовательно, от меня в твоей жизни реально мало что зависит, так что как бы я ни хотел, я не смогу оказать практически никакого положительного влияния на твою судьбу».

На это она отвечала ему, что если он будет смотреть на это так примитивно и видеть всего два варианта, то он действительно захочет её оставить, но если он хорошенько подумает, то поймёт что всё на самом деле сложнее.

На той неделе они собирались встретиться в воскресенье. В субботу он позвонил ей днём, она ответила ему, что перезвонит позже. Перезвонила она ему уже в десятом часу вечера и пьяным голосом принялась ему рассказывать, что на работе ей опять не платят зарплату, что она заняла у начальника 25 тысяч, что её мама затеяла дома ремонт – это ещё куча долгов, 75 тысяч. Из её пьяного рассказа Джонни понял, что она не только ничего не осознала, но и что она просто теперь хочет получить с него все эти деньги. Платят ей или не платят, должна она кому-то или не должна, но его она хочет просто дальше использовать, ничего более. Поэтому вместо того, чтобы звонить ей и договариваться о встрече, он написал ей по почте, что прекрасно понимает, зачем он ей нужен. Однако его эта роль не устраивает, и он будет жить с (воображаемой) женщиной, с которой у него будут полноценные отношения. Нет-нет, он не написал, конечно, что та женщина будет воображаемая, но и он, и она прекрасно понимали, как дело обстоит в реальности, и каковы его перспективы найти не воображаемую женщину. В ответ же он получил от неё удивительно обстоятельное и в то же время спокойное, несмотря на надрывно-резкий тон его последних писем, послание.

«Я хотела прислать тебе ответ на все твои письма – пишу.

- Ты просила принять окончательное решение относительно тебя.

- Нет, я не просила. И вообще я не верю в окончательные решения, с этим все сложно...»

Касательно его воображаемой женщины, Леночка писала: «Это хорошо, я надеюсь, что этот человек сможет тебе дать все, то что не дала тебе я, и что ты не нашел со мной. Я хочу, что бы у тебя все было хорошо, и чтобы ты был счастлив. И если кто-то сможет тебя сделать таким, то я буду только рада.

- При таком раскладе, как ты понимаешь, дальнейшее общение между нами автоматически теряет для тебя всякий смысл.

- А для тебя? Для меня лично нет, но опять же я не хочу делать что-то в ущерб тебе, поступай так, как тебе будет комфортнее

- Да, я знаю, что “ломать - не строить”, но в данном случае прекрасно понимаю, что ломать нечего, т.к. между нами не было равным счётом ничего, кроме твоего стремления использовать другого человека в своих целях.

- Если ты так считаешь, то пусть будет так.

- Как бы там ни было, я старался тебе помогать, чем мог.

- Да, я знаю, спасибо тебе большое за это, это очень ценю. Спасибо тебе за то терпение, которое ты проявил со мной. И за ту помощь, которую ты мне оказывал, когда мог. И за то, что был рядом, когда мне было плохо. На самом деле, у тебя очень много положительных качеств и мне есть, за что тебя благодарить. Очень жаль, что я это во время не смогла понять, но понимаю это сейчас. Таких людей, как ты, я еще не встречала, да и никогда не встречу, в отличие от меня. Таких, как я, ты найдешь себе всегда – их полно.

- С одной стороны, да, я всё-таки чувствую на себе ответственность.

- Как можно чувствовать ответственность по отношению к такой как я? Тебе стоит держаться от меня подальше. Как и любому нормальному человеку.

А теперь, наверное, небольшой итог. Ты замечательный человек, и мне очень жаль, что я не смогла оправдать каких-то твоих надежд и ожиданий. Я не достойна такого человека, как ты. Мне нужно меняться. Я не знаю, сколько на это уйдет времени и получится ли что-то вообще. Мое мнение ты знаешь: я хочу, чтобы ты был в моей жизни. Но я не хочу, чтобы это было в ущерб тебе. Тебе должно быть хорошо. Как морально, так и физически. Конечно, я понимаю, что поступала не правильно. Но понимать и поступать разные вещи...

Если ты захочешь дальше общаться со мной, то ты знаешь, как со мной связаться. А если нет, то я все пойму, главное что бы тебе было хорошо.

А также у меня будет к тебе одна просьба. Напиши каких качеств мне не достает и чем я должна обладать, для того что бы в моей жизни был такой человек как ты или хотя бы похожий. Конечно, таких как ты больше нет, но если я вдруг встречу его, то своего шанса уже не упущу. Но все-таки хочу, что бы это был ты... пока еще это возможно. Я что будет потом, я не знаю, я меняюсь и не знаю в какую сторону. Но ты замечательный, знай об этом, пожалуйста».

Джонни не мог этого себе объяснить, но почему-то её письмо привело его в неописуемый восторг. И дело даже не в том, что она как бы признавала свою неправоту и неспособность исправиться, а также то, что он замечательный человек и что она его недостойна. Скорее, его поразило то, что она не постеснялась передраť из поп-психологической книжки (Книжка называлась что-то вроде: «Психическая атака ниже пояса»). Леночка штудировала такие книжки как учебные пособия, в надежде на то, что они помогут ей лучше манипулировать людьми.) как саму идею такого письма, так и чуть ли не конкретные слова. В самом деле, вот фрагмент письма, которое автор этой книжки преподносил в качестве рецепта отвергнутой любовнице:

«Но одна просьба у меня к тебе есть. Скажи мне, какие качества мне необходимо приобрести, а от каких избавиться для того, чтобы понравиться такому мужчине, как ты, и удержать его. Я понимаю, что такого, как ты, уже не встречу, но если попадется хоть немного похожий на тебя, я уже не упущу своего шанса».

Как говорится, найдите десять отличий.

Однако такое самодовольное торжество Джонни быстро сникло при мысли о том, что какой бы душевнобольной душой она ни была, это она обманула и развела его, такого умного и замечательного, словно лоха последнего. А он... Хотя и нельзя сказать, что верил её некритично, но всё равно так или иначе повёлся. И мысль эта была невыносимой для его самолюбия. Не придумав ничего более язвительного, он ответил ей просто, что хорошо, он её проконсультирует, как найти себе другого. Того, чьей добротой она сможет практически безнаказанно пользоваться вместо него. Она ответила что-то вроде: «Я правильно поняла, что ты меня бросаешь?» На это Джонни ответил, что бросают жён, своих девушек или любовниц, с которыми есть реальные отношения. В случае же с ней, он просто прекращает её халяву, её паразитизм. Навсегда.

Как и следовало ожидать, никакого ответа с её стороны на это уже не последовало. Однако каждый день, с того момента, как он отправил ей это послание, Джонни буквально не находил себе места. Мучительные мысли о Леночке практически не покидали его голову, чем бы он ни занимался: работал ли, шёл в магазин или принимал душ. Имел ли он моральное право так с ней поступать? Не был ли он с ней слишком жесток? Ведь как бы она себя ни вела, теперь-то он знал, что она ни в чём не виновата!

В субботу эти раздумья стали для него просто невыносимыми. Он знал, что поступи он иначе, они бы сейчас смотрели кино или сидели в кафе. А так он был один, совсем один, и хотя ему всегда было чем заняться, с этими мыслями о ней, не дававшими ему покоя, он просто не знал, куда себя деть. Наконец, он написал Леночке смс, что погорячился, что раскаивается, что ему очень жаль и всё такое. На его удивление, она быстро ответила, написав ему, что это всё слова. И что она ждёт от него конкретных поступков, «пока ещё можно что-то исправить». Само упоминание конкретных поступков показалось ему зловещим признаком. Оно до боли напоминало то, что писали в интернете женщины, торгующие собой. Точнее, женщины, пытающиеся разводить мужчин на деньги. Его наихудшие ожидания оправдались, когда он всё же решился ей позвонить. Она сразу же задала ему вопрос, от которого он просто опешил: «что ты хочешь от меня?» А когда он смущённо ответил ей, что, как минимум, пообщаться, встретиться, она вдруг заявила

ему, что у неё уже достаточно желающих с ней пообщаться и встретиться, и что ей нужна материальная заинтересованность в том, чтобы встретиться с ним. Потом, мучительно возвращаясь мыслями к тому разговору, он не раз задавал вопрос, почему он не сказал ей тогда фактически то единственное, чего требовало в подобной ситуации самоуважение: «да пошла ты на х**!»?

Очевидно, он был настолько деморализован и подавлен происшедшей с ней метаморфозой, в результате которой он был для неё уже не особенным, а одним из многих, что всё, что он мог делать в том крайне неприятном разговоре, так это мямлить что-то невнятное на тему: «как же так?» И чем дальше, тем больше он понимал, что разговор этот между ними ни к чему хорошему не ведёт. Видимо, это понимала и она, поскольку в результате сбросила телефон. После чего он получил от неё смс, в которой она писала: «Извини, я устала немного. Забудь всё, что я тебе говорила за этот час. Это всё ерунда. Всё проще, чем кажется. Ты хороший, ты замечательный, но я тебя недостойна. Я гадюка и я останусь такой. И я буду тебе вредить. Ещё раз повторю, я тебя недостойна. Но если ты сам этого хочешь – звони, пиши, приглашай на встречи. Только не ной». Через несколько минут пришла ещё одна смс: «Но если тебе сложно, я готова сделать первый шаг. Если хочешь, завтра в час дня можем встретиться на обычном месте. Посидим в кафе, поговорим. Я буду ждать тебя пять минут. Если хочешь – приходи». На следующий день он приехал минут за 20-30 до назначенного ею срока. Она разговаривала с ним сухим и надменным тоном. Сказала, что если человек для тебя что-то значит, ему надо доверять. Видимо, её очень задело когда он написал ей в письме о том, что он проверил кое-какие её утверждения, которые она делала в разговорах с ним. И что они оказались ложными. На самом деле, конечно же, его заявления были блефом, т.к. она обо всём позаботилась. В частности, чтобы у них не было общих знакомых, так что проверить он толком ничего не мог. Да это и не имело особого значения, т.к. теперь он знал наверняка, что она ему патологически врала. Даже там, где, казалось бы, ставки были невелики, как когда она уверяла его, что плату за её занятия восточными танцами подняли с 2800 рублей до 3500. Кстати, этот конкретный факт он мог проверить, но даже не стал этого делать, т.к. и без этого знал, что она ему врёт. Да и потом, они бы информацию на сайте тогда обновили. Поэтому, как она сказала, она прошла в случае с ним точку возврата. Или невозврата. Так или иначе, теперь она будет только принимать от него материальную помощь, но откровенно рассказывать ему про себя больше ничего не будет, т.к. такие вещи делаются только с близкими людьми, которые тебе доверяют. Таким образом, получалось, что раньше у него был выбор между тем, чтобы, вопреки всяческому здравому смыслу, безоговорочно верить её всё более возмутительной и невероятной лжи, вызывая тем самым всё большее её презрение, либо... в итоге слушать то, что она ему сказала в эту встречу. Теперь же у него выбор либо совсем прекратить с ней контакты, либо даже не имея права ничего узнать о ней толком, просто позволять ей на себе паразитировать самым беспардонным образом просто за право время от времени её видеть. Таким образом, выбора-то у него фактически не было! Оставалось только послать её на ХХХ! Джонни решил не устраивать с ней открытый конфликт в общественном месте, а просто расстаться с ней методом «холодного индюка». То есть просто в одностороннем порядке прекратить с ней все контакты, не звонить и не писать ей. А потом, когда утихнет боль по поводу всей этой ситуации и безвозвратного отсутствия Леночки в его жизни, помаленьку налаживать новую жизнь без неё.

Всю следующую рабочую неделю мысли о Леночке не покидали голову Джонни, и он не находил себе места. Но поскольку он не звонил и не писал Леночке, то всё вроде шло по намеченному. Однако в субботу случилось непредвиденное. Леночка позвонила ему сама: «Привет, Мусяндр! Пошли в кино! Я тебя жду в 3 часа в торговом центре на Варшавке». И он, презирая себя, стал собираться. По приезде в ТЦ она не только закупила себе интересующие её шмотки, но и красила ногти за его счёт. А когда Джонни заявил ей, что она вымогательница, Леночка подвела его к витрине и ткнула носом в стекло, за которым блестело и переливалось колечко стоимостью сто двенадцать тысяч рублей. «Вот видишь, как я забочусь о сохранности твоих финансов? Я тебя не заставляю купить мне это колечко. Хотя, конечно, если ты мне его всё же купишь, я буду тебе очень признательна». Джонни совершенно не мог понять, почему в тот день, начиная с того момента как он услышал её звонок и – это приходилось признать – сильно обрадовался ему, с ним происходило что-то странное. Он не только не мог её послать, но и даже не мог толком прийти в ярость по отношению к ней. Она вдруг словно почему-то представилась ему хотя и капризным и взбалмошным, но в то же время таким любимым и беспомощным ребёнком, о котором надо заботиться, что он даже не стал препятствовать её намерению сделать маникюр.

Отрезвление наступило уже тогда, когда он вернулся домой. Он подумал о том, что вот сейчас ей уже нет до него никакого дела. Возможно, она раскручивает на деньги кого-то ещё, или просто занимается своими делами. Но факт остаётся фактом, что она про него уже не помнит, и он для неё совершенно ничего не значит до тех пор, пока ей не придёт время снова им воспользоваться.

И тогда Джонни подумал о том, что надо попробовать применить с ней другую стратегию. Что он слишком много думает о ней, слишком заиклен. Ему надо разнообразить свою социальную жизнь, свой круг общения, чтобы он не был замкнут на ней одной.

Хорошей возможностью в этом направлении представлялся ему грядущий день рождения его знакомой по имени Даша, куда его пригласили.

Кирилл был, пожалуй, наиболее колоритной фигурой среди всех приглашённых. Была в нём какая-то первобытная сила, впрочем, рафинированная современной цивилизацией, которая привлекала женщин. Он был охотник по жизни. Надо было видеть, с каким упоением рассказывал он о том, как он убивал

животное, как снимал с него шкуру. Джонни, однако, не мог проникнуться рассказом Кирилла, т.к. ему было просто жаль, очень жаль несчастных животных, чья насильственная смерть была для человека забавой.

Другими вожаемыми объектами охоты для Кирилла были женщины, только в данном случае целью было не убийство жертвы, а половой акт. В отличие, скажем, от Теда Банди ему не надо было убивать женщин – интересовавшие его женщины отдавались ему и так. Хотя, по его собственному признанию, жизнь другого человека для него не представляла никакой ценности.

Когда Джонни поинтересовался у Кирилла, есть ли у того совесть, Кирилл, не задумываясь, ответил что совесть используется государством и обществом для контроля слабых и зависимых индивидов. И что сильные личности, такие, как он, не испытывают нужды в этих понятиях.

То есть, раз у тебя нет совести, ты хочешь сказать, что ты можешь убивать людей налево и направо?- недоумевал Джонни. На это Кирилл отвечал ему, что здесь всё не так просто. Если он будет неосторожен, убийство может повлечь за собой уголовное преследование, которое в свою очередь может повлечь за собой ограничение его свободы. А он любит свободу и не хочет, чтобы её ограничивали.

Но Кирилл готов рисковать и не боится смерти. Он готов умереть без сожалений в любую минуту. Он живёт «здесь и теперь». Его очень удивило, когда Джонни рассказал ему про свою экзистенциальную тревогу. «Как можно цепляться за жизнь, в которой нет ничего стоящего: ни денег, ни женщин, ни власти над другими?»- недоумевал Кирилл.

Кирилл называл себя социопатом. Как следовало из его слов, сам Кирилл понимал под этим то, что он преследует исключительно собственные, эгоистические интересы и плевать он хотел на интересы социума.

Несмотря на презрительное отношение Кирилла к социуму, у него был модный стиль, демонстрировавший его принадлежность к верхним слоям этого социума. Для Джонни с его интересом к компьютерной технике этот стиль Кирилла выражался в том, что ему нравились ноутбуки и компьютеры Мак – продукция корпорации «Яблоко». Это неожиданной ассоциацией из совсем другой оперы навело Джонни на мысль о том, что Кирилл и сам был «мак» – сокращение от фамилии Макиавелли.

Глядя на Кирилла, Джонни думал о том, как круто, наверное, быть вот таким «альфа-самцом». Вспоминал, как в его собственном забитом детстве, когда маленькому человеку всё ещё кажется, что он может что-то кардинально изменить в своей жизни, ему хотелось хоть немного, хоть в чём-то быть таким. Теперь же он понимал, что он не может быть таким, как бы он этого ни хотел. Да и не хочет, наверное.

Джонни познакомился с Дашей пару лет назад в интернете. И хотя они должны были быть, по сути, классовыми, а следовательно, и идейными врагами, коль скоро они не акцентировали противоречия, их общение было весьма дружеским. Даша закончила иняз и преподавала английский язык на курсах и индивидуально. С одной стороны, она несла людям знания. Такая деятельность вызывала у Джонни искреннее уважение на фоне встречавшихся ему повсеместно ростовщиков (сотрудников финансово-кредитных организаций), перекупщиков (сюда относились работники многих предприятий торговли), а также многих государственных чиновников, откормленных на откатах и распилах госсобственности. Тем не менее, Даша учила отнюдь не всех, кто стремился к знаниям, а только тех, кто был в состоянии за это заплатить или за кого могли заплатить родители.

Глядя на этих приличных, интеллигентных людей, собравшихся у Даши за столом, Джонни отчётливо осознавал, какая пропасть отделяет его от них. При всех нюансах, которые могли быть у каждого из них, все они, в отличие от него, были полноценными представителями среднего класса. Каждый или практически каждый из них вставал рано утром, садился в свой автомобиль и ехал на работу в офис, где он работал с 9 до 6. Основным приоритетом профессиональной деятельности для них было их собственное материальное благополучие, благополучие своей семьи.

Всё национальное богатство, совокупность товаров и услуг представлялась ему большим пирогом. Родной город же представлялся ему большим муравейником, населённым в основном людьми, пытающимися отнять, утащить, продать, отсудить друг у друга куски этого пирога. И вообще пытающимися делать что угодно, только не растить зерно, не молоть муку и не печь пирог. Производительный труд, создание чего-то своими руками и головой, здесь с некоторых пор стало принято считать уделом «быдла»: гастарбайтеров, деревенщины и вообще ущербных, не способных устроиться на более достойную работу. Даже высокие технологии было принято считать уделом китайцев: их много – сделают всё, что надо.

Все или почти все эти люди выросли в полноценных семьях с двумя родителями, которые позаботились отдать их в хорошую школу, выпускники которой успешно поступают в престижные вузы. Им нанимали преподавателей, которые терпеливо занимались с ними игрой на фортепиано и иностранными языками. При этой мысли Джонни почему-то вспомнил, как когда он заканчивал школу, у него выходила тройка в аттестате по английскому языку. Когда он пошёл к учительнице, чтобы обсудить этот вопрос, она попросила его прочитать английский текст, и не могла удержаться от смеха когда он читал числа русскими словами (как оказалось, в английском языке для этого были свои, английские числительные). Однако он практически все школьные годы он был послушным, тихим мальчиком, который не шумел на уроках. Она ценила это, и потому сжалилась над ним и поставила ему четыре.

У каждого из этих людей было много друзей. Каждый занимал прочное и комфортное место в прочной «социальной сети» нужных связей, позволяя им эффективно решать вопросы не только неформального общения, но и вопросы трудоустройства, а также помогая отстаивать свои интересы в

различных конфликтных ситуациях, от которых в современной жизни никто не застрахован. У Джонни же было лишь несколько человек знакомых, которые просто по мере необходимости время от времени его использовали. Было, конечно, ещё несколько человек, которые время от времени вроде бы с интересом обменивались с ним репликами по различным вопросам. Однако они в этом плане скорее напоминали людей, которые, идя мимо зоопарка или кунсткамеры, остановились и заглянули посмотреть на диковинное существо, после чего пошли дальше по своей жизни уже с лучшим настроением. Джонни, конечно, был рад, что от него была хоть такая польза, но, так или иначе, фактически его единственным другом в этом мире был его старенький полуразвалившийся компьютер. И так тоскливо стало ему на этом празднике жизни, что он не хотел больше погружаться в эти грустные раздумья, а сосредоточился на свином пожирании салатиков, составивших изумительно вкусный контраст его холостяцкому рациону. После этого Джонни ещё посидел немного, чтобы переварить, так, чтобы откормленный желудок не перевешивал вперёд и не мешал дышать при ходьбе, давая на диафрагму, затем пожелал ещё раз гостеприимной хозяйке всего наилучшего и отправился домой.

По дороге Джонни думал о том, что хотя некоторые из этих людей могли заинтересованно или даже доброжелательно общаться с ним, они на самом деле были не его поля ягоды.

Рома, бывший парень Даши, в отличие от Джонни получил достойную специальность, выучившись на юриста. Однако, со слов Даши, он постоянно терял, а потом подолгу не мог найти новую работу. При этом у него, однако, как у нормального человека, сохранилась потребность в деньгах и том, что можно на них купить. А потому, со слов Даши, он был готов удавиться за каждую лишнюю пару тысяч, потраченную на неё, хотя она и так практически везде платила за себя. В итоге это стало для Даши уже слишком, и Рома потерял Дашу. Пытаясь вникнуть в Дашин рассказ, Джонни думал о том, что, надо полагать, юристов и без Ромы развелось слишком много. И чтобы преуспеть в этой конкурентной среде, требовалась мотивация и настойчивость. Их, как следовало из рассказа Даши, Роме как раз и не хватало. Очевидно, не было у Ромы той хищной, практической хватки, которая отличает настоящих мужиков, таких, как Кирилл, от таких тюфяков и прочих тряпок, как сам Джонни. Это обстоятельство помешало ему реализоваться как профессионалу и как джентльмену. В результате у Даши были амбивалентные чувства относительно Ромы. С одной стороны, было видно, что Рома ей нравился – иначе разрыв с ним не вызывал бы у неё таких негативных эмоций. Но тем обиднее было, что он не сумел соответствовать её ожиданиям относительно того, каким должен быть мужчина. Однажды даже Даша назвала Рому подонком и недоноском. Понимая, что это его не касается, а также то, как неприятен Даше этот разговор, Джонни был вынужден обуздать своё любопытство и не расспрашивать больше её про Рому. Однако уже того, что Даша ему рассказала, для Джонни было достаточно, чтобы укрепиться в его выводе относительно женщин как класса: ему следовало избегать нормальных, полноценных, «правильных» женщин. Конечно же, он вполне мог поддерживать дружеские контакты с Дашей и некоторыми другими девушками, особенно если не делать в разговорах акцент на том, что их разделяет. Мог помогать им с компьютерами и прочими вопросами, в которых он хорошо разбирался. Но по-настоящему близкой ему могла стать только та (по необходимости заведомо ненормальная!) девушка, которая смогла бы принять его, Джонни, подонка и недоноска, таким, какой он есть.

Конечно же, Леночка не собиралась принимать его таким, какой он есть. Однако она была больным человеком, а потому ей простительно. Как бы трудно ни было каждому из них, им, ненормальным, следовало держаться вместе. Поэтому Джонни очень обрадовался, когда в середине следующей после дня рождения Даши недели ему позвонила Леночка. И хотя она начала городить какую-то ерунду о том, что ей по работе нужна его помощь с каким-то там статистическим расчётом, а он был расстроен что, будучи в пути, не сможет её помочь, он был очень рад снова слышать её голос.

На следующий день Джонни сам позвонил Леночке и спросил про её настроение. На что Леночка отвечала, что настроение не очень «потому что ты меня бросил».

В уикенд на той же неделе мама Леночки активно занималась ремонтом квартиры, и Леночке надо было где-то перекантоваться, в связи с чем они с Джонни оба дня ходили в кино, кушали в ресторанах, а большую часть времени посещали торговые центры, чтобы покупать Леночке шмотки.

Конечно же, вначале на Джонни это обстоятельство произвело изрядное впечатление. Дело в том, что Леночка ему всё время рассказывала, клянча у него деньги, что мама её фактически инвалид, которой ещё к тому же почему-то не платят пособие по инвалидности. И что же получается? Мама-инвалид ковыряется дома с ремонтом, когда её здоровая дочка ходит по развлекательным заведениям, а также покупает себе тряпки. Причём покупает не потому, что ей нечего надеть, а просто потому что ей скучно. Неувязка вышла, - подумал Джонни. Но потом он цинично подумал о том, что Леночка в некотором роде ещё больший инвалид, нежели её мама. Ведь у неё поражён орган, отвечающий за внутренний мир каждого человека, - мозг. В результате чего у Леночки в принципе не может быть совести, эмпатии и всё такое. И всё для него снова встало на свои места. Леночка была для него в те два дня, словно тяжелобольной ребёнок, с которым он ходил в кино, в кафе и в магазин игрушек. И, чего бы это ему ни стоило, в какие-то моменты он был, можно сказать, счастлив, видя какой радостью светились её глаза, когда она смотрела на понравившуюся ей юбочку, платьице или блузку. А потом строила ему глазки: «Муся, мы купим?..» И ему так не хотелось, чтобы из-за его отказа её прекрасное личико искажалось злобой, и она начинала шипеть про его жлобство и жмотство. Он же пытался хитрить. Мол, ты посмотри, сколько тут всего – мы тебе ещё

лучше найдём. К счастью, на стороне Джонни была Леночкина капризность, по причине которой ей очень мало что нравилось.

Несмотря на все бессмысленные, по сути, расходы, понесённые им в эти два дня, ему всё равно хотелось ей сказать ей что-то хорошее. Но, не придумав ничего лучше, он зачем-то сказал Леночке о том, что, хотя многие вещи его расстраивают, он всё больше приходит к выводу, что другие девушки для него не лучше и что никто, по сути, ему её не может заменить. Леночка с радостью поддержала это утверждение: «Я, конечно же, говно ещё то, но... своё, родное, когда ты принохался - уже так не пахнет!»

Это заявление произвело на Джонни парадоксальный эффект. Он вдруг отчётливо понял, что никогда не полюбит ни одну женщину так сильно, как это «говно». Что когда они расстанутся навсегда, ему каждый день будет катастрофически её не хватать, что он никогда не сможет её забыть...

Наверное, примерно такие мысли позволили ему спокойно воспринимать её удивительные по своей бесцеремонности вопросы на следующий день по аське. «Муся, меня достало это метро! Муся, где моя машинка, я тебя спрашиваю? Муся, я хочу машинку! Подари мне машинку! Леночке!!! От Мусечки!!!»

Примечательно, что какими бы глупыми и безрассудными ни были эти мысли, в тот момент Джонни серьёзно рассматривал для себя такую возможность. Он ответил Леночке, что подумает о том, как ему наскрести денежки на её машинку. На что она отвечала ему: «ты не думай, Мусечка, ты очень много думаешь! Ты зарабатывай денежку, зарабатывай, и покупай машинку Леночке!»

Следующие выходные, однако, разбила вдребезги его позитивный настрой относительно Леночки. Между ними была предварительная договорённость встретиться в воскресенье. В воскресенье утром, когда Джонни-полуночник пытался стряхнуть с себя остатки сна, чтобы позвонить Леночке, раздался её звонок. Он сразу почувствовал неладное, а именно, что Леночка не в духе. «Мне вот интересно: если бы я сейчас тебе не позвонила, ты бы мне тоже не позвонил, и мы бы не встретились, да?» На это Джонни честно отвечал, что он вот как раз собирался позвонить. И, пытаясь сменить тему разговора, спросил:

- на какое кино мы пойдём?

- ни на какое. Там ничего не идёт.

- А куда же мы пойдём?

- Не знаю. Предлагай, ты же мальчик!

На это Джонни смущённо отвечал, что он не предвидел такой поворот событий, что они каждые выходные ходили в кино и потому он не думал про другие варианты. В голосе Леночки чувствовалась злость: «Почему я всегда должна с тобой брать на себя роль мальчика и решать, куда мы пойдём?!» В результате вроде договорились, что такое будет в последний раз, и дальше он перед встречей будет предлагать ей варианты, куда можно пойти, а она будет выбирать. В этот же день они договорились встретиться у кинотеатра в другом ТЦ, не том, где они встречались обычно, без 10 минут час дня. В 12.45 Джонни, чтобы убедиться, что он пришёл куда надо, отправил Леночке смс. Однако, на его удивление, она через несколько минут ответила, что она ещё дома, сидит в интернете, но «ты бери билеты на сеанс 13.20, я успею». В 13.18 Джонни, уже изведённый ожиданием и опасениями что Леночка опоздает, и они не попадут на сеанс, наконец, увидел Леночку, спешащую к входу в кинотеатр. Она небрежно бросила ему: «Извини, я просто увлеклась, смотрела рейтинги роддомов, не заметила время». Упоминание роддомов просто повергло Джонни в шок. Она что, рожать собралась?! Интересно, от кого?! Однако расспрашивать её не представлялось возможным, т.к. начинался фильм, и Джонни так и зашёл в кинозал растерянный, со ртом, раскрытым от удивления.

В кинозале тревожные мысли о том, что всё это может значить и неужели правда её угораздило залететь, не давали ему покоя. Время от времени он зажмуривал глаза и напряжённо думал, не обращая внимания на происходящее в дебильном фильме, который в это время демонстрировали на экране. Видя, что с ним творится что-то неладное, Леночка не раз принималась его бить своими кулачками и щипать. Она так делала всякий раз, когда он, согласно её видению ситуации, слишком много думал. Вместо того, чтобы смотреть кино или следить за происходящим в реальной жизни. Она неоднократно заявляла, что её это бесит. В этот раз, однако, она была словно особенно чем-то раздосадована и била его с особенным остервенением.

По окончании киносеанса Джонни осторожно попытался выяснить у Леночки что с ней творится. «Я же вижу что с тобой что-то не так». Однако она даже не захотела идти с ним обедать в ресторан, а просто попрощалась. Джонни прекрасно понимал, что расспрашивать её бесперспективно, что она рассматривает его просьбы и уговоры как проявление слабости, и начинает ещё больше презирать его. Он решил, что раз она понимает только язык силы, он попробует собраться с силами и действовать с ней другим способом. К этому его толкала тревожная и унижительная картина, которая рисовалась в его больном воображении. Шаг за шагом он представлял себе как она надевает купленные им шмотки, чтобы вертеть задницей на работе или где-то ещё перед мужиками. Которых она находит достойными, в отличие от него.

Однако когда в следующую пятницу она позвонила и сказала ему: «готовься. Мы пойдём в эти выходные пойдём покупать мне платье для корпоратива на работе», он вначале не нашёл в себе сил ни на что, кроме как промычать нечто вроде согласия. Однако после окончания разговора, увидев её в аське, он вспомнил свою обиду и решил наехать. Зная, как надо спровоцировать Леночку, он спросил у неё, что с ней тогда творилось. На что она ответила что, как она сказала раньше, она не хотела бы об этом говорить. Это его просто взбесило:

- Что, я не достоин знать, да? Я гожусь только чтобы деньги стрелять и шмотки тебе покупать, чтобы ты потом задницей вертела перед своими хахалями? Хватит! Теперь сделаем по-другому. Пусть теперь тебе шмотки твои любовники покупают. Как говорят в народе, кто е**т, тот пусть и кормит! Так будет справедливо. Тем более что у его мамы сейчас серьёзные проблемы со здоровьем, и на это уходят у него значительные силы и средства. А о ней уж пусть как-нибудь позаботятся те, кто ей «ближе к телу».

Её ответ был на удивление спокойным:

- Мне очень жаль, что у тебя болеет мама, но я не хочу слушать твоё хамство и чтобы ты срывал на мне свою злость. К твоему сведению, у меня нет любовника и никто меня не е**т! А что ты там себе надумал по поводу того, зачем я смотрела рейтинг родоводов, так это у меня знакомая скоро собирается рожать, и мне стало любопытно. А у тебя все мысли в одном направлении!

В итоге разговор они закончили относительно мирно на том, что Леночка сказала: «Я понимаю как тебе сейчас сложно с мамой, но ты держись».

А Джонни пришёл к неутешительному выводу, что для него давно настала пора принимать относительно Леночки нелёгкое организационное решение. Но он также понимал, что этому препятствует то, что он слишком заиклен на ней, что никого другого для себя просто не представляет, что она для него в личном плане чуть ли не целый мир.

У него тогда возникла мысль сосредоточиться на знакомствах в инете и развивать эту тему до победного конца. На чём же могла быть основана его уверенность в победе? Увы, как потенциальный кавалер, он представлял собой катастрофу. У него было мало денег, не было дачи, машины. Он жил в заваленной хламом квартире со своей мамой, которую он не мог оставить, потому что она тяжело болела и нуждалась в постоянном уходе.

Поэтому не было ничего удивительного, что ему отвечали практически исключительно приезжие. Наверное, последний раз когда ему писала девушка, зарегистрированная по московскому адресу, это была Леночка более чем полтора года назад. И теперь он видел, к чему это привело, хотя почему-то по-прежнему нисколько не жалел, а, напротив, был рад, что в своё время встретил Леночку.

Джонни очень настороженно относился к приезжим, и на то у него были веские основания. Поэтому его общение на сайте знакомств «кобра» всё больше напоминало ему игру, смысл которой состоял в том, чтобы за минимальное число сообщений узнать наверняка, что девушка не из Москвы. Причём правилами игры было запрещено задавать прямой вопрос: «ты с какого города?». С Никой из Костромы, работавшей детским психологом, игра не заладилась с самого начала. Она написала, что ей некогда писать послания, и оставила свой номер телефона. Позвонив ей, Джонни не нашёл ничего лучшего, чем рассказать о своём интересе к тому, как устроен мир. А когда Ника с некоторой долей иронии попросила его поделиться с ней последними сведениями о том, как устроен мир, Джонни сначала не сразу нашёл что ответить, а потом неожиданно сказал ей что, например, раньше считалось что в основе мироздания лежат точечные элементарные частицы. А недавно было предложено, что основу всего составляют очень маленькие струны.

Вопреки ожиданиям Джонни, реакция Ники при упоминании понятия о струнах оказалась совершенно неожиданной. Она вдруг с заметным энтузиазмом принялась рассказывать, что она слышала про струны и что ей это очень интересно. А потом добавила, что она согласна. Последнее заявление несказанно удивило Джонни ввиду того, что он пока ей ничего решительно не предлагал. Хотя он не решился задать ей прямой вопрос, из дальнейшей беседы стало ясно, что она имела в виду, что согласна с ним встретиться, чтобы он ей рассказал про струны. Такой странный интерес немало изумил его, однако через пару дней они созвонились и договорились встретиться в воскресенье в 5 часов вечера у станции метро, соседней с её станцией.

В воскресенье днём он отправил ей смс с единственным вопросом: мы встречаемся, как договорились? Получив утвердительный ответ, он отправился на Калужскую. Без нескольких минут пять он отправил ей смс: я жду тебя в торговом центре у м. Калужская. Её ответ: «уже?» немало удивил его. Он написал: мы же договорились встретиться с тобой сегодня в 5 вечера! Тогда она написала ему такое, после чего он долго не мог прийти в себя: ты ошибаешься. Я сказала в 6. Я буду минимум через 50 минут. Джонни был просто в шоке! И думал о том, что тут психопатка Леночка отдыхает и нервно курит в сторонке – даже она никогда не додумалась бы до такого! Джонни понимал, что иногда он бывает невнимательным, но не до такой же степени! Он всё ж таки пока в своём уме! Интересно, она просто задержалась и теперь хотела выйти из положения, свалив вину на него, или это такой специальный приём? – думал он. Джонни пожалел о том, что не договаривался с Никой в смс или не уточнил в текстовой форме. Но делать было нечего, он плюхнулся на лавочку в торговом центре и погрузился в свои мысли. Ближе к 6 часам он спустился к входу в торговый центр, чтобы встретить Нику. Сама процедура встречи, однако, только добавила ему негативных эмоций. Когда он подошёл к Нике, чтобы поприветствовать её, она заявила ему о том, что у неё личное пространство 50 см. И чтобы он не приближался к ней на расстояние меньше вытянутой руки. Очевидно, человеку, который понравился, такого не скажут. Тем более что он в любом случае не рвался с ней обниматься и целоваться при первой встрече. Джонни при этом ещё почему-то вспомнил, что ни Даша, ни Леночка при первой встрече не могли ему сказать такого. Они просто шли рядом, не отстраняясь от него. Так не вела себя даже Ксения, которая закончила факультет управления, и время от времени говорила о том, в каких крутых магазинах она покупает свои шмотки (что, впрочем, его как-то особо не трогало). А тут эта

приезжая... Это нравилось ему всё меньше и меньше. Но дальше стало ещё «веселее». Когда Джонни предложил расположиться где-нибудь в кафе (Он уже давно знал от Леночки, что на лавочках сидят только бомжи и бабки. Хотя, наверное, сидеть с девушкой, как бы она к тебе ни относилась, на лавочке посреди торгового центра действительно было бы не самой лучшей идеей.), Ника заявила, что она надеется, что он в этот час не теряет времени и выбрал хорошее место, где им посидеть. Джонни ответил, что она живёт в этих краях и знает здесь места лучше. Ника же ответила, что предоставляет выбирать мужчине. При этом Джонни цинично подумал про себя: ну да, ну да, как же этой без современной женской дури, что мужчина должен всё решать, даже не располагая информацией.

В результате она предложила ему на выбор два заведения. От одного из них Джонни сразу интуитивно почувствовал запах счёта по несколько тысяч с носа, поэтому указал Нике на другое.

Когда они уселись и заказали пиццу, Ника попросила его рассказать про струны. Как у него это и случилось обычно с женщинами, вначале Джонни немного смущённо тупил. Это усугублялось тем, что он просто не понимал, зачем ей это надо. Она не производила на него впечатления искренне интересующегося человека. Скорее, это выглядело как стремление узнать что-то такое, чем можно блеснуть в свете. Мол, я вам не какая-нибудь безграмотная «понаехавшая».

Но, какова бы ни была её мотивация в этом вопросе, человек стремился к знаниям, и Джонни постарался удовлетворить её любопытство. Насколько это вообще было возможно с человеком, не изучавшим серьёзно ни физику, ни математику. Однако к концу его рассказа о струнах пицца была ещё в самом начале, надо было о чём-то говорить, и Джонни откровенно рассказал, что его интересы в познании мира за последнее время сместились от неживой природы в сторону живого, в первую очередь познания внутреннего мира людей. Включая себя самого, потому что он сам субъект ещё тот. Джонни добавил, что хотя она за время своей работы, несомненно, видела разных детей, он уверен, что если бы она знала, какое у него было детство, это произвело бы на неё впечатление. Какое же у тебя было детство? - поинтересовалась Ника.

Джонни принялся рассказывать ей, что никогда не видел своего отца. И сколько он себя помнит, мама работала. Что в детский сад он ходил очень недолго, потому что он постоянно болел и его там сильно обижали. Его воспитанием же в основном занималась бабушка, которая сначала не хотела, чтобы он родился, а потом хотела, чтобы он умер. Это очень удивило Нику, которая заметила, что «обычно бабушки души не чают в своих внуках.» Дед, правда, его любил. Насколько он вообще мог кого-то любить, то есть. Однако у деда была стенокардия, и любой конфликт на тему внука с бабушкой или матерью грозил ему смертью от сердечного приступа. А дед, естественно, хотел ещё пожить. Однажды, когда бабушка выгуливала трёхлетнего Джонни то ли на собачьей площадке, то ли в её окрестностях, он внезапно почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, обернулся и... увидел морду овчарки, пристально глядящую на него. Его неописуемый испуг многократно усилился тем, что морда начала ещё и громко лаять. Впоследствии сформировавшийся у него после этого эпизода страх перед собаками усилился ввиду следующего обстоятельства: Бабушка ему рассказала, что у многих собак, особенно бродячих, бесхозных, во рту содержится страшный яд, и если его покусает такая собака, он обязательно умрёт. А выжить он может, только если ему сделают 40 уколов в живот. Учитывая страх, который был у Джонни перед одним уколом в пальчик или в попу при взятии анализа или во время прививки, это наводило его на мысль о том, что, возможно, проще умереть от бешенства, чем делать эти 40 уколов. На это ему было сказано, однако, что сам процесс умирания от бешенства хуже казни на электрическом стуле. Впоследствии, уже повзрослев, Джонни осознал, насколько «удачен» был выбранный пример. К началу третьего тысячелетия выжили лишь несколько заболевших бешенством, притом каждому из них были сделаны прививки. Лишь в конце 2004 года первый раз за всю историю медицины американским врачам удалось спасти девочку, которая заболела бешенством после укуса летучей мыши, и которой не делали прививок от этой болезни ни до, ни после укуса. В свете сказанного неудивительно, что маленький Джонни начинал паниковать и рваться обойти за два квартала каждую собаку, бродячую или хозяйскую. Что было сделать очень непросто, учитывая количество собак на московских улицах.

Разумеется, собаки были далеко не единственным его страхом. Года в четыре с половиной Джонни научился читать. Первым словом, которое он прочитал, было слово «наука» на обложке журнала, который назывался «Наука или жизнь» или что-то в этом роде. С тех пор ему стало постепенно открываться познание чудес науки и техники, да и просто чудес окружающего мира. Которые, как оказывалось, имеют тенденцию иногда падать людям на головы, трагически завершая тем самым их жизненный путь. Джонни очень любил отрывные календари, от которых каждый день надо было отрывать по листочку. Он даже иногда читал, что там написано. Однажды Джонни прочитал в календаре, что некая звезда находится на расстоянии 36 световых лет от Земли. Не будучи в состоянии правильно интерпретировать эту информацию, Джонни подумал, что через 36 лет эта звезда свалится на Землю наподобие метеорита из научно-популярной программы, которую смотрел дед. Разумеется, тогда он не мог знать, что расстояние в 36 световых лет до звезды означает лишь, что электромагнитные волны, в частности свет, оттуда дойдут за 36 лет, и никакая звезда пока падать на Землю не собирается.

Несмотря на это, следует отметить, что число 36 само по себе его пугало не так, как числа, следовавшие за ним в ряду натуральных чисел. Дело в том, что Джонни в детстве очень часто болел. Сам он это впоследствии связывал с тем, что у его мамы была особая программа «закаливания» его организма. Её

реализация состояла в том, что каждые выходные она поднимала его рано утром и тащила за собой по электричкам в поход выходного дня. Как только они выходили из электрички, она снимала с него верхнюю одежду либо свитер, который был под верхней одеждой, дабы он «закалялся». В результате, после того как он собирал инфекцию в метро и по пригородным поездкам, после таких процедур закаливания он болел бронхитом или в лучшем случае инфекциями верхних дыхательных путей, а также ОРЗ. Поскольку перечисленные заболевания, как правило, сопровождались повышением температуры, у него сформировалась своего рода «магия чисел», символизирующих показания градусника, которых он стал бояться. 37, 38, 39, 40, 41,... чем выше, тем страшнее. При этом числа много больше 40 не пугали его, т.к. он уже тогда понимал, что ни при эндогенной гипертермии, ни при лихорадке такие температуры не могут быть достигнуты, т.к. труп начнёт остывать.

Но до 36 лет также надо было дожить, а это, как представлялось маленькому Джонни, было очень непросто. Как минимум, для этого нельзя было жениться. Такой страх перед брачными узлами был связан со следующими обстоятельствами. Они всей семьёй часто ездили в гости к его двоюродной бабке – родной сестре его родной бабки. Муж же двоюродной бабки развлекался тем, что читал уголовные хроники. В одной из таких хроник рассказывалось о женщине, которая, не скрываясь, желала смерти своему супругу. К которому у неё, кстати сказать, было сильное чувство... ненависти. И вдруг она словно сменила гнев на милость, и даже накормила мужа на ужин жареными грибочками с изумительно тонким нежным вкусом. Трагическая разгадка причин метаморфозы, происшедшей с его женой, открылась ему пару часов спустя. Он случайно заметил среди мусора ножки гриба с характерными юбочками, шляпки которых, очевидно, он съел за ужином. Ему недолго пришлось наводить справки, чтобы осознать, что супруга фактически подписала ему приговор. И хотя он по-прежнему не чувствовал ни малейших симптомов отравления, в течение нескольких дней его ждала мучительная смерть от печёночной недостаточности, когда омертвевшая печень перестанет обезвреживать аммиак и прочие токсичные продукты обмена веществ, которые станут разрушать его мозг и другие жизненно важные органы. И даже если его печень не откажет полностью, у него есть значительные шансы умереть от внутричерепного кровотечения, панкреатита, отстрой почечной недостаточности или остановки сердца. Муж двоюродной бабки словно смаковал возможные причины смерти мужчины, которого супруга накормила ужином из бледных поганок. А затем продолжил свой рассказ, добавив, что как только отравленный мужчина понял, какая участь его ждёт, он принял решение не умирать в одиночку и взял в руки топор. Скорее всего, самый первый удар, после которого его супруга обмякла и начала оседать на пол, по-видимому, уже был фатальным. Однако мужчина не только не успокоился, но и напротив, вошёл в раж, нанося удар за ударом, пока не изрубил «благоверную» в кровавый фарш, ну разве что с костями. Джонни тогда не мог не обратить внимание, что, по крайней мере некоторые из собравшихся за столом с интересом слушали эти рассказы и старались поддержать разговор. В частности, была рассказана история (реальная или вымышленная – маленький Джонни не был в состоянии уверенно оценить) о том, как молодая красавица на охоте завалила большого зверя. Коим оказался её весьма состоятельный и влиятельный супруг, оставивший ей значительное наследство. Последнего, впрочем, она была лишена и заточена под стражу, когда случайные путники нашли в лесу полуразложившееся тело её мужа с явными пулевыми ранениями. Муж двоюродной бабки с энтузиазмом отмечал, что как же эта дамочка должна была желать смерти своего супруга, чтобы не полениться сделать несколько контрольных выстрелов ему в голову, и где она взяла столько патронов? Когда Джонни вернулся домой, ему приснился сон о том, как он идёт по большой базарной площади, а навстречу ему – множество нарядных молодых женщин, среди которых он должен выбрать себе жену. Он испугался и бросился бежать, однако женщины не пускают его, преграждая ему путь: «куда же ты? Ты обязательно должен выбрать себе кого-нибудь!» Конечно, этот сон показался ему не таким страшным, как тот, где детский сад представлялся ему тюрьмой, а сокамерники – мальчики из его группы и воспитательницы в строгом наряде надзирателей по очереди били его металлическими лопатками. И всё же Джонни принял тогда, как ему казалось, твёрдое решение никогда в жизни не жениться.

Однако вскоре ему предстояло узнать о том, что скорее всего, ему будет суждено дожить лишь до половины того срока, когда звезда упадёт на землю. А потому проблема избежать фатального бракосочетания отпадает сама собой. Однажды, собираясь на улицу, Джонни был погружён в свои глубокие раздумья о том, как звёзды падают на землю. В это время уже одетая бабушка, которая ждала, пока он оденется, накалялась в прямом и переносном смысле. Наконец, решив придать ему должный тонус, она поведала Джонни о том, что как только ему исполнится 18 лет, его заберут в армию. А там, если он не сумеет встать с кровати и одеться на улицу за 45 секунд, пока горит спичка, которую держит в руке сержант, его расстреляют. А когда Джонни робко попытался предположить, что он постарается избежать армии, как и жениться, бабушка заметила ему, что тогда его объявят дезертиром и расстреляют в любом случае, даже не дав ему шанса попробовать одеться, пока горит спичка. Джонни очень хотелось жить и не хотелось быть расстрелянным. Поэтому, рискуя спалить квартиру и обжигая пальцы, которые он потом старался не показывать бабушке, Джонни пытался прикинуть, сколько реально времени горит спичка, а затем тренироваться одеваться с секундной стрелкой настенных часов в роли секундомера. На этом пути, однако, его ждало огромное и очень тревожное разочарование. Маленький Джонни пришёл к неутешительному выводу, что спичка прогорает значительно быстрее 45 секунд, а потому у него практически нет шансов не быть казнённым в армии.

Кроме того, Джонни был в курсе, что с неба падают не только звёзды, находящиеся на расстоянии 36 световых лет, но и рукотворные устройства – самолёты. Он также знал, что если конкретному самолёту суждено упасть тебе на голову, то этого не обязательно ждать 36 лет. Поэтому он с тревожным замиранием сердца провожал взглядом каждый самолёт, летевший над головой, особенно если самолёт летел, как ему казалось, достаточно низко. Особое впечатление произвёл на него рассказ его бабки, которая жила в 30-е годы в посёлке Сокол, о падении на посёлок гигантского для тех времён самолёта «Максим Горький». И хотя тогда никто из жителей посёлка не погиб, только члены экипажа и пассажиры, Джонни стал ждать, что со дня на день может упасть на его голову со значительно большей высоты один из постоянно гудящих над головой реактивных самолётов.

Для кого-то лето 1980 года – это слёзы на глазах, провожающих в небо олимпийского мишку. Для кого-то – уход из жизни Владимира Высоцкого и Джо Дассена. А для маленького Джонни лето 80-го – это постоянный страх умереть, будучи уколотым отравленной иглой в транспорте, особенно в метро или иных общественных местах. Этим на него наводили ужас как уже упомянутая двоюродная бабушка, так и мальчишки, с которыми играл в песочнице. Как он осознал впоследствии, сами-то они в это не особенно верили, а лишь испытывали удовольствие, пугая этим других.

Летом 1982 года он на своём опыте узнал, как дорого может обойтись некритическое принятие чужого мнения. Доверие мнению взрослых, в первую очередь его бабки, едва не стоило ему жизни. У него стал побаливать живот, примерно так же, как, согласно рассказам родственников, болел живот у его троюродной сестры, когда у неё был аппендицит. Тайком от взрослых он перерыл подшивку журнала «Здоровье», и нашёл соответствующую статью, на основании которой у него сформировалась практически полная убеждённость в том, что у него аппендицит. Он рассказал об этом бабке. Однако бабушка в ответ на это заявила, что у детей аппендицита не бывает, и перепрятала от него журнал «Здоровье». Когда же он стал настаивать, упоминая случай с троюродной сестрой, бабушка нашлась что сказать. И заявила, что, мол, это было совсем в других краях, когда её отец работал на строительстве БАМа, а в Москве такого не может быть. Не успокоившись полностью, Джонни попытался рассказать об этом маме. Однако мама также не восприняла его версию всерьёз, списав её на его мнительность, ипохондрию и т.д. А также стремление уклониться от поездки в пионерский лагерь. И, чтобы ему там «служба мёдом не казалась», она попросила физрука этого лагеря уделить ему особое внимание.

Хотя в лагере были хорошие вожатые, а ребята его практически не обижали, практически со дня приезда в лагерь у Джонни было неважное общее самочувствие, и чем дальше, тем хуже. Время от времени у него также побаливал живот. Однако лагерная жизнь шла своим чередом, и по просьбе его же мамы каждый день после плановой зарядки физрук с лицом и душой сержанта заставлял его подолгу отжиматься от пола. Точнее, вначале Джонни даже не мог отжаться от пола. Поэтому физрук очень грамотно и методично заставлял его отжиматься на наклонных поверхностях, постепенно переходя к отжиманию собственного веса полностью. Справедливости ради, в те времена даже сержанты, видимо, были человечнее. Потому что когда однажды Джонни пожаловался на боль в животе, физрук сказал, что боль в животе – это может быть очень серьёзно, и отправил его в медпункт. С тех пор чуть ли не каждый день Джонни ходил в медпункт жаловаться на самочувствие и измерять температуру. Однако боль в животе вскоре прошла, а температура вроде была нормальной. И со временем его там стали считать то ли симулянтom, стремящимся избежать усиленной зарядки, то ли просто домашним мальчиком, переживающим трудности адаптации к лагерной жизни. Понимая, что, с одной стороны, судя по самочувствию, дела его плохи, а с другой – что в лагере он правды всё равно не добьётся, Джонни стал писать слёзные письма маме: «Мамочка, я не знаю, что со мной происходит, но я очень плохо себя чувствую. Мне кажется, я скоро умру. Я тебя умоляю, заведи меня отсюда, пожалуйста». Однако в каждый из своих приездов в лагерь она делала вид, что ничего не знает про эти письма, оставляла ему гостинцы и уезжала без него.

По возвращении в Москву Джонни стал чувствовать себя всё хуже и хуже. Иногда болел живот, но больше всего, как ни странно, его волновало очень плохое общее самочувствие. Бабушка же, которой он жаловался, просто говорила, что он мнительный, советовала взять себя в руки и продолжала уверять, что у детей аппендицита не бывает. Наконец, в следующее за своим возвращением из лагеря воскресенье у него поднялась высокая температура, и он чувствовал себя так плохо, что ему было даже тяжело просто ходить по квартире. Тогда Джонни отчётливо понял, что если он сейчас же не уговорит маму сделать что-то по этому поводу, и сделать немедленно, то до следующих выходных он не доживёт. Наконец, ему удалось уговорить маму вызвать неотложку, врач пощупала его живот, и его увезли в морозовскую больницу с подозрением на острый аппендицит.

На следующий день его не кормили, а к ночи прооперировали. На всю жизнь он запомнил тот ужас, который охватил его, когда ему нацепили маску и велели дышать. Операционная стала вращаться перед его глазами с всё большей частотой, он только успел подумать и выдать из себя что, наверное, умирает, но ему ответили: «это ты засыпаешь».

Однако самым сложным в плане переживаний для него оказался следующий за днём операции день. Проснувшись в тот день, Джонни почему-то сразу захотел есть. Наверное, это было неудивительно, учитывая, что его перед этим полтора дня не кормили. И только он съел целое куриное яйцо, которым кто-то из палаты с ним поделился, как другой мальчик сказал ему: «ты очень зря это сделал. Тебе целый день нельзя пить и несколько дней нельзя есть. Теперь ты умрёшь». От этих слов у Джонни на лбу выступил

холодный пот, и началась самая настоящая паника. Ему сразу представилось, как остатки непереваренной пищи вывалятся из травмированного кишечника в брюшную полость и вызовут смертельный перитонит. Однако медсестры, когда он дрожащим голосом рассказал им о том, какую ужасную вещь он сделал, отнеслись к этому довольно флегматично. Сначала одна из них принесла ему горшок, и с улыбкой понаблюдала, как он тщетно пытался вызвать рвоту, дабы срыгнуть злополучное яйцо, по всей видимости, уже успевшее уйти далеко вниз. Затем другая медсестра принесла ему чайник с показавшимся ему очень приятным на вкус тёплым кофейным напитком.

Жизнь Джонни начала меняться кардинальным образом, когда ему исполнилось 13 лет. Сначала у него были короткие периоды, не более одного-двух дней, когда по необъяснимой причине он чувствовал себя плохо. Однако потом наступил такой период, когда он лежал больше недели, а затем после небольшого перерыва снова лежал больше недели и чувствовал себя всё хуже и хуже. Врачи ставили ему тривиальные диагнозы, а более серьёзные диагнозы не подтверждались, по крайней мере, при ограниченных возможностях диагностики того времени. Вынужденный лежать практически без дела несколько недель кряду на кровати, Джонни то и дело погружал свой болезненный ум в непростые метафизические размышления. Он мучительно думал о том, что прожил к тому времени уже 13 с половиной лет – целый жизненный цикл многих животных, даже млекопитающих. И что, судя по его состоянию здоровья, возможно, и его жизнь очень скоро закончится. Однако за эти тринадцать с половиной лет своего пребывания на Земле он так толком здесь ничего не познал, не сделал ничего хорошего для людей. Фактически, жизнь его прошла впустую. Он сильно сожалел об этом, и мечтал о том, что если ему ещё будет отведено судьбой сколько-нибудь продолжительное время жизни, он постарается исправить свои ошибки. Даже несмотря на то, что ему необходимо было смириться с тем очень тяжёлым для него фактом, что он никогда уже не будет чувствовать себя хорошо. Он знал, что все дни, сколько он будет ещё ходить по земле, он, скажем, будет чувствовать свои ноги, что они его, будет чувствовать, что они соприкасаются с землёй, но в то же время будет чувствовать, что они словно не свои, хотя пока и слушаются его. И, что ещё тяжелее, он понимал, что и на уровне зрительных ощущений всю оставшуюся жизнь окружающий мир будет казаться ему каким-то не вполне реальным, и что он до конца дней своих не сумеет избавиться от этого ощущения. Самое лучшее, на что он мог рассчитывать – это на какое-то время отвлекаться от этого мучительного ощущения ограниченной реальности всего в его мире. Пока он был юным, у него были некоторые иллюзии, и он что-то пытался объяснить врачам – невропатологам. Однако те, потыкав в него иголками и убедившись, что его конечности не парализованы и нервная проводимость в них не нарушена, лишь направляли его к психиатрам. Поэтому ему не оставалось делать ничего, кроме как смириться с увещеванием мамы. Она рассказывала ему о том, какие ужасные ядохимикаты колют психически больным, и что от них умрёт.

Когда Джонни немного пришёл в себя, к нему пришло неприятное осознание того факта, что у него были чудовищные провалы, если не сказать провалы, в знаниях из школьной программы по многим дисциплинам. Было от чего взяться уже не только за ум, но и за голову!

Джонни решил действовать постепенно, и сначала сосредоточиться на тех предметах, которые вызывали у него наибольший интерес. В частности, Джонни стал активно заниматься химией, которая очень интересовала его. Однако он понимал, что из-за проблем со здоровьем не сможет заниматься этими вопросами профессионально. Да и вообще работа в этой сфере представлялась ему такой, что если у тебя нет серьёзных проблем со здоровьем, то они легко могут появиться. Джонни знал, что ему нужно усиленно заниматься математикой, однако с этим также всё было очень непросто. Мама тоже не могла ему помочь – она лишь жаловалась подругам, что у него нет «ассоциативного мышления». Ситуация начала меняться лишь в последнем классе средней школы. Джонни уже тогда интересовался компьютерной техникой, хотя доступное ему тогда в школе отечественное оборудование имело весьма ограниченные возможности. Его учитель информатики, который, к сожалению, не преподавал математику его классу, помог ему поверить в свои силы. В ответ на жалобу Джонни, что ему «не даётся математика», тот учитель сказал, что математика – не девушка, чтобы даваться или не даваться. И сумел убедить Джонни в том, что освоить математику может каждый здоровый человек, который серьёзно и последовательно займётся её изучением.

В школе Джонни приходилось сталкиваться не только с академическими трудностями. Долгие месяцы болезни приводили его во всё худшую физическую форму. Это обстоятельство делало его лакомой добычей для тех, кто развлекался, пиная физически более слабых. Особенно выделялся в этом плане некто по прозвищу Кот из параллельного класса. Хотя по воспоминаниям много лет спустя проблематично делать уверенные выводы, вероятно, Кот относился к категории людей, которым посвящена эта книга. Здоровенный Кот постоянно носил выражение какой-то метафизической скуки на лице, и пытался её развеять, хлеща Джонни и некоторых других по лицу рукавами своей одежды. Это было не столько больно физически, сколько унижительно морально.

Как рассказали впоследствии бывшие одноклассники Кота, судьба его сложилась трагически. После окончания школы, он пробовал учиться то в одном, то в другом институте, однако ему становилось скучно, и он уходил, не закончив курса. Едва ли не единственной радостью и ярким ощущением в его жизни стал то ли бензол, то ли какой-то другой органический растворитель. Это его в итоге и погубило! Однажды жарким июльским днём, не учтя, что повышенная температура воздуха усиливает испарение, он вдыхал особо концентрированные пары. Какова была концентрация паров, неизвестно, но так или иначе Кот умер от внезапной остановки сердца.

Основной урок, который извлёк Джонни из истории с Котом ещё тогда, в школе, состоял в следующем. Есть люди, которые по природе настолько жестоки в сердце своём, что их бесполезно упрашивать или умолять о пощаде. Чем больше ты это будешь делать, тем больше они будут презирать тебя и издеваться. Единственный язык, который они способны понимать, - это язык силы.

Но чтобы говорить с этими людьми на понятном им языке, нужно иметь силу. Осознавая это, даже несмотря на слабое здоровье, подросток Джонни понемногу стал пытаться тренироваться. Однако, несмотря на все свои усилия, он по-прежнему был физически слабее большинства своих одноклассников. И лишь в последнем классе школы ему удалось добиться ощутимых результатов. Хотя у него не было дома никаких снарядов кроме перекладины, он нашёл в каком-то журнале комплекс атлетической гимнастики с медицинскими резиновыми жгутами, и начал заниматься с этим подручным средством. В результате на каких-то проверочных сборах от военкомата он сдал на отлично норматив по подтягиванию. Причём, в отличие от тех, кто последние разы едва дотягивались подбородком до перекладины, у него она каждый раз была на уровне груди.

На этом Джонни прекратил рассказ о своём детстве, потому что к этому моменту они с Никой доели последние куски своей пищи. Джонни кокетливо поинтересовался у Ники, какое впечатление на неё произвела история про его детство. Ника ответила, что «похороните меня за плитусом» просто «отдыхает и нервно курит в сторонке». И добавила, что у неё вызывает восхищение, как, несмотря на такие тяжёлые испытания на заре жизни, он в итоге нашёл в себе силы функционировать как полноценный человек. И она не считает, что, придя сюда с ним, она напрасно потратила время. Однако, поскольку многие наши проблемы во взрослой жизни родом из детства, она бы советовала ему поработать с психологом, точнее, чтобы психолог поработал с ним. Подобный тон разговора, а также её совет относительно психолога вызвали у него резко неприятные эмоции не только сами по себе (В её суждениях не только сквозило неуважение к нему, но присутствовала реклама услуг представителей своего цеха даже там, где это абсолютно неуместно!), но и чередой нахлынувших воспоминаний. Он вспомнил о том, как в своё время одна знакомая психотерапевтиха рассказывала ему о том, как к ней обратилась женщина, у которой в автокатастрофе погиб единственный сын. С тех пор, по её словам, для несчастной женщины жизнь потеряла всякий смысл, и она находилась постоянно в состоянии жуткой депрессии. Психотерапевтиха очень гордилась тем, что после того, как она поработала с этой женщиной, всего через несколько сеансов, женщина вообще перестала вспоминать о том, что у неё были дети. У Джонни было другое видение всего этого. Он считал естественным для человека, пережившего горе, испить до дна полную чашу страдания. Это, помимо прочего, отличает человека в высоком смысле слово от психопата. Способного, например, от скуки своими руками удавить близкого человека, а затем приготовить и съесть. То же, насколько полноценной станет жизнь человека впоследствии, зависит от того, сумеет ли человек открыть для себя некий новый смысл. Каким будет этот смысл, может решить для себя только сам человек.

Замяв неинтересный ему разговор про услуги психологов, Джонни хвастливо заметил Нике, что его детство – это лишь одна из его историй. А ещё у него есть история, например, про одну совершенно необычную девушку... И он вкратце изложил Нике основные пункты этой истории. На что Ника, в свою очередь, кокетливо заявила ему, что он зря ей сказал про это тогда, когда им уже пора расходиться и что он умеет заинтриговать. Ведь она спать теперь долго не сможет, будет думать, что там было с этой девушкой! Но она очень надеется, что в следующую их встречу он ей обязательно расскажет. Но Джонни-то прекрасно знал, что следующей их встречи не будет. А мысли его снова и снова возвращались к той самой совершенно необычной девушке, про которую он знал, что никогда не расскажет Нике...

На следующей после встречи с Никой неделе имели место два момента, которые, словно яркие вспышки, заливающие всё необычным светом, заставили Джонни на короткое время иначе взглянуть на Леночку. Сначала Леночка сама неожиданно написала ему в аську: «Муся, когда я умру, ты будешь носить цветочки мне на могилку?» Сначала Джонни воспринял это как довольно примитивную манипуляцию его нежными чувствами к ней, нажатие на жалость и т.д. Ему цинично подумалось: интересно, от чего она собралась помирать? От неудачного аборта или от родов? В таком случае пусть ей цветочки носит тот, с кем она там трётся... Однако вслух, естественно, он не готов был ей это сказать, а потому уклончиво пообещал ей, что если он её переживёт и будет знать, где её могилка, то цветочки принесёт обязательно. Тем самым он тонко намекал на то очень удобное ей обстоятельство, что у них никогда не было, нет, и не будет общих знакомых. Больше ничего он ей сказать не смог, потому что неожиданно для него самого, мысли его стали течь в совершенно нежелательном направлении. Он почему-то вдруг стал думать о том, как она питается, как злоупотребляет алкоголем, какой вообще ведёт образ жизни... Это, в свою очередь, в очередной раз навело его на размышления о том, что такими темпами она скоро угробит своё здоровье, а он ничего не может сделать, чтобы этого не допустить. Или, по крайней мере, пока не придумал, что можно сделать. При этих мыслях у него прямо-таки защемило сердце – так стало ему жалко Леночку.

Другой момент состоял в том, что совсем молодой парень из западной страны писал о себе: «Я умеренный социопат. И хотя одна часть меня не хочет меняться, другая хочет. Да, мне бывает забавно наблюдать, насколько глупы бывают люди, особенно когда они столь доверчивы, что верят в сладкие слова, обильно текущие из моих уст. Да, я паразит, однако несмотря на это, есть люди, которым я хотел бы перестать делать больно. Так может, вы перестанете изображать из себя жертв и постараетесь помочь таким людям, как я?.. Я знал о том, что я социопат, ещё не достигнув 10-летнего возраста, но лишь недавно мне был поставлен

официальный диагноз. Сейчас мне 18, и я лгал и отравлял жизни другим всё это время». Он словно пытался объяснить людям, что «социопаты тоже люди»: «если вы режете нас, разве у нас не идёт кровь? И если вы убиваете нас, разве мы не умираем?»

Читая это, Джонни почему-то вдруг подумал что Леночка, даже если она этого не осознаёт, по сути, такой же изгой в этом обществе нормальных людей, которое отталкивает всех, кто на них не похож. Поэтому им, двум изгоям, нужно держаться вместе, несмотря ни на что. Таков был его настрой, когда однажды воскресным утром Леночка напомнила ему о его намерении купить ей платящие на корпоративную вечеринку.

Однако с самого начала их встречи в тот день Леночка повела себя безобразно. Ещё по дороге в ТЦ, где они должны были покупать ей платящие, она завела с ним разговор о том, какой он хочет себе подарок на Новый год. Прекрасно зная, что ей не нравится его шапка и что нужно выбрать что-нибудь недорогое, Джонни сказал, что ему нужна шапка. Мол, тебе же эта не нравится. На это Леночка отвечала, что без проблем, Муся, будет тебе шапочка. Только мне нужна денежка, чтобы купить тебе подарок. Когда Джонни поинтересовался, сколько нужно денег, Леночка ответила: три тысячи. Сумма ему, мягко говоря, не очень понравилась, и он начал смущённо мямлить о том, почему так дорого, ведь он вот эту шапку, которую он сейчас мнёт в руках, купил за 160 рублей. Леночка, однако, в очередной раз крайне неодобрительно отозвалась об этой шапке и добавила что три тысячи - это ещё не много за хорошую шапку. После чего, словно в доказательство своих слов, в подземном переходе она ткнула его новым в норковую шапку, которая там продавалась за девять тысяч девятьсот девяносто рублей.

Пока Джонни тупил на тему, что его снова развели, и как теперь объяснить Леночке, что три тысячи – это слишком за шапку для него, учитывая что она и так это знает, а просто хотела его развести... она развела его ещё раз. И сделала она это очень просто, попросив ещё до того, как они вошли в ТЦ, деньги на платящие. Он спросил: сколько оно стоит? Она ответила: пять тысяч. Когда он попытался ей сказать, что дороговато, она начала капризничать в довольно грубой форме, в очередной раз пыталась его заставить повторять за ней, что жлобство и жмотство это плохо, и он замолк. А как и насколько его развели, Джонни понял, когда узнал, что купленное Леночкой платящие стоит всего две тыщи с небольшим. Остальное же, очевидно, она положила себе в карман на разные мелкие расходы. Самое обидное состояло даже не в том, что ему было жалко для неё этих денег, а в том, что складывалось впечатление, что она стреляет их не потому, что ей действительно необходимо, а просто с тем, чтобы развести его на некую сумму и потом её освоить.

Всю дорогу домой он думал о том, как унижительно позволять такое отношение к себе. Вечером Джонни написал Леночке смс, в которой изложил свою позицию. Смысл её ответа был таков: возьми себя в руки. Такой ответ, однако, разозлил его ещё больше. Получалось, что просто воспринимала его так, словно он ей истерику устроил. Немного взяв себя в руки, насколько он мог это сделать, Джонни понял, что ситуация ясна, и ему необходимо принять окончательное решение. Поскольку он чувствовал, что Леночка уверена в его моральной слабости и неспособности прекратить в одностороннем порядке контакты с ней, Джонни старался выбирать как можно более неприятные формулировки, с тем, чтобы уже закончить с ней раз и навсегда. В итоге он написал примерно следующее: «Мне очень жаль, что природа обделила тебя способностью уважать и любить другого человека, наделив вместо этого талантом обманывать и использовать тех немногих людей, которые относятся к тебе по-человечески. Но я тебе не лох и не жертва, поэтому не собираюсь больше принимать в этом никакого участия. Поскольку мы с тобой больше никогда не увидимся, не надо покупать мне подарок, просто оставь себе деньги, раз они тебе так нужны, что ты ради этого каждый раз придумываешь новую, изощрённую ложь. Всего хорошего». Естественно, никакого ответа на это он уже не ждал. И только на следующий день днём неожиданно его счёт мобильного телефона пополнился на две тысячи рублей. После чего пришла смс с хорошо знакомого номера: «Всё, что у меня осталось от твоих денег, я положила тебе на телефон. Вот теперь действительно, всего хорошего».

Будучи невротиком, умеющим приписать любой ситуации как можно более негативную интерпретацию, Джонни посмотрел на этот жест как на прощальный и весьма эффектный плевок ему в морду. В самом деле, для Леночки, которая, вероятно, помимо него разводила на деньги ещё целую армию добрых и доверчивых людей, плюс минус две тысячи ничего особо не значили. Для него же эти деньги, которые пришли даже не ему лично, а фактически его оператору мобильной связи, были лишь ещё одним болезненным напоминанием о том, что ему и позвонить-то некому. Так была окончательно закрыта эта тяжёлая и противоречивая страница его жизни.